

Тит ЛИВИЙ

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА

Москва
2014

УДК 1/14
ББК 87.3
Л55

Серия основана в 2007 году

Перевод с латинского под редакцией *П. Адрианова*

Ливий Тит

Л55 Римская история от основания города. Полное издание в одном томе/Пер. с лат. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1290 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1618-9

Тит Ливий (Titus Livius) (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — один из самых известных римских историков и философов, принадлежащих к золотому веку древнеримской литературы. Почти всю свою жизнь он посвятил созданию фундаментального труда об истории Рима.

Настоящее издание включает все дошедшие до нас 35 книг, описывающие историю Римской империи от мифического прибытия Энея в Италию до 167 года до н. э.

Эта книга — блестящий памятник великолепию и могуществу Древнего Рима и один из основных источников современных знаний о древнеримской истории.

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN 978-5-9922-1618-9

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

... Для меня важно, чтобы каждый внимательно проследил, какая была жизнь, какие нравы, какие люди и какими средствами в мирное и военное время добыли и увеличили могущество государства.

ТИТ ЛИВИЙ

КНИГА I (753—509 гг. до н. э.).

Предисловие

Будет ли стоить труда, если я напишу историю римского народа с основания города, я хорошенько не знаю, да если бы и знал, то не решился бы сказать: дело в том, что предприятие это, как я вижу, и старое, и многими испробованное, причем постоянно появляющиеся новые писатели думают или принести нечто новое со стороны фактической, или превзойти суровую древность искусством изложения. Как бы то ни было, все же приятно будет и мне, по мере сил, послужить увековечению деяний первого народа на земле; и если имя мое в такой толпе писателей останется в тени, то я стану утешать себя славой и величием соперников. Кроме того, дело это большого труда, так как приходится воспроизводить события более чем за 700 лет, и притом из жизни государства, начавшего с малого и возросшего до того, что величина его становится ему уже в тягость; наконец большинству читателей несомненно доставит мало удовольствия история возникновения города и ближайших к тому событий; они ведь спешат ознакомиться с новейшим, ближайшим к нам временем, когда силы чересчур могучего народа стали истреблять сами себя. Я же буду вознагражден уже и тем, что отвернусь от пережитых нами бедствий хоть на то время, пока всеми силами моей души буду занят воспроизведением тех древних событий; тут я не буду испытывать никакой тревоги, которая, если и не в состоянии отклонить ум писателя от истины, то все же может беспокоить его. Я не намерен ни утверждать, ни опровергать известий о событиях, предшествовавших основанию, или — вернее — соизволению судьбы на основании города: все они более изукрашены поэтическими вымыслами, чем опираются на несомненные исторические памятники: древности дозволяется освящать начало городов, примешивая божеское к человеческому. И если какому народу должно дозволить освятить свое возникновение и приписать его богам, то римский народ приобрел это право своей воинской доблестью, и народы, переносящие власть его, должны столь же безропотно сносить, когда он называет своим родоначальником и родителем основателя своего города не кого иного, как Марса.

Я не придам также особенного значения тому, как взглянут и оценят это и ему подобные известия; для меня важно, чтобы каждый внимательно проследил, какая была жизнь, какие нравы, какие люди и какими средствами в мирное и военное время добыли и увеличили могущество государства; пусть он затем проследит, как нравственность с постепенным падением порядка начала колебаться, как она затем все более и более стала клониться к упадку и наконец рухнула; таким образом мы дошли до настоящего положения, когда уже не можем выносить ни пороков, ни средств против них. В этом-то и состоит нравственная польза и плодотворность изучения истории, что разнообразные примеры созерцаешь точно на блестящем памятнике: отсюда можно взять и для

себя, и для своего государства образцы, достойные подражания, тут же найдешь и позорное по началу и концу, чего следует избегать. Впрочем, или меня обманывает любовь к предпринятому труду, или действительно никогда не существовало государства более великого, более нравственного, более богатого добрыми примерами, государства, в которое бы столь поздно проникли жадность и роскошь и где бы дольше оказывался столь великий почет бедности и воздержанию; мало того, чем меньше было средств, тем меньше гонялись за ними; только недавно богатства породили жадность, а обилие в удовольствиях — страсть губить себя и все роскошью и распутством. Но пусть хоть начало столь великого предприятия свободно будет от жалоб, которые и тогда не будут приятны, когда их, быть может, нельзя будет избежать. Если бы у нас, как у поэтов, это было в обычае, то мы гораздо охотнее начали бы с добрых предзнаменований, с обетов и молитв богам и богиням, чтобы они даровали счастливый успех приступившему к столь великому делу.

1. Прежде всего достаточно известно, что за взятием Трои последовала свирепая расправа со всеми троянцами, кроме Энея и Антенора, к которым ахейцы не применили права войны вследствие старинного гостеприимства и постоянных советов помириться и вернуть Елену. Затем после разных приключений Антенор прибыл в самый отдаленный залив Адриатического моря с горстью энетов, которые за мятеж были изгнаны из Пафлагонии и, лишившись под Троей царя Палемона, искали вождя и места для поселения; прогнав евганеев, живших между морем и Альпами, энецы и троянцы завладели этой землей. Место, где они высадились в первый раз, называется Троей, а оттуда и область носит имя троянской; народ же весь назван венетами. Эней, бежавший от той же беды из отечества, но предназначенный судьбой для более великих начинаний, сперва прибыл в Македонию, оттуда, ища места для поселения, занесен был в Сицилию, а от Сицилии пристал со своими кораблями к Лаврентской области. И это место зовется также Троей. Выйдя здесь, троянцы, как люди, у которых после чуть не бесконечного блуждания не осталось ничего, кроме кораблей и оружия, захватили находившийся на полях скот; тогда царь Латин и аборигены¹, владевшие тогда теми местами, бежались с оружием в руках из города и деревень, чтобы отразить нападение пришельцев. О последующем существует двоякое предание: по одному, Латин, проиграв сражение, заключил с Энеем мир, а затем и породнился с ним; по другому, когда оба войска стояли готовыми к битве, прежде чем подан был знак, из толпы старейшин выступил Латин и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Тут он спросил, что они за люди, откуда и по какому случаю ушли из дому и чего ради высадились в Лаврентской области; услышав, что народ — троянцы, а вождь их — Эней, сын Анхиза и Венеры, что бежали они из сожженного отечественного города и ищут места для поселения и основания нового города, Латин, дивясь знатности народа и вождя и готовности их помириться или сражаться, укрепил будущую дружбу рукопожатием. Затем вожди заключили договор, а войска приветствовали друг друга; Эней стал гостем Латина, а затем перед Пенатами Латин скрепил союз политический домашним, выдав за Энея дочь свою. Это обстоятельство окончательно укрепило в троянцах надежду, что их блуждания наконец-то кончились и они нашли постоянное и надежное место для поселения. Они основывают город, и Эней в честь супруги называет его

¹ Хотя древние писатели, считая аборигенов первоначальными жителями Италии, и производят их имя «ab odigine», но греческая транскрипция заставляет усомниться в справедливости этой этимологии.

Лавинием. Немного спустя у молодых супругов родился сын, которого родители назвали Асканием.

2. Затем аборигены и троянцы одновременно подверглись нападению. Царь рутулов Турн, за которого до прибытия Энея просватана была Лавиния, оскорбленный предпочтением пришельца, напал на Энея и Латина. Оба войска вышли из битвы с ущербом: рутулы были побеждены, а победители, аборигены и троянцы, потеряли вождя Латина. Тогда Турн и рутулы, не доверяя своим силам, искали защиты у известных своим могуществом этрусков и царя их Мезенция, повелевавшего Церой, сильным в то время городом. Уже с самого начала он был недоволен возникновением нового города; тогда же, считая, что силы троянцев растут гораздо больше, чем то позволяет безопасность соседей, он охотно соединил свое оружие с оружием рутулов. Эней, желая ввиду столь грозной войны привлечь к себе сердца аборигенов, назвал оба народа латинянами для того, чтобы все имели не только одни законы, но и одно имя. И с тех пор аборигены не уступали троянцам в усердии и преданности царю Энею. Надеясь на мужество двух народов, со дня на день более и более сближавшихся друг с другом, Эней вывел войска в поле, хотя слава могущества Этрурии разнеслась не только по земле, но и по морю вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива; к тому же он имел возможность защищаться в стенах. Последовавшее сражение было удачно для латинян, а для Энея оно было и последним подвигом. Погребен он у реки Нумика; как подобает именовать Энея, я не знаю, зовут же его обыкновенно Юпитером туземным.

3. Сын Энея Асканий не достиг еще того возраста, чтобы вступить во власть, но царство осталось нетронутым до его возмужалости; Латинское государство — царство его деда и отца, охраняемое женщиной, уцелело; такой способной женщиной была Лавиния! Я не стану спорить, — да и кто решится говорить с полной уверенностью о столь древнем событии! — был ли это тот Асканий или другой, старший, родившийся от Креузы еще во время существования Илиона, сопровождавший отца в бегстве, словом, тот, которого под именем Иула род Юлиев считает своим родоначальником. Этот-то Асканий — все равно, где и от кого он родился, во всяком случае достоверно, что он был сыном Энея, — вследствие избытка в населении оставил цветущий, по тому времени, город матери (или мачехи), а сам основал у подошвы Альбанской горы новый город, который назвал Альбой Лонгой, так как он тянулся вдоль горного хребта. Между основанием Лавиния и выведением колонии Альбы Лонги прошло почти 30 лет, тем не менее могущество государства, особенно после поражения этрусков, возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время управления женщиной, ни даже в первые годы царствования юноши ни Мезенций с этрусками, ни другие соседи не рисковали поднять оружия. По мирному договору границей между этрусками и латинянами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром. Затем царствовал сын Аскания Сильвий¹, неожиданно родившийся в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у этого Латин Сильвий. Он вывел несколько колоний, которые получили название древних латинян. Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. У Латина был сын Альба, у Альбы — Атий, у Атия — Капий, у Капия — Капет, у Ка-

¹ Древние римские писатели приписывали основание Рима или самому Энею, или Ромулу, называя последнего внуком его. Но так как основание Рима приурочивали к 400 или даже 432 г. после разрушения Трои, то получался слишком большой промежуток; чтобы сгладить это противоречие, около времени Суллы составлен был приводимый Ливием список альбанских царей.

пета — Тиберин, который утонул, переплывая Альбулу, получившую от того славное впоследствии имя Тибр. Затем царствовал Агриппа, сын Тиберина, после Агриппы — Ромул Сильвий, принявший власть от отца; он поражен был ударом молнии; ему непосредственно наследовал Авертин; этот погребен на холме, получившем от него имя и составляющем ныне часть Рима. Затем царствовал Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий. Старинное царство Сильвиев завещано было Нумитору, как старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата — Рею Сильвию — он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом пощети весталкой.

4. Но я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением соизволению судьбы. Когда изнасилованная весталка родила близнецов, то она объявила отцом этого безвестного потомства Марса или потому, что верила в это, или потому, что считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была брошена в тюрьму¹, а детей приказано было выбросить в реку. Но по воле рока Тибр выступил из берегов и образовал болота, так что нигде нельзя было подойти к его настоящему руслу; вместе с тем посланные надеялись, что дети утонут хоть и в стоячей воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они выбросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская² смоковница (говорят, что она называлась Ромуловой). В тех местах была тогда обширная пустыня. Существует предание, что, когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, волчица, шедшая из окрестных гор к воде, направилась на плач детей; она с такой кротостью кормила их грудью, что главный царский пастух по имени Фаустул нашел ее лижущей детей. Последний принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции. Некоторые полагают, что Ларенцией называлась жившая среди пастухов развратная женщина, и это послужило основанием удивительной сказки³. Так родились они и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они охотясь бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но нападали и на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное ими с пастухами и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом и шутками.

¹ Право выбора и наказания весталки принадлежит царю, как верховному жрецу.

² Руминальская смоковница (*fiens Ruminalis*), по показанию древнего грамматика (*Festus*, p. 270), названа так потому, что под ней волчица кормила Ромула и Рема грудью, грудь же называется *rumis*. Смоковница эта находилась на той части Палатинского холма, которая именуется *Setmalis* и лежит против Капитолия. Во времена Ливия ее уже не было; надо, следовательно, полагать, что Ливий не точно выразился или смешал эту смоковницу с другой, которая росла на комиции и существовала еще при Плинии Старшем. Наименование этой смоковницы Ромуловой основано на смешении имени богини *Rumina*, которой она была посвящена, с именем Ромула.

³ *Acca Larentia*, мать Ларов, под именем *Lupa* или *Lupercas* почиталась как воспитательница богов — покровителей римского государства — Ника и Фавна; в честь ее установлен был праздник Ларенталий. Позже ее превратили в историческую личность — кормилицу Ромула и Рема, а так как слово *lupa* имеет и предосудительное значение, то эту кормилицу стали считать публичной женщиной. В основе сказки о волчице лежит, как полагают, тоже сходство имени богини *Lupa* с именем волчицы (*lupa*).

5. Уже в то время существовало празднество Луперкалий¹ на горе Палатинской, называвшейся сперва от имени аркадского города Паллантия² — Паллантейской. Там Эвандр, родом аркадянин, много лет живший в тех местах, установил взятую из Аркадии празднество, состоявшее в том, что нагие юноши бегали, сопровождая шутками и весельем поклонение Пану Ликейскому³, переименованному впоследствии римлянами в Инуя. Этот праздник стал известным; и вот, когда они предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбился, а Рем был захвачен и немедленно представлен царю Амулию, как обвиняемый. Главное обвинение состояло в том, что они нападают на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняют оттуда скот, точно неприятели. Вследствие этого Рем был передан Нумитору на казнь. Уже с самого начала Фаустул подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он нашел их; но, не уверившись окончательно, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше. И вот под влиянием страха он открывает все Ромулу. Случайно и Нумитор, держа под стражей Рема и слыша о братьях-близнецах, вспомнил о внуках, сопоставляя их возраст и характер пленника, вовсе не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же результату и почти признал Рема. Таким образом царю со всех сторон куются козни. Ромул, не считая возможным действовать открытой силой, нападает на царя не с шайкой юношей, а приказав каждому пастуху своей дорогой явиться к определенному времени около дворца, со стороны же жилища Нумитора является на помощь Рем, приготовивший другой отряд.

(1 — 37 г.)⁴ 6. Так они убивают царя. Нумитор в начале суматохи, заявляя, что неприятели вторглись в город и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты крепости; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, тотчас созывает собрание, выставляет на вид преступление против него брата, указывает на происхождение внуков, как они родились, как воспитались, как были узнаны, как затем убит тиран, и объявляет, что он виновник этого. Юноши, стройно выступив на середину собрания, провозгласили деда царем, а следовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское имя и власть. Предоставив таким образом Альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбанском и латинском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе подавало надежду, что и Альба и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но в этом деле сказалось вредное влияние дедовского зла — страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за довольно маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании уважения к старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания, чтобы

¹ 15 февраля совершалось празднество в честь бога плодородия Фавна Луперка; в притом сказании это празднество отождествляется с греческим.

² Город к западу от Теген, признан был родиной Эвандра едва ли раньше Варрона.

³ Ликейским называется Пан от имени горы Лусаепс, лежавшей близ Паллантия; там родился Пан и там же был его храм.

⁴ Здесь и далее в тексте приводятся даты по летоисчислению от основания Города (Рима). Первый год от основания Города соответствует 753 г. до н. э.

боги, покровители тех мест, указали знаменьями, кому дать имя городу и кому управлять им.

7. Рассказывают, что знамение — 6 коршунов — явилось ранее Рему, и оно уже было возведено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени [появления птиц], другие — на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к резне, во время которой в толпе был убит Рем. Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: «Так [будет со всяким], кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом Ромул один завладел царством, а город был назван именем основателя¹.

Прежде всего он укрепил Палатинский холм, на котором сам вырос. Священнодействия всем богам он установил по альбанскому ритуалу, Геркулесу же по греческому, как это было положено Эвандром. Рассказывают, что Геркулес, убив Герiona, пригнал в эти места удивительно красивых быков его и, переплыв вслед за стадом через Тибр, улегся на лугу, чтобы дать отдохнуть и покормиться на хорошей траве скоту, да и самому оправиться от усталости с дороги. Когда, отяжелев от пищи и вина, он заснул, живший в тех местах пастух по имени Как², страшной силы, плененный красотой быков, задумал присвоить себе эту добычу; но понимая, что если он прямо погонит скот в пещеру, то следы приведут туда хозяина, когда он станет искать быков, он перетаскал туда самых лучших из них за хвост. Проснувшись на заре, Геркулес обвел глазами стадо и, видя, что части его недостает, направился к ближайшей пещере посмотреть, не туда ли ведут следы; видя, однако, что все они направлены из пещеры и не идут никуда дальше, смущенный и в недоумении он погнал стадо из этого злого места. Но когда коровы, уходя и тоскуя по оставшимся, начали, как это обыкновенно бывает, мычать, ответное мычание запертых в пещере обратило на себя внимание Геркулеса. Как попробовал заградить ему силой доступ в пещеру, но пораженный палицей пал, напрасно взывая о помощи к пастухам. Царствовал тогда в этих местах, больше опираясь на свое нравственное превосходство, чем на власть, Эвандр, бежавший из Пелопоннеса; муж этот пользовался уважением за удивительные письмена³, неведомые грубым людям, а еще больше вследствие веры в божественную силу его матери Карменты, перед пророчествами которой преклонялись обитатели Италии еще до прибытия туда Сивиллы⁴. Этот-то Эвандр встревожен был суетней пастухов, в страхе бегавших около чужестранца, явно виновного в убийстве. Узнав о преступлении и причине его и видя, что рост и вся внешность этого мужа больше и внушительнее, чем у смертного, он спросил, что он за человек. Услышав имя его, его отца и отечество, он сказал: «Привет тебе, Геркулес, сын Зе-

¹ Ливий оставляет открытым вопрос, происходил ли спор до или после основания Рима. Этимологически невозможно производство Roma от Romulus; из имени Romulus вышло бы Romula, но так как уменьшительная форма имени могла иметь дурное значение для будущего государства (omen), то она и изменена была в Roma.

² Как у поэтов является чудовищем с получеловеческим видом; он потомок Вулкана. Вероятно, что итальянские греки отождествляли его имя с прилагательным «злой» и в этом смысле он удобно противопоставляется «доброму мужу» (Эвандру). Жил Как, по одним, на Палатине, где и позже показывали «лестницу Кака» (Scalae Casi), ведущую к цирку, по другим — на Авентине.

³ Латинскому алфавиту приписывается греческое происхождение (или от Эвандра, или от Геркулеса); занесен он был в Лаций, вероятно, через Кумы.

⁴ Сивилла прибыла в Италию, по преданию, после разрушения Трои.

веса! Мать моя, правдивая истолковательница воли богов, предсказала, что ты увеличишь число небожителей и что тебе будет здесь посвящен жертвенник, и некогда могущественнейший народ на земле будет именовать его величайшим¹ и поклоняться ему по обычаю, тобой установленному!» Подав правую руку, Геркулес сказал, что он принимает пророчество и готов исполнить волю судьбы, основав и посвятив жертвенник. Тут впервые принесена была в жертву Геркулесу избранная из стада корова; к участию в служении и пиршестве приглашены были потиции и пинарии, как пользовавшиеся наибольшим почетом в тех местах. Случайно вышло, что потиции явились вовремя и им предложены были внутренности, пинарии же успели к остальной части пира, когда внутренности были уже съедены. Отсюда сохранился обычай, что, пока существовал род пинариев, они не ели внутренностей от праздничных жертв. Наученные Эвандром² потиции много веков были предстоятелями этих священнодействий, пока не исчез род их уже после того, как это священное служение их было поручено общественным рабам. Эти-то священнодействия — единственные — Ромул принял от чужестранцев, вообще же уже тогда он был почитателем приобретенного доблестью бессмертия, к которому вела его собственная судьба.

8. Когда богопочитание было устроено надлежащим образом, то он, созвав собрание, дал толпе законы, так как ничем иным нельзя было сплотить ее в один народ. Полагая, однако, что они только в том случае будут уважаемы поселениями, если внешние знаки власти внушат им почтение к нему самому, он возвысил себя в их глазах, как всей вообще обстановкой, так особенно присвоив себе 12 ликторов. Некоторые полагают, что он выбрал это число, сообразуясь с числом птиц, которые предрекли ему царскую власть; я же склоняюсь к мнению тех, которые думают, что и служители этого рода, и число их заимствовано у соседей этрусков, откуда взято и курульное кресло, и тога претекста; а у этрусков было так установлено потому, что у них 12 племен союбщи избирали царя, и каждое племя давало по одному ликтору. Между тем с присоединением все новых и новых мест укрепления города росли, но они возводились больше в расчете на будущий прирост населения, чем сообразно с тем, которое было тогда. А затем, чтобы большой город не оставался пустым, для увеличения населения открыто было убежище, которое находится за загородкой между двумя рощами, если спускаться [с Капитолия]³. Руководился Ромул при этом старым обычаем основателей городов, которые, привлекая к себе толпу темного и низкого происхождения, сочиняли потом, что народ родился у них из земли. Туда сбегался из соседних племен всякий сброд, без различия, свободные и рабы, желавшие перемены своего положения, и это было основанием слагавшегося величия. Когда уже не было недостатка в людях, он учреждает совет, избрав сто старейшин или потому, что считал это число достаточным, или потому, что было всего сто человек, которых можно было вы-

¹ Ага *maxima* — жертвенник Геркулеса — вместе с часовней находился у входа в цирк (*circus maximus*) на «бычачьей площади» (*forum boarium*), названной так потому, что здесь, по преданию, остановился Геркулес со своими быками. Так как Геркулес был *Dius Fidus* (бог верности), то при его жертвеннике заключались договоры; в дар ему приносили десятую часть приобретенного, а в древности и военной добычи.

² Жертву надлежало приносить с непокрытой головой, жертвенный пир съедать сидя и не допускать к нему женщин; все это, по одним, было установлено Эвандром со слов Геркулеса, по другим — самим Геркулесом.

³ В ложбине, находящейся между двумя вершинами Капитолия, в то время покрытыми лесом, находился храм бога *Veiovis*, защищавшего и очищавшего бежавших к нему рабов, должников и преступников. Подобные убежища существовали и в других местах Италии.

брать в «отцы». Вследствие почета, которым пользовались, они названы были «отцами», а дети их «патрициями».

9. Уже Рим окреп настолько, что мог померяться силами с любым из соседних государств, но за отсутствием женщин это могущество могло продолжиться лишь век человека, так как у них дома не было надежды на продолжение рода, не было и брачного союза с соседями. И вот по совету отцов Ромул отправил к соседним племенам послов просить союза и договора, обеспечивающего для нового народа право вступать в браки. «Города, — говорили они, — как и все остальное, возникают из ничтожества; затем кому помогает своя доблесть и боги, те приобретают великое могущество и славное имя. Нам достаточно известно, что и боги помогли возникновению Рима, и в доблести не будет недостатка. Итак, вы — люди — не гнушайтесь вступить в кровное родство с людьми!» Нигде послы не были выслушаны приветливо: так презирали их и боялись за себя и потомство ввиду того, что среди них крепнет такая сила. Большинство отвергло их, спрашивая, отчего бы не открыть им убежища и для женщин: вот было бы как раз подходящее супружество! Это очень оскорбило римскую молодежь и очевидно должно было повести к насилию. Для удобства исполнения задуманного Ромул, скрыв огорчение, преднамеренно затевает торжественные игры в честь Нептуна, сотворившего коня, и называет их консуалиями¹. Затем приказывает объявить о [предстоящем] зрелище соседям и, чтобы придать ему блеск и интерес, он делает к играм роскошные приготовления, какие только были известны и возможны в то время. Сошлось много народа, желавшего вместе с тем и посмотреть на новый город, преимущественно же соседи — жители Ценины, Крустумерии, Антемны; пришла и целая толпа сабинян с женами и детьми. Радушно принятые по домам, ознакомившись с положением города, его стенами и многочисленными зданиями, они дивились, что могущество римлян выросло в столь короткое время. Когда наступило время игр и взоры всех с напряженным вниманием обращены были туда, согласно уговору, происходит нападение: до данному знаку римские юноши бросаются в разные стороны похищать девушек: большей частью хватали кому какая попадалась, но некоторых, выдававшихся красотой, приносили в дома главнейших из отцов простолюдины, которым было поручено это дело. Рассказывают, что одна девушка, далеко превосходившая всех красотой и фигурой, захвачена была шайкой Талассия, и когда многие спрашивали, кому несут ее, то во избежание оскорбления ее много раз кричали: «Талассию»; отсюда этот возглас вошел в употребление при свадьбах². Вследствие происшедшей отсюда паники игры разстроились и печальные родители девушек бежали, жалуясь на нарушение закона гостеприимства и взывая к богу, на торжественные игры которого они пришли, будучи вероломно и безбожно обмануты. Да и похищенные были также в отчаянии и не менее негодовали. Но сам Ромул обходил их и объяснял, что это произошло вследствие гордости их родителей, отказавших соседям в брачном договоре; тем не менее они, став законными супругами, будут участниками в имуществе, гражданских правах и, что всего дороже людям, будут иметь общих детей; пусть они только смягчат свой гнев и отдадут сердца свои тем, кому судьба отдала их тела. Часто обиду сменяет расположение и они приобретут себе отличных мужей, так как каждый, по мере

¹ Имя бога, соответственно названию праздника, было *Cousus*; он был покровителем земледелия, его жертвенник находился в конце цирка и оставался весь год засыпанным; открывали его всего три раза в год, преимущественно в дни Консуалий — 21 августа и 15 декабря.

² «*Talassio*» кричали невесте при входе ее в дом жениха; значение этого слова неизвестно было уже древним; полагают, что это было имя бога брака.

сил своих, будет стараться, выполнив обязанности супруга, возместить и тоску по родителям и родине. Присоединились сюда ласковые речи мужей, оправдывавших свой поступок страстной любовью, а для женщин это наиболее действенное средство.

10. Уже сердца похищенных были очень смягчены, а родители их тем временем в траурной одежде, слезно жалуясь, волновали общины; выражая свое негодование, они не ограничивались своими пределами, а стекались [сами] и присылали посольства отовсюду к сабинскому царю Титу Тацию, так как имя его пользовалось известностью в тех пределах. Больше всех обижены были жители Ценины, Крустумерии и Антеми; считая Тита Тация и сабинян слишком медлительными, эти три народа сообща стали готовиться к войне; но и жителей Крустумерии и Антеми крайне раздраженные ценинцы признали недостаточно энергичными, и вот они одни нападают на римские пределы. Но Ромул встретил их, когда они врассыпную производили опустошения, и в легкой стычке показал им, что бессильный гнев ни к чему не ведет: войско их он рассеял, обратил в бегство и преследовал, царя их он убил в битве и снял с него доспехи, а вследствие гибели неприятельского вождя и город был взят при первом натиске. Возвратившись домой с победоносным войском и будучи мужем столь же великим по своим подвигам, сколь любящим блеснуть ими, он повесил доспехи с убитого вражеского вождя на нарочно для того устроенные носилки и вступил в Капитолий¹; здесь он положил их у дуба, чтимого пастухами, и принесши дары, назначил место для храма Юпитера и дал богу новое прозвище: «Юпитер Феретрийский! — сказал он. — Я, победоносный царь Ромул, приношу тебе это царское оружие и посвящаю храм таких размеров, которые я мысленно обозначил², место для «тучных доспехов», которые, следуя моему примеру, будут приносить потомки, убив неприятельских вождей». Таково происхождение первого храма, посвященного в Риме³. Так затем и решили боги, чтобы не напрасны были эти слова основателя храма, возвестившего, что потомки будут приносить сюда добычу; но вместе с тем многочисленность участников не сделала чести принесения этого дара обычной: в последующее время, в течение стольких лет и при столь большом числе войн, дважды⁴ только были добыты «тучные доспехи»: так редко посылала [судьба] это отличие.

11. Тем временем полчища антемятов, пользуясь отсутствием римского войска, напали на их пределы. Но и против них быстро приведен был римский отряд и захватил их, когда они рыскали по полям. Вследствие этого при первом натиске, при первом крике неприятель бежал, а город был взят. Ромул торжествовал двойную победу, и потому жена его Герзилия, склоненная просьбами похищенных, убедила его простить их родителей и принять в число граждан. «Так путем соглашения, — говорила она, — община может усилиться». Ромул легко склонился на ее просьбу. Затем он отправился на жителей Крустумерии, сделавших вражеское нападение. Тут борьба была еще короче, так как неприятели пали духом вследствие поражений, понесенных другими. В обе области были выведены колонии; так как Крустуминская земля была очень плодородна, то туда нашлось больше охотников, а затем многие переселились и в Рим, преимущественно из родителей и родственников похищенных.

¹ Это еще не был триумф, учреждение которого Ливий приписывает Тарквинию (38 гл.).

² Ромул совершает действия, приписываемые в других местах авгуру (ср. гл. 18).

³ Храм этот находится на западном склоне Капитолийского холма.

⁴ В первый раз после Ромула «тучные доспехи» принес А. Корнелий Косс, убив вейентского царя Толумния (IV, 19), во второй — М. Клавдий Марцелл, убив инсубрийского царя Виридомара (222 г. до Р. X.).

Следующее нападение сделано было сабинянами, и оно было всех серьезнее. Они действовали не под влиянием раздражения и увлечения, и объявили войну, лишь когда начали ее. К обдуманному плану присоединилось коварство. Начальником римской крепости¹ был Спурий Тарпей. Его молодую дочь Таций подкупил золотом, чтобы она впустила вооруженных в крепость — она случайно пошла за городские стены за водой для священнодействий. Войдя в крепость, они забросали ее оружием или с той целью, чтобы казалось, будто они силой заняли крепость, или чтобы на примере научить, что по отношению к предателю вовсе не обязательно держать слово. Присоединяют баснословные рассказы, будто она выговорила себе то, что они носят на левой руке; носят же все сабиняне на левой руке тяжелые золотые браслеты и большие кольца с камнями, но они вместо даров из золота набросали ей щитов. Некоторые говорят, что она в условии передачи крепости прямо требовала оружия, которое у них было в левой руке, вследствие чего была заподозрена в коварстве и умерщвлена тем, что сама себе выговорила, как плату за услугу.

12. Так или иначе, но крепость была в руках сабинян, и на следующий день, когда римское войско наполнило все пространство между Палатинским и Капитолийским холмами, они спустились в равнину лишь тогда, когда римляне, горя желанием вернуть крепость, пошли на приступ. И тут и там к битве поощряли вожди — со стороны сабинян Меттий Курций, а со стороны римлян Гостий Гостилий. Стоя в первом ряду, он своей бодростью и смелостью поддерживал римлян, хотя они занимали невыгодную позицию. Как только Гостий пал, римское войско тотчас дрогнуло и побежало по направлению к старым воротам Палатинского холма. Ромул, также увлекаемый толпой бегущих, подняв оружие к небу, воскликнул: «Юпитер! По приказанию посланных тобою птиц я положил здесь основание городу. И вот сабиняне, купив преступлением крепость, владеют ею; отсюда с оружием в руках они стремятся сюда и уже перешли середину долины, но ты, отец богов и людей, хоть сюда не пусти врагов, освободи римлян от страха и останови позорное бегство. Здесь я посвящаю храм тебе, Юпитеру Статору², который да послужит на память потомству, что город спасен твоей явной помощью». Так помолвившись и как бы чувствуя, что молитва его услышана, он сказал: «Отсюда, римляне, всеблагий и всемогущий Юпитер приказывает остановиться и возобновить битву!» И римляне, точно по мановению небесного голоса, остановились: сам Ромул выбегает в первый ряд. Со стороны сабинян первым сбежал с крепости Меттий Курций и гнал римлян по всему пространству, занятому теперь форумом. И уже он был недалеко от Палатинских ворот, крича: «Мы победили вероломных друзей и слабых врагов; теперь-то они знают, что одно похищать девушек, а другое сражаться с мужиками!» Когда он так похвалялся, на него напал Ромул с кучкой самых отважных юношей. Случайно Меттий сражался в ту минуту, сидя на коне, тем легче было обратить его в бегство; римляне преследовали его. И другой отряд, воссламененный смелостью вождя, рассеял сабинян. Конь, перепуганный шумом преследующего неприятеля, занес Меттия в болото; это обстоятельство, опасность столь важного лица, отвлекло и сабинян. И когда он, одобренный знаками и криками своих, выбрался, римляне и сабиняне среди равнины, ле-

¹ Ю.-з. вершина Капитолийского холма (mons Tarpeius) занята была во время Ромула крепостью; позже на ней был выстроен храм Юпитера и она вместе с храмом получила название Капитолий. С.-в. вершина занята была Сабинской крепостью и называлась в узком смысле «крепостью» (агх).

² Храм был сооружен лишь в 264 г. до Р. Х. консулом М. Атилием, по обету, данному им в битве при Луцерии.

жащей между двумя холмами, возобновляют битву. Но перевес был на стороне римлян.

13. Тогда сабинские женщины, из-за оскорбления которых началась война, победив под влиянием беды женский страх, с распущенными волосами, в растерзанной одежде решились броситься меж летающих стрел и, протеснившись сбоку, разнять сражающиеся войска, разнять раздраженных; взывая с одной стороны к отцам, с другой к мужьям, они просили не обгагрять себя безбожно кровью, указывая им на то, что они тести и зятя, не осквернять потомков — одни внуков, другие детей — убийством кровных своих. «Если вы негодуете на свойство, если вы негодуете на брак, то обратите свой гнев на нас; мы причина войны, мы причина ран и смерти наших мужей и родителей; лучше нам погибнуть, чем жить без кого-нибудь из вас или вдовами, или сиротами». Это тронуло и толпу, и вождей; сразу водворяется тишина и спокойствие; затем выходят вперед вожди для заключения договора; и не только заключается мир, а два государства соединяются в одно; царское достоинство делают общим и верховную власть сосредоточивают в Риме. Чтобы и за сабинянами осталось хоть что-нибудь, жители удвоившегося таким образом города получили название квинитов от имени города Кур. Памятником этой битвы осталось название Курциева озера за тем местом, где остановилась лошадь Курция, выбравшись из болота. Неожиданное и радостное водворение мира после столь ожесточенной войны сделало сабинянок еще более дорогими и мужьям, и родителям, и прежде всех самому Ромулу. Поэтому, разделив город на 30 курий, он назвал их именами женщин. Относительно того нет известий, давалось ли право наименования курий женщинам по их возрасту, или по знатности их или мужей, или по жребию, так как несомненно, что число женщин было гораздо больше числа курий. В тоже время были набраны и три центурии всадников: рамны [Rampenses] получили имя от Ромула, тидии [Titienses] от Т. Тация, причина же наименования и происхождения луцеров [Luseres] неизвестна. С этого времени оба царя царствовали не только сообща, но и соглас но.

14. Несколько лет спустя родственники царя Тация прогнали послов лаврентских, и когда лаврентцы на основании международного права стали требовать удовлетворения, Таций отдал предпочтение расположению к своим и их просьбам. Вследствие этого наказание, следовавшее им, пало на него: прибыв в Лавиний для торжественного жертвоприношения¹, он был убит напавшей на него толпой. Рассказывают, что Ромул отнесся к этому случаю более спокойно, чем следовало бы, или потому, что управление сообща заключает в себе начало неверности, или потому, что считал это убийство совершенно справедливым. Итак, воздержавшись от войны, он, однако, возобновил договор между Римом и Лавинием², чтобы очистить народ, повинный в оскорблении послов и убийении царя. Таким образом с ними сверх чаяния сохранен был мир, но зато возникла другая война ближе, почти у самых ворот города. Фиденаты, руководствуясь мыслью, что слишком близко от них растет могущественное государство, поспешили начать войну, прежде чем сила его достигнет тех размеров, которых она, очевидно, должна была достичь. Посланы были вооруженные юноши, которые опустошили все пространство между городом и Фиденатами; затем, так как справа мешал Тибр, то, повернув в левую сторону,

¹ Как римский царь, Т. Таций приносил жертву богам Латинского союза на празднике Пенатов, впоследствии это делали консулы и диктаторы при вступлении в должность и ее оставлении.

² Договор этот возобновлялся ежегодно после латинских ферий (feriae Latinae) даже и тогда, когда латиняне были уже покорены.

они продолжают опустошение, наводя великий страх на поселян, и неожиданное появление последних в городе возвестило о беде. Так как столь близкая война не терпела отлагательства, то встревоженный Ромул выводит войско и располагается лагерем в 1000 шагов от Фиден. Оставив здесь небольшую отряд, он двинулся со всеми силами, а части воинов приказал сесть в засаду в потаенном месте, окруженном густыми кустарниками; затем, двинувшись с большей частью пехоты и всей конницей, он начал шумную и грозную битву и, подъезжая почти к самым городским воротам, вызвал неприятеля, а это-то ему только и нужно было; в то же время кавалерийской битвой подан был видимый предлог к бегству, в которое надо было обратиться притворно. И когда конница как бы колебалась, недоумевая, сразиться или бежать, а вследствие этого и пехота попятилась назад, враги, настезь отворив ворота, ударили на римское войско и, горя желанием наступать и преследовать, завлечены были в место засады. Внезапно выскочив оттуда, римляне напали с фланга на врага; паника усилилась при виде двигавшихся со стороны лагеря знамен тех отрядов, которые оставлены были на его защиту. Таким образом пораженные со всех сторон фиденаты бросились бежать чуть ли не прежде, чем Ромул и бывшие с ним всадники успели повернуть лошадей. И вот те, кто только что гнался за притворно бегущими, неслись к городу в гораздо большем беспорядке, так как их бегство было настоящее. Однако они не ускользнули от рук неприятеля; преследовавшие по пятам римляне, смешавшись с ними, ворвались в город, прежде чем успели запереть ворота.

15. Подстрекаемые войной, затеянной фиденатами, их родственниками (фиденаты тоже этруски), побуждаемые вместе с тем близостью места, откуда римляне станут грозить оружием всем соседям, вейнты сделали набег на римские пределы, но они скорее производили потраву, чем вели настоящую войну; не располагаясь лагерем, не дожидаясь неприятельского войска, они вернулись в Вейи с добычей, награбленной с полей. Напротив римляне, не найдя в полях врага, перешли Тибр и с напряженным вниманием приготовились к решительному сражению. Услышав, что они располагаются лагерем и собираются подступать к городу, вейнты выступили им навстречу, предпочитая решить дело в открытом бою, чем, будучи запертыми, сражаться за свой кров и стены. Здесь римский царь победил без всяких искусственных средств, опираясь исключительно на силу старого войска; преследуя рассеянного неприятеля до стен, он не напал на город, так как последний был укреплен стенами и положением. На обратном пути он опустошает поля не столько ради добычи, сколько с тем, чтобы отомстить врагу. И эта беда не менее, чем несчастная битва, побудила вейнтов послать в Рим послов просить мира; часть области была отнята у них, а затем им дано перемирие на сто лет. Вот приблизительно все, что свершено было в царствование Ромула дома и на войне; все это нисколько не противоречит вере в его божественное происхождение и признанию, что после смерти он причислен к богам — и дух его, выразившийся в возвращении царства деду, и план основания города и укрепления его военными и мирными средствами. Он ведь дал ему столько силы, что в течение последующих 40 лет можно было жить в мире. Больше ему предан был народ, чем отцы, но наибольшим сочувствием он пользовался среди воинов; из них-то не только в военное, но и в мирное время он всегда держал при себе, как телохранителей, 300 человек, которых наименовал «Быстрыми»¹.

¹ «Быстрыми» назывались всадники, каковое наименование Ливий и другие писатели ошибочно перенесли на царских телохранителей.

16. Свершив эти бессмертные дела, он производил смотр войску на поле у «Козьего болота»; и вот внезапно налетевшая буря, сопровождаемая раскатами грома, окружила царя столь густым облаком, что он сделался невидим собранию, и после того Ромула не стало на земле. Римляне, оправившись от страха, когда за такой бурей наступила тишина и возвратился солнечный свет, увидали царское седалище пустым; хотя они верили стоявшим ближе отцам, что он взят бурей на небо, однако в унынии долго хранили молчание, как бы пораженные страхом своего сиротства. Затем, по почину немногих, все приветствуют Ромула, как бога, сына бога, царя и родоначальника Рима; в молитвах спрашивают у него мира, чтобы он благосклонно и милостиво всегда охранял свое потомство. Я полагаю, что уже тогда были некоторые, кто втихомолку подозревал, что он растерзан руками отцов, так как сохранилось и это предание, хотя и очень темное¹; благоговение перед этим мужем и объяввший всех страх придали больше веса первому преданию; к подтверждению его послужила еще находчивость одного человека. В то время как государство, тоскуя по царе, было в тревожном состоянии и враждебно настроено против отцов, выступил в собрании Прокул Юлий верным свидетелем, хотя и по чудесному делу. «Граждане! — сказал он. — Ромул, отец нашего города, совершенно неожиданно спустившись с неба, повстречался мне сегодня на рассвете. Когда я, пораженный ужасом, с благоговением стоял перед ним, моля, чтобы позволено было созерцать его, он сказал мне: «Иди и возведи римлянам, так хотят небожители, чтобы мой Рим был главой вселенной, поэтому пусть они усердно занимаются военным делом и пусть сами знают и так передадут потомкам, что никакие человеческие силы не в состоянии противиться римскому оружию». Так сказав, он поднялся на небо. Замечательно, какую веру придали этому известию и до какой степени признание бессмертия Ромула успокоило тоску по нему в народе и войске².

(38 г.) 17. Между тем умы отцов волновало соперничество и желание захватить царскую власть. Но так как никто еще особенно не выдавался из среды молодого народа, то борьба шла не между отдельными лицами, а партийная — между племенами. Происходившие из сабинян, опасаясь потерять право на царскую власть, хотя союз был правный, желали, чтобы царь был избран из их среды, так как после смерти Тация царя из них не было; старые же римляне с презрением смотрели на царя иноземца. Так как прелесть свободы еще не была изведена, то, несмотря на различие симпатий, все же все желали, чтобы был царь. Затем отцы начали бояться, как бы государство без главы, войско без вождя не подверглось нападению со стороны многочисленных враждебно настроенных соседних государств. Поэтому, с одной стороны желали, чтобы был один представитель власти, а с другой, никому и в мысли не приходило уступить сопернику. И вот сто отцов достигают соглашения между собой, установив 10 декурий и распределив между ними отдельных лиц, к которым должна была переходить верховная власть. Управляли 10, из них один имел знаки власти и ликторов, что (пребывание в высшей власти) ограничивалось пятидневным сроком, и так шло по всем вкруговую³.

¹ Возникновение этой редакции сказания о кончине Ромула относят во времена борьбы патрициев с плебеями.

² Апофеоз Ромула относится к позднему времени; Энний передает ее в другой форме, говоря, что Ромул взят был на небо в колеснице отца своего Марса. Как защитник соединенных рамов и таций, Ромул был обоготовлен под именем Ромула-Квирина.

³ Рассказ Ливия был бы совершенно ясен, если бы сенат состоял из 100 человек, но в гл. 13 упомянуто, что с принятием сабинян в число римских граждан государство, а следовательно, и число сенаторов удвоилось, т. е. их было 200. Думать, что участие в управлении

Отсутствие царя продолжалось год¹; названо оно было «междучарствием», каковым оно было на самом деле и каковое имя сохраняется и по настоящее время. Затем в народе поднялся ропот, что рабство усилилось, что вместо одного теперь сто повелителей; и казалось, что они не станут повиноваться никому, кроме царя, и притом ими самими избранного. Когда отцы заметили, что движение принимает такое направление, то предпочли сами предложить то, что им предстояло потерять; таким образом, передав народу верховную власть, они заручаются его расположением, хотя предоставленные ему права были не больше удержанных ими самими. Ибо они постановили, чтобы народное избрание только тогда было действительно, если отцы утвердят его. И в настоящее время, когда принимаются законы и избираются должностные лица, сохраняется тоже право, хотя оно и лишено значения; дело в том, что прежде чем народ подает голоса, отцы дают утверждение неизвестному еще результату комиций. Тогда междучарь, созвав собрание, сказал: «Да послужит сие ко благу, счастью и благополучию! Квириты, избирайте царя, таково соизволение отцов. А затем отцы утверждают, если вы изберете достойного стать вторым после Ромула». Это было так приятно народу, что он, не желая отстать в великодушии, сделал только постановление, чтобы сенат выбрал царя для Рима.

(39—82 гг.) 18. В то время пользовался известностью справедливый и набожный Нума Помпилий. Жил он в сабинском городе Куры — муж опытнейший в храмовых и гражданских законах, насколько это возможно было в те времена. За отсутствием другого учителем его ошибочно называют самосца Пифагора, между тем как известно, что он, живя на отдаленном конце Италии около Метапонта, Гераклеи, Кротоны, собирал вокруг себя толпы юношей, искавших знания более ста лет после того, именно, когда царем в Риме был Сервий Туллий. И хотя бы он жил и в то же время, как молва о нем могла проникнуть из тех мест к сабинянам? Или на каком языке беседуя, он мог возбудить в ком-нибудь желание учиться? Или при чьей помощи мог он один пробраться через столько племен, различных и по языку и по нравам? Итак, я считаю более вероятным, что ум Нумы образовался благодаря природным дарованиям и развился не столько под влиянием иноземной науки, сколько благодаря серьезному и строгому порядку, господствовавшему среди сабинян, благочестивее которых в те времена не было народа. Услышав имя Нумы, никто из римских отцов не решился предпочесть ему ни себя, ни кого-либо из своей партии, ни из сенаторов, ни из граждан, и единогласно постановили передать ему царскую власть, хотя и понимали, что с избранием его сила склоняется на сторону сабинян. Получив приглашение, он приказал спросить о себе богов по примеру Ромула, который принял царство согласно гаданию, произведенному при основании города. И вот приведенный в кремль авгуром, который после того получил в виде почести свое жреческое достоинство от лица го-

принимали не все сенаторы, нельзя, поэтому приходится остановиться на предположении, что все сенаторы делились на 10 равных частей, именуемых декуриями, но в каждой декурии было не непременно 10 человек, а могло быть и более. Нельзя с точностью сказать и того, в каком порядке управление переходило от одного лица к другому; чередовались ли между собой сперва все члены 1-й декурии, затем 2-й, 3-й и т. д., или же составлялась коллегия из 10 первых членов каждой декурии, затем из 10 вторых и т. д. до конца. В том и другом случае, как порядок декурий, так и порядок отдельных членов каждой декурии определялся жребием.

¹ И тут остается неясность: если даже предположить 100 участников в управлении, то и тогда междучарствие продолжалось не менее 500 дней, Ливий же говорит о годичном промежутке.

сударства и навсегда¹, он сел на камень, обратившись лицом к югу. Авгур, покрыв его голову, сел слева от него, держа в правой руке загнутую палку без сучков, именуемую *lituus*. Обозрев затем город и поля и помолвившись богам, он обозначил пределы от востока до запада, сказав, что правая сторона будет считаться на юге, а левая на севере, а на земле мысленно наметил знак на расстоянии, какое только можно было видеть; затем, взяв жезл в левую руку, правую же возложив на голову Нумы, он молился так: «Отец Юпитер! Если есть на то твоя воля, чтобы этот Нума, голову которого я держу, был царем в Риме, то пошли нам верное знамение в тех пределах, которые я обозначил». Затем он исчисляет те знаменания, о ниспослании которых он молил; когда же они были ниспосланы, то Нума был объявлен царем и сошел с места гадания.

19. Получив таким образом царство, Нума задумал путем установления законов и обычаев снова основать молодой город, основанный силой оружия. Понимая, что к этому нельзя привыкнуть среди войн, от которых люди делаются дикими, он решил смягчить суровый народ и для этого построил на краю Аргилета² храм Яна³, который должен был служить показателем мира и войны: если он был отперт, то это показывало, что государство находится на военном положении, если же заперт, то значит, окрестные народы пользуются миром. Два только раза после царствования Нумы храм был заперт: в первый раз в консульство Т. Манлия, по окончании Первой пунической войны; во второй раз боги сподобили нас видеть это, когда после Актийской битвы император Цезарь Август водворил мир на море и на суше. Заперев храм Яна и привязав к себе соседней союзными договорами, Нума, опасаясь, как бы народ, сдерживаемый до сих пор боязнью перед врагом и военной дисциплиной, освободившись от внешних опасностей, не впал среди жира в распущенность, решил прежде всего внушить страх перед богами — средство самое действительное против непросвещенной и грубой толпы, каковой были в то время римляне. Но так как, не выдумав чуда, нельзя было вложить этот страх в сердца людей, то он делает вид, что у него бываю по ночам свидания с богиней Эгерией; по еее совету он учреждает наиболее приятные богам священнодействия и поставляет для каждого бога особых жрецов. Прежде всего соответственно движению луны он разделяет год на 12 месяцев; но так как лунный месяц не заключает в себе полных 30 дней и недостает [нескольких] дней до полного года, образуемого оборотом солнца от одного солнцестояния до другого, то, вставляя промежуточные месяцы, он устроил дело так, что через каждые 20 лет дни совпадали с положениями солнца, соответствующими тому году, с которого начали, и число дней всех годов вместе выходило полное. Он же установил дни не служебные и служебные, так как представлялось полезным определить, чтобы в некоторые дни не позволялось вести дела перед народом.

20. Затем он обратил внимание на избрание жрецов, хотя большинство жреческих обязанностей он оставил за собой, преимущественно те, которые теперь переданы фламину Юпитера. Но так как он думал, что среди воинственного народа будет больше царей, похожих на Ромула, чем на Нуму, и что они сами будут ходить на войну, то и учредил постоянного фламина Юпитеру и

¹ Во всей Италии, в том числе и в Риме, существовали авгуры до Нумы, но он дал им коллегияльное устройство и присвоил пожизненно жреческое звание. И в последующее время их услугами пользовались магистраты, вопрошая через их посредство волю богов, прежде чем приступить к какому-нибудь предприятию.

² *Argiletum* находится на с.-в. от Форума.

³ Храм Яна имел только две стены и крышу, остальные две стены заменяли ворота; в храме стояло изображение Яна, во время Нумы единственная статуя бога.

присвоил ему блестящую одежду и царское курульное кресло. К нему он присоединил двух фламинов — одного Марсу, а другого Квирину¹ и избрал дев Весты; это жреческое звание идет из Альбы и не чужое роду основателя Рима. Чтобы они были постоянными предстоятелями храма, он назначил им жалование от казны, а обязав их быть девами и окружив их церемониалом², он сделал их уважаемыми и неприкосновенными³. Он избрал также 12 салиев⁴ Марсу-Защитнику и дал им вышитую тунику, поверх туники медный панцирь и небесное оружие, именуемое «ancilia»⁵, которое приказал носить, шествуя с пляской в три такта по городу и воспевая гимны⁶. Затем избрал из среды отцов понтифика — Нуму Марция, сына Марка, и передал ему точное описание всех священнодействий, какие жертвы, в какие дни и при каких храмах следует приносить и откуда испрашивать деньги на связанные с ними издержки. Равным образом все остальные, общественные и частные, священнодействия он подчинил решению понтифика⁷, чтобы было к кому обращаться народу за советом, во избежание нарушения церковных законов, происходящего от небрежения отеческими преданиями или заимствования иноземных обычаев. Тому же понтифику предоставлено было давать наставления не только касательно обрядов, сопровождающих служение небожителю, но и относительно надлежащего погребения и умиловливания тени усопшего, а равно какие знамения, посылаемые в виде молнии или иного явления, должны быть принимаемы и предотвращаемы [жертвами]. Чтобы выведать их у богов, он посвятил на Авентинской горе жертвенник Юпитеру, именуемому Elicius⁸, и узнал от бога при помощи авгурий, какие знамения следует принимать.

21. Пока обсуждалось и устанавливалось все это, народ забыл совершенно о военных делах, умы [постоянно] были заняты чем-нибудь, а непрестанная забота о богах, заставлявшая думать, что они сами участвуют в человеческих делах, наполнила сердца таким благочестием, что государственная жизнь была более управляема добросовестностью и клятвой, чем страхом перед карой закона. И в то время как сам народ подражал в своих нравах примеру царя, этого отменного мужа, и соседние народы, думавшие прежде, что среди их возник не

¹ Упомянутые 3 фламينا назывались «старшими» (flamines maiores) и всегда выбирались из патрициев; кроме того, было 19 младших фламинов.

² Возведение в весталки соединялось с гаданиями, они имели особенную одежду и пользовались разными преимуществами.

³ В храме Весты, этом очаге Римского государства, лежавшем на склоне Палатинского холма, обращенном к Форуму, они должны были поддерживать неугасимый огонь. Жалование, о котором упоминает Ливий, вероятно, не было постоянным, а выдавалось единовременно при вступлении в жреческое звание.

⁴ Имя салиев уже древние производили от salio, имея в виду совершаемое ими по городу шествие в три такта (tripudium).

⁵ Однажды, когда Нума молился, ему упал на руки щит с неба и раздался оттуда голос, говоривший, что пока этот щит будет у римлян, их могущество будет незыблемо. Вследствие этого Нума распорядился сделать 11 таких же овальных щитов, так что нельзя было узнать настоящий, и похищение его становилось почти невозможным.

⁶ Торжественная процессия салиев, обходивших город в марте месяце, сопровождалась пением гимна в честь всех небожителей вместе и каждого в отдельности. Этот гимн (salpene saliare) есть древнейший памятник римской поэзии и был непонятен уже при Горации и ранее.

⁷ Очевидно речь идет о *верховном* понтифике, который, не заведая культом определенного божества, наблюдал за всеми вообще священнодействиями; это звание долго оставалось за патрициями, державшими плебеев в зависимости и в религиозном отношении.

⁸ Elicius, т. е. вызванный с неба, являющийся в виде молнии и тем обнаруживающий свою волю.

город, а лагерь, чтобы нарушать общий мир, прониклись уважением и считали безбожным оскорблять государство, всецело обратившееся к богопочитанию. Была роца, которую постоянно орошал источник, вытекающий из тенистой пещеры. Так как Нума часто удалялся туда один, будто бы для свиданий с богиней, то и посвятил ее Каменам¹, так как, по его словам, там они собирались с супругой его — Эгерией. Установил он и празднество богине Верности. К ее капищу² он велел ездить жрецам на паре в колеснице с дугообразной покрывкой и совершать жертвоприношение рукой, завернутой до пальцев, в знак того, что Верность должна быть почитаема и что священное седалище ее находится и в деснице. Он учредил и другие священныхдействия и освятил места для их совершения, именуемые понтификами «Argei»³. Но главным делом всего его правления была охрана мира наравне с царством. Таким образом два царя, следовавшие один за другим, укрепили государство каждый по своему — один войной, другой мирными средствами. Ромул царствовал 37 лет, Нума — 43. Государство было сильно и хорошо организовано и для мира, и для войны.

(82—114 гг.) 22. Со смертью Нумы наступило междоцарствие. Затем народ избрал в цари Тулла Гостилия, внука Гостилия, прославившегося битвой против сабинян у подножия крепости⁴; отцы утвердили избрание. Этот не только не походил на своего предшественника, но был еще воинственнее Ромула. Побуждали его к тому столько же [его цветущий] возраст и силы, сколько слава деда. Итак, считая, что государство слабеет от мира, он искал повсюду случаев затеять войну. Как раз римские поселяне угнали скот с альбанских полей, а альбанские — с римских. Царем в Альбе был в то время Гай Клуилий⁵. Из обоих государств почти одновременно отправлены были посольства требовать удовлетворения. Тулл наказал своим послам прежде всего вести переговоры о том, что им поручено, хорошо зная, что альбанцы откажут; таким образом можно будет объявить войну вполне законно. Альбанцы действовали беспечнее. Любезно принятые Туллом, как гости, они охотно участвуют в царском пиршестве. Тем временем римляне первые потребовали удовлетворения и вследствие отказа альбанцев объявили, что через 30 дней начнется война. С этим известием они вернулись к Туллу, а тогда и он предложил послам высказать, зачем они пришли. Ничего не зная, они сперва напрасно оправдывались, что против воли своей, повинувшись приказанию, они должны сказать нечто неприятное Туллу: они пришли требовать удовлетворения, и если оно не последует, то им приказано объявить войну. На это Тулл отвечал: «Возвестите вашему царю, что римский царь призывает в свидетели богов, пусть они взыщут за все ужасы предстоящей войны с того народа, который первый пренебрег требова-

¹ Камены — нимфы источника, имеющие дар прорицания, впоследствии были отождествлены с музами (у Эвния); посвященная им роца находилась у Капенских ворот (porta Capena); из находившегося тут источника весталки брали воду для своего храма.

² Капище богини Верности находилось на Капитолии.

³ В Риме было 24 часовни (по 6 в каждой городской трибе), которые носили имя Argei, 16 и 17 марта совершался ход от одной часовни к другой, причём flaminica Dialis (жена flamen'a Dialis) являлась в трауре, знаком коего были непричесанные волосы. Вторая процессия совершалась 15 мая, в ней принимали участие понтики, весталки, преторы и те граждане, кто имел на то право; все шло на rons sublivus и по принесению жертвы бросали в Тибр 24 куклы, также называвшиеся Argei.

⁴ См. гл. 12.

⁵ Об отношениях Рима и Альбы Ливий ничего не говорит, и в существовании договора, о котором упоминается ниже, можно сомневаться. На основании рассказа об избрании Меттия Фуфетия диктатором сомнительно, что и Клуилий был царем; вернее всего, что с прекращением рода Сильвиев вместо царей стали избирать ежегодно сменяемых диктаторов.

нием послов, просивших удовлетворения». Это известие и приносят альбанские послы домой.

23. И вот с обеих сторон начались усиленные приготовления к войне, весьма похожей на междоусобную, более того, чуть не к войне между родителями и детьми: ведь все они были потомки троянцев, так как Лавиний обязан своим происхождением Трое, Лавинию — Альба, а римляне — роду альбанских царей. Но исход войны не был особенно печален, так как до сражения дело не дошло и оба народа, ограничившись каждый разорением вражеского города, соединились в один. Альбанцы первые с огромными силами напали на римскую область и, расположившись лагерем не более как в 5000 шагов от города, окапывают его рвом; в течение нескольких веков ров этот назывался Клуилиевым, по имени вождя, пока время не изгладило вместе с предметом и самого названия. В этом лагере умер альбанский царь Клуилий, и альбанцы избрали диктатором Меттия Фуфетия. Между тем Тулл, храбрость которого особенно возросла после смерти царя, миновав ночью неприятельский лагерь, двинулся с войском в альбанскую область, заявляя, что всемогущие боги, начав с царя, накажут весь Альбанский народ за эту нечестивую войну. Это обстоятельство заставило и Меттия двинуться со стоянки; подойдя к неприятелю на возможно близкое расстояние, он посылает вперед посла с приказанием сказать Туллу, что прежде чем вступать в битву, надо переговорить; если они сойдутся, то он сделает сообщение столь же интересное для римлян, сколько и для альбанцев. Тулл, не отказываясь от приглашения, на случай неподходящего предложения вывел войска на битву. Вышли и альбанцы. Когда оба войска были выстроены в боевой порядок, на середину выступили вожди в сопровождении немногих старейшин. Начинает альбанский вождь так: «Кажется, я слышал, что царь наш Клуилий считал причиной настоящей войны то, что вы обидели нас и не дали удовлетворения, хотя оно было потребовано на основании договора; уверен, что и ты, Тулл, выставлешь то же основание; но если говорить правду, а не пышные фразы, то властолюбие подстрекает к войне два родственных и соседних народа. И я не вдаюсь в рассуждения о том, правильно ли это или неправильно, пусть об этом судит тот, кто начал войну; меня альбанцы выбрали вести ее. Я хотел бы тебе, Тулл, указать на одно: живя ближе к этрускам, ты лучше меня знаешь, какие большие силы их окружают нас и особенно вас. Они очень сильны на суше, очень сильны и на море. Помни, что, как только ты дашь знак к битве, они будут наблюдать за обоими войсками, чтобы одновременно напасть на утомленных и истощенных победителя и побежденного. Итак, не довольствуясь верной свободой и начиная опасную игру в господство или рабство, изыщем, если мы угодны богам, способ решить без большой беды, без большого кровопролития с обеих сторон вопрос, кому над кем властвовать». Тулл одобряет предложение, хотя и по складу характера, и вследствие надежды на победу он был более склонен к войне. Изыскывая способ, обе стороны пришли к решению, осуществлению которого помогла и судьба.

24. Случилось так, что в обеих армиях было по три брата-близнеца, одинаковых и по возрасту, и по силе. Точно известно, чуть ли не точнее всех других событий древности, что то были Горации и Куриации. Но несмотря на эту точность, остается сомнение относительно имен, к которому народу принадлежали Горации, к которому Куриации? Писатели говорят и то, и другое, хотя я нахожу большее число свидетелей, именующих римлян Горациями. На эту сторону склоняется и мое мнение. Цари начинают переговоры с тремя братьями-близнецами, чтобы они сразились за свое отечество: на чьей стороне будет победа, там будет и господство. Они соглашаются; уславливаются относительно време-

ни и места. Перед поединком между римлянами и альбанцами был заключен договор с условием, чтобы тот народ, граждане которого выйдут из этого сражения победителями, в полном согласии повелевал другим народом. Всякий договор, несмотря на различие условий, заключается одинаковым способом. Известий о каком-нибудь более древнем договоре нет, но тогда дело происходило таким образом. Фециал¹ спросил царя Тулла: «Повелеваешь ли, царь, заключить союз с уполномоченным² народа альбанского»? Получив приказание от царя, он сказал: «Я требую у тебя, царь, священной травы»³. Царь отвечал: «Вырви чистую траву». Фециал принес пучок чистой травы из крепости, затем спросил царя такими словами: «Царь! Уполномочиваешь ли ты меня с моими сосудами и спутниками⁴ быть царским вестником римского народа квиритов?» Царь отвечал: «Уполномочиваю, и да совершится сие без ущерба для меня и римского народа квиритов». Фециалом был М. Валерий, уполномоченным он сделал Спурия Фузия, коснувшись волос на его голове священной травой. Уполномоченный назначается для произнесения клятвы, т. е. освящения договора, и производит это многославно, в длинной формуле, которую не стоит воспроизводить. Затем, по прочтении условий договора, он говорит: «Услышь, Юпитер, услышь, уполномоченный народа альбанского, услышь ты, альбанский народ! Римский народ не уклонится первым от исполнения всех условий, которые без злого коварства ясно прочитаны от начала до конца из этих навощенных досок и здесь сегодня вполне правильно истолкованы. Если же по общему совету, с злым умыслом он первый уклонится, то ты, Юпитер, в тот день так порази римский народ, как я здесь сегодня поражаю этого поросенка, но ты порази тем чувствительнее, чем больше у тебя силы и могущества!» Сказав эти слова, он поразил поросенка кремнем⁵. Так точно альбанцы через своего диктатора и жрецов произнесли свою клятвенную формулу.

25. По заключении договора братья, согласно условию, берутся за оружие. Тем и другим соотечественники напоминали, что на их оружие, на их руки взирают теперь родные боги, отечество и родители, все оставшиеся дома сограждане и все находящиеся в войске; и вот они, мужественные и по своему собственному характеру, и вследствие одобрительных возгласов земляков, выступают на середину между двумя армиями. С той и другой стороны перед лагерем сели воины, скорее свободные от настоящей опасности, но не от тревоги: дело ведь шло о господстве, и защита его возложена была на доблесть и счастье столь немногих. И вот в крайне напряженном ожидании они устремляют свое внимание на это далеко не приятное зрелище. По данному знаку шесть юношей, мужество которых равнялось мужеству больших армий, враждебно с оружием в руках сходятся точно два строя. И ни те, ни другие не думают о соб-

¹ Фециалы были и у других италийских народов.

² *Pater patratus* избирался всякий раз особо из коллегии фециалов и получал особое посвящение, о котором говорит здесь Ливий. При заключении договора он является представителем всего римского народа, произносит клятву за него; он же объявляет войну, выдает нарушителя международного права. Он называется *pater*, как представитель всего народа, уподобляемого семье, *patratus*, как выбранный и посвященный (гл. *patrare*) для совершения всех необходимых действий и принесения клятвы за народ.

³ Травя эта (ее называют *hierobotane*, железняк) бралась в Капитолии и вырывалась непременно с землей, что служило символом территориальных владений государства. Траву эту вручал фециалу царь, а затем — консул. По свидетельству Варрона, их обыкновенно было четыре.

⁴ По свидетельству Варрона, их обыкновенно было четыре.

⁵ В храме Юпитера Феретрийского хранился камень, служивший символом Юпитера, карающего нарушителя клятвы ударом молнии.

ственной опасности, но о господстве или рабстве государства, о последующей судьбе отечества, которая зависела от них. Как только при первой схватке зазвучало оружие и сверкнули обнаженные мечи, страшная дрожь пробежала по членам зрителей, и когда победа не склонялась ни в ту, ни в другую сторону, у них захватывало дыхание и прерывался голос. Уже видны были не только движения членов борющихся и ничего не решающие взмахи наступательного и оборонительного оружия, но и раны и кровь, как они схватились врукопашную, и два римлянина, ранив трех Куриациев, пали один за другим бездыханными. При виде этого альбанское войско подняло радостный крик, римские же легионы, потеряв всякую надежду, в ужасе терзались лишь заботой об участи одного, окруженного тремя Куриациями. По случаю он был невредим, так что, далеко не будучи равен всем вместе, был страшен каждому порознь. И вот, чтобы разделить битву с ними, он обращается в бегство, рассчитывая, что они будут преследовать, насколько каждому позволят раны. Уже он пробежал значительное пространство от того места, где сражались, как, оглянувшись, видит, что они гонятся за ним на значительных промежутках и один очень недалеко от него. Стремительно он обращается на него, и пока альбанское войско кричит Куриациям, чтобы они помогли брату, Гораций, убив врага, победоносно неся для второй битвы. Тогда римляне поддерживают своего воина криками, в каких обыкновенно выражается неожиданное участие¹, и он спешит оканчить битву: итак, прежде чем подоспел третий, находившийся недалеко, он убивает второго Куриация, а когда шансы уравнились и оставался один против одного, то ни силами, ни надеждами они не были равны: одному для третьей битвы прибавляло мужества отсутствие ран и двойная победа; другой идет навстречу победоносному врагу, ослабев от раны, утомленный бегом, удрученный смертью двух братьев. И это уже не было сражение. Ликующий римлянин кричит: «Двух братьев я предал подземным богам, третьего я принесу в жертву во имя того, что возбудило настоящую битву, чтобы римляне повелевали над альбанцами». И когда тот еле держал оружие, он вонзил ему сверху меч в горло и снял доспехи с убитого. Римляне, ликуя и поздравляя, встречают Горация тем с большей радостью, что дело было так страшно. Затем приступают к погребению убитых далеко не в одинаковом настроении, так как одни получили главенство, другие подпали под чужую власть. Могилы находятся на тех местах, где каждый пал, — две римских вместе, ближе к Альбе, три альбанских по направлению к Риму, но на разных местах, соответственно тому, как происходило сражение.

26. Прежде чем разошлись оттуда, на вопрос Меттия, какой приказ будет отдан согласно заключенному договору, Тулл велит держать молодых людей под оружием: ему нужна будет их помощь в случае войны с вейентами. Так войска были оттуда уведены по домам. Впереди шел Гораций, неся перед собой тройные доспехи; перед Капенскими воротами его встретила сестра, просватанная за одного из Куриациев; узнав на плечах брата плащ жениха, ею самой сделанный, она, распустив волосы, с плачем зовет погибшего жениха. Вопль сестры, несмотря на его победу и столь великую радость государства, привел в негодование свирепого юношу. И вот, обнажив меч, он пронзил девушку с такими бранными словами: «Иди отсюда к жениху со своей несвоевременной любовью, ты, забывшая о павших братьях и о живом, забывшая об отечестве! Так погибнет всякая римлянка, которая будет оплакивать врага».

¹ Ливий прибегает к сравнению, заимствованному из обычаев гладиаторских игр, когда бойца, потерявшего было уже надежду на победу, начинает ободрять сочувственными криками стоящая за него партия.

Этот поступок признан был жестоким и отцами, и народом, но недавняя заслуга смягчала его; тем не менее Гораций был схвачен и приведен на суд к царю¹. Царь, не желая быть виновником столь печального и неприятного народу приговора и вызываемой им казни, созвав народное собрание², сказал: «На основании закона назначаю дуумвиров³, которые будут судить Горация за государственное преступление»⁴. Закон⁵ заключал в себе ужасную формулу: «Дуумвиры должны судить государственного преступника; если на их приговор последует со стороны подсудимого обращение к народу⁶, то он должен вести дело в апелляционном порядке; если дуумвиры выиграют, то голова его должна быть закрыта, его следует повесить на несчастном дереве⁷ и бить или в городской черте, или за городской стеной». На основании этого закона были назначены дуумвиры. Они полагали, что не могут оправдывать даже невинного, и когда обвинительный приговор был произнесен, то один из них сказал: «Я объявляю тебя, Гораций, государственным преступником; иди, ликтор, свяжи ему руки». Ликтор приблизился и уже готов был набросить веревку, как Гораций, по совету Туллы, снисходительного истолкователя закона, сказал: «Я апеллирую». Таким образом прения начались перед народом в апелляционном порядке. Наибольшее впечатление на народ произвел П. Гораций — отец, заявивший, что, по его мнению, дочь убита заслуженно, в противном случае он наказал бы сына сам по праву отцовской власти. Затем он просил не лишать вовсе детей того, которого так недавно видели отцом прекрасного потомства. При этом старик, обняв сына и указывая на доспехи Куриациев, водруженные на месте, именуемом ныне *pila Horatii*⁸, сказал: «Ужели вы, квириты, можете видеть привязанным к колодке⁹, претерпевающим побои и мучения того, кого вы только что видели шествующим с трофеями и торжествующим победу? Столь ужасное зрелище едва ли перенесли бы даже альбанцы. Иди, ликтор, свяжи руки, которые только что оружием стяжали власть народу римскому! Иди, покрой голову освободителя этого города! Повесь его на несчастном дереве, бей его хоть в черте города, только среди оружия и доспехов врагов, или вне города, только между могилами Куриациев. Куда вы можете увести этого юношу, где бы его собственные трофеи не защищали его от столь позорной казни?» Не вынес народ слез отца и спокойствия самого подсудимого, одинаково относившегося ко всякой опасности, и освободил его, руководствуясь уважением к доблести, а не обстоятельствами дела. Но чтобы очевидное убийство было хоть чем-нибудь искуплено, отцу приказа-

¹ Царь является высшим судьей в государстве; он или сам расследует дело и произносит приговор, или же уполномочивает на то других лиц, назначая их перед народным собранием; в последнем случае царь уступает свою судебную власть народу, к которому обвиненный может апеллировать.

² Так называемое *contio*, не предпринимая никаких решений, должно было лишь выслушать волю царя.

³ Чрезвычайная комиссия из двух мужей, упоминаемая очень редко.

⁴ Хотя Горация и выражала сочувствие врагу ее отечества, но брат, убив ее, присвоил себе принадлежавшее государству право судить виновного.

⁵ Из Ливия не ясно, существовал ли закон о наказании государственного преступника уже раньше, или был издан только теперь.

⁶ Народ, как высшая инстанция, представляется выше спорящих сторон (в данном случае судьи и подсудимого) и имеет право миловать.

⁷ Так назывались деревья, посвященные подземным богам.

⁸ Место это находилось на краю Форума у одного из окружавших его портиков.

⁹ Две связанных под углом палки, которые накладывали на шею преступника, привязывая к ним его руки.

но было принести за сына очистительную жертву за общественный счет. Он, совершив некоторые искупительные священнодействия¹, переданные потом роду Горациев, перекинул через дорогу жердь и, закутав голову сына, как бы прогнал его под ярмом. Эта церемония по сей день ежегодно² устраивается за общественный счет и именуется *sogorium tigillum*. На могиле Горации, устроенной на том месте, где она была убита, воздвигнут памятник, состоящий из квадратного камня.

27. Мир с Альбой продолжался недолго. Негодование народа, что судьба государства поручена была трем воинам, поколебало неустойчивый ум диктатора и, так как справедливым его начинаниям не посчастливилось, то он пожелал снова привлечь к себе сердца соотечественников, развивая перед ними свои преступные замыслы. И вот, как прежде во время войны он искал мира, так теперь во время мира начал искать войны, но видя, что у его государства больше храбрости, чем силы, он побуждает другие народы начать войну открытую, по решению народа, а для своих, под видом союзников [римлян], приберегает роль изменников. Вооруженную борьбу начинают Фидены, римская колония, в союзе с вейями, обеспечив себе переход альбанцев на их сторону. Когда Фидены открыто отпали, то Тулл, вызвав из Альбы Меттия с войском, двинулся на неприятеля. Перейдя Аниен, он располагается лагерем при впадении его [в Тибр]. Между этим местом и Фиденами перешло Тибр вейентское войско. Они заняли правый фланг строя, расположенный около реки, а на левом, ближе к горам, стали фиденаты. Тулл направляет своих против вейентов, а альбанцев помещает против отряда фиденатов. У альбанцев было столько же храбрости, как и верности. Итак, не дерзая ни оставаться на месте, ни открыто перейти [на сторону врага], Меттий понемногу двигается к горам. Затем, считая, что он достаточно подвинулся, он вытягивает весь строй и в нерешительности, чтобы оттянуть время, расставляет ряды. План его был склониться на ту сторону, на которой будет перевес. Близко стоявшие римляне сперва удивлялись, видя, что их фланги из-за ухода союзников остаются открытыми; затем всадник, прищорив коня, возвещает царю, что альбанцы уходят. В критическом положении Тулл дает обет учредить 12 салиев³ и построить храм Страху и Ужасу⁴. Выражая порицание всаднику так громко, что враги могли слышать, он приказывает ему вернуться на место: нечего-де бояться, альбанское войско делает обходное движение по его приказанию, чтобы ударить на открытый тыл фиденатов; вместе с тем приказывает всадникам вытянуть вперед копыта — это загордило большую часть римской пехоты вид удаляющегося альбанского войска, а те, кто видел, поверяя словам царя, сражались тем с большей храбростью. Страх переходит на неприятелей; они ясно слышали слова царя и, так как большая часть фиденатов были римскими колонистами, то понимали по-латыни; итак, чтобы не быть отрезанными от города внезапным движением альбанцев с гор, они обращают тыл. Тулл наступает и, рассеяв фланг фиденатов, с ожесточением бросается на вейентов, смущенных

¹ Так как народ оставил в своей среде преступника, то он считался весь оскверненным и необходима была очистительная жертва.

² 1 октября близ амфитеатра устраивались два столбика с перекладиной; под таким сооружением отец прогнал своего сына, закрыв его голову.

³ Упоминаемые здесь салии называются Квиринальскими в отличие от старшей коллегии салиев (см. гл. 20), именовавшихся Палатинскими; они приносили жертвы на Квиринальском холме и были первоначально, вероятно, жрецами Квирина.

⁴ Божества, приводившие в смятение врагов; их признают за одно и тоже с Пиком и Фавном.

чужим страхом. И они не выдержали натиска, но поспешному бегству мешала находившаяся в тылу река. Добежав до нее, одни, позорно бросая оружие, в ослеплении кидались в реку, другие, остановившись на берегу и не зная, сражаться или бежать, были сметы римлянами. И никогда до того римляне не сражались с большим ожесточением.

28. Тогда альбанское войско, остававшееся зрителем битвы, выведено было на равнину. Меттий поздравляет Тулла с решительной победой над врагами; Тулл со своей стороны приветливо разговаривает с Меттием. Затем, что да послужит ко благу, приказывает альбанцам присоединиться к римскому лагерю; на следующий день готовится очистительное жертвоприношение. С рассветом, когда все было готово, согласно обычаю царь приказывает созвать оба войска на собрание¹. Глашатаи, начав с конца, сперва позвали альбанцев. Эти, заинтересованные новинкой, стали ближе всех, чтобы слышать речь римского царя. Римское войско нарочно становится вокруг с оружием; центурионам приказано было немедленно исполнять приказания. Тогда Тулл начинает так: «Римляне! Если когда раньше во время войн вам следовало прежде всего благодарить бессмертных богов, а затем уже свою доблесть, то это было во вчерашнем сражении. Сражались мы не столько с врагом, сколько с изменой и вероломством союзников, а такое сражение и важнее, и опаснее. Знайте же, что альбанцы без моего приказания двинулись к горам, не делал я такого распоряжения, а сообразил и притворился, будто они повинуются мне, чтобы вы, оставаясь в неведении, что вы покинуты, продолжали храбро сражаться, а неприятели, думая, что их обходят, испугались и бросились бежать. И преступление, в котором я обвиняю их, совершено не всеми альбанцами: они последовали за вождем, что сделали бы и вы, если бы я вздумал куда-нибудь направить войско с места битвы. Меттий тот вождь, который повел их по этому пути, Меттий устроил эту войну, Меттий нарушитель договора римлян с альбанцами. Пожалуй, и другой когда-нибудь отважится на такое дело, если я не покажу на нем пример, знаменательный для всех». Вооруженные центурионы становятся вокруг Меттия, а царь соответственно началу речи продолжает: «Да послужит сие на благо, счастье и благополучие народу римскому, мне и вам, альбанцы, я решил весь альбанский народ переселить в Рим, плебеям дать право гражданства, старейшин назначить в сенаторы, сделать один город, одно государство. Как некогда Альбанское государство разделилось на два народа, так теперь пусть соединится в один». На эту речь безоружные альбанцы, окруженные римлянами, отвечали молчанием, к чему вынуждал их общий страх, хотя желания у них и были различны. Затем Тулл сказал: «Меттий Фуфетий! Если бы ты мог научиться держать свое слово и блюсти договоры, то я живого тебя поучил бы этому; теперь же, так как ты неисправим, то по крайней мере научи человеческий род своей казнью считать священным то, что ты осквернил. И вот подобно тому, как недавно ты колебался между фиденатами и римлянами, так растерзано будет теперь на части твое тело». Затем подъехали две четверки, и к колесницам был привязан распростертый Меттий; наставленные кони были пущены в разные стороны и разнесли на колесницах привязанные к ним члены. Все отвернулись от столь страшного зрелища. Это была первая и последняя казнь у римлян, явившая собой пример забвения законов человечности; в других случаях можно похвалиться, что ни один народ не употреблял более кротких наказаний.

¹ См. примеч. к гл. 26.

29. Тем временем в Альбу уже посланы были вперед всадники перевести население в Рим. Затем отправлена была пехота разорить город. Когда она вступила туда, то не было там шума и смятения, как обыкновенно бывает во взятиях городов, когда ломаются ворота, рушатся под ударами тарана стены, или как бывает по взятии крепости, когда крик врагов и бегающие по городу вооруженные люди мечом и огнем приводят все в смешение; напротив — печальное молчание и тихая грусть так поразила всех, что, не помня от страха, что оставить, что взять с собой, в недоумении спрашивая друг друга, они то стояли у дверей, то бродили по домам, чтобы в последний раз взглянуть на покидаемое. И когда раздался крик всадников, приказывавших уходить, когда на краю города послышался треск разрушаемых домов и поднимавшаяся с разных сторон пыль точно облаком окутала все, — быстро вынося, что было можно, они начали выходить, покидая ларов и пенатов и жилища, где они родились и выросли; и вот непрерывная вереница удалявшихся заняла дорогу, взаимное сострадание при виде других усиливало слезы, а порой слышны были жалобные возгласы, преимущественно женщин, когда они проходили мимо священных храмов, занятых вооруженными, и покидали как бы полоненных богов. По выходе альбанцев из города римляне сравнивали с землей все общественные и частные здания и в один час предали разрушению то, что сооружалось в течение 400 лет, которые просуществовала Альба; впрочем, храмы богов, согласно приказанию царя, были пощажены.

30. Между тем Рим с разрушением Альбы усилился: число граждан удвоилось, присоединен был Целийский холм, и чтобы он гуще заселялся, Тулл избрал его местом для дворца и жил там с того времени. Старейшин альбанских он избрал в сенат, чтобы усилить и эту часть государства; тут были Юлии, Сервилии, Квинкции, Гегании, Куриации, Клелии. Священным местом¹ собраний усиленного им сословия он избрал курию, именовавшуюся до времени наших отцов Гостилиевой². А чтобы с присоединением нового народа усилились все сословия, он набрал из альбанцев 10 эскадронов конницы³, оттуда же он пополнил старые легионы и устроил новые.

Опираясь на такие силы, Тулл объявил войну сабинянам, племени в то время самому могущественному после этрусков по многочисленности войск. С обеих сторон были нанесены обиды и напрасно требуемо удовлетворение. Тулл жаловался, что у храма Феронии⁴ во время многолюдного торжища захвачены римские купцы, сабиняне — что еще раньше их граждане бежали в рощу и были приняты в Риме⁵. Такие выставлялись причины. Сабиняне, хорошо помня, что Таций переселил в Рим и от них часть войска и еще недавно римская армия была усилена присоединением альбанского народа, тоже стали искать союзников. По соседству была Этрурия и ближе всех этрусков вейенты. Так как там народ вследствие раздражения, оставшегося от войн, особенно

¹ Ливий называет место собраний сената *templum* потому, что оно должно было соответствовать всем требованиям учения авгугов и быть посвящено, без этого решения сената не могли иметь законной силы.

² Курия Гостилиева находилась на ю.-в. склоне Капитолийского холма.

³ 300 всадников набрано было из альбанцев, соответственно трем центуриям Ромула. В военном отношении эти три центурии делились на 10 эскадронов по 30 человек каждый.

⁴ Богиня Ферония почиталась сабинянами, этрусками и латинянами; у ее храма, находившегося на горе *Soracte*, собирались эти народы на празднество, приуроченное обыкновенно к ярмарке.

⁵ Речь идет об убежище, открытом Ромулом (см. гл. 8), но и позже, по-видимому, сохранившем свое назначение.

легко поддавался соблазну нарушить договор, то оттуда они и привлекали добровольцев, а некоторых бродяг из подонков черни приманивала и плата; от лица же государства они не получили поддержки, и вейнты остались верны заключенному с Ромулом перемирию; верность других народов не представляется столь удивительной. Во время напряженных приготовлений к войне, когда выяснилось, что все дело зависит от того, кто первый нападет, Тулл предупреждает врагов и переходит в сабинскую область. У Злого Леса (*Silva Malitiosa*) произошла ожесточенная битва, в которой римляне получили перевес частью благодаря силе пехоты, но особенно благодаря недавнему увеличению конницы. Ряды сабинян были приведены в замешательство внезапным падением конницы, а затем уже они не могли ни устоять в битве, ни беспрепятственно бежать, не терпя большого урона.

31. После победы над сабинянами, когда власть Тулла и все Римское государство достигло высшей славы и могущества, царю и сенаторам было возведено, что на альбанской горе шел каменный дождь. Это известие представлялось маловероятным, а потому были посланы люди посмотреть на это чудо, и на глазах их действительно часто сыпались с неба камни, совершенно так же, как когда ветер гонит на землю смерзшиеся градины. Им показалось даже, что они слышали страшный голос, раздававшийся из роцци, лежавшей на вершине горы, и повелевавший альбанцам совершать священнодействия по отеческому обычаю; между тем они, как будто покинув вместе с отечеством и богов, предали их забвению; они или приняли римские священнодействия или же, разгневавшись по обычаю на судьбу, совсем бросили почитание богов. Под впечатлением того же чуда римляне учредили девятидневное общественное празднество, или повинувшись небесному голосу, слышанному с Альбанской горы (существует и такое предание), или по распоряжению гаруспиков; во всяком случае остался обычай назначать девятидневное празднество всякий раз, как возвещается подобное чудо.

Немного спустя разразилась моровая язва. Хотя она ослабляла энергию к военной службе, но воинственный царь, думая, что юноши бывают здоровее на войне, чем дома, не давал отдыха, пока сам не впал в продолжительную болезнь. А тогда вместе с телом сокрушился и его неугомонный дух предприимчивости до того, что он, считавший прежде менее всего приличным для царя заниматься жертвоприношениями, сразу поддался всем возможностям суевериям и на тот же лад настроил народ, И люди, желая того же положения, какое было при царе Нуме, верили, что больным можно помочь только в таком случае, если будет испрошена милость и снисхождение богов. Рассказывают, что сам царь, перечитывая записки Нумы, нашел, что были какие-то таинственные священнодействия в честь Юпитера, именуемого *Elicius*, и отправился совершать их; но не надлежащим образом начато было и велось жертвоприношение, а потому не только не явилось никакого небесного знамения, и Юпитер, раздраженный извращенным поклонением ему, сжег молнией дом царя вместе с ним самим. Тулл процарствовал со славой 32 года.

(114—138 г.) **32.** По смерти Тулла, согласно установившемуся с начала обычаю, власть перешла к отцам, а они назначили междуцаря. На собранных им комициях народ избрал царем Анка Марция; отцы утвердили избрание. Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, происходя от его дочери. Приняв царство, он, помня о славе деда своего и принимая во внимание, что предшествующее царствование, замечательное во всех отношениях, в одном было несчастливо вследствие ли небрежения или не надлежащего исполнения богослужения, счел за лучшее совершать общественные священнодействия согласно уставам Нумы, а

потому распорядился, чтобы понтифик, выписав их на белую доску из комментариев Нумы, выставил ее на публичном месте. Это обстоятельство подало надежду и гражданам, жаждавшим мира, и соседям, что царь обратится к обычаям, установленным дедам. И так латиняне, с которыми в царствование Тулла был заключен договор, подняли головы, сделав набег на римские поля, а на требование удовлетворения отвечали гордым отказом, рассчитывая, что римский царь будет царствовать мирно среди капищ и жертвенников. По характеру своему Анк занимал середину между Нумой и Ромулом, он верил, что для царствования его деда мир был более необходим ввиду молодости и излишней воинственности народа, но в то же время понимал, что ему, не подвергаясь обидам, не добиться того мира, которым пользовался его предшественник; теперь испытывают его терпение, а убедившись в нем, станут презирать; вообще по теперешним обстоятельствам более пригоден Тулл, чем Нума. Тем не менее, желая установить воинские церемонии, — мирные были установлены Нумой, — чтобы войны не только велись, но и объявлялись по известному ритуалу, он заимствовал у древнего племени эквикулов¹ формулы, в которые облекается требование удовлетворения и которыми ныне заведуют фециалы. Посол², приблизившись к границе народа, от которого требуется удовлетворение, надевает на голову повязку³ (покров этот делается из шерстяной материи) и говорит: «Услышь, Юпитер, услышь, народ — называет имя племени, — услышь, священное право! Я вестник, явившийся от лица всего римского народа; согласно с божескими и человеческими законами я являюсь послом, и да слушаются слова мои с доверием!» Затем он излагает требования. После этого он призывает в свидетели Юпитера: «Если я против законов божеских и человеческих требую выдачи поименованных людей и поименованных вещей, то не дай мне никогда больше видеть отечество!» Это говорит он, переходя границу, это говорит он тому, кто первым попадает ему на дороге, это же, вступая в город, это же, прибыв на форум, изменяя лишь немногие слова формулы и сопровождающей ее клятвы. Если требуемое не выдается, то по истечении 33 дней, назначенных в праве фециалов, он так объявляет войну: «Услышь, Юпитер, и ты, Ян Квирин⁴ и все боги небожители, и вы, обитающие на земле, и боги подземного царства, услышьте! Вас я призываю в свидетели, что такой-то народ — называет его по имени — не прав и не исполняет долга; но об этом, как нам добиться принадлежащего нам по праву, посоветуемся дома со старейшими». Затем вестник возвращается в Рим для совещания. Немедленно затем царь обращается к сенату приблизительно в таких словах: «Что думаешь ты, — он обращается к первому, мнение которого спрашивает, — о всех тех предметах, о спорных пунктах и о тяжбе, относительно которых уполномоченный римского народа квиритов предъявил требование к уполномоченному древних латинян и их гражданам, но которых они не выдали, не уплатили, не исполнили, хотя долг их был выдать, уплатить, исполнить?» Тогда тот отвечал: «Я думаю, что их следует искать войной честной и законной, с этим я согласен и так решаю». Затем по порядку спрашивал других, и когда большинство присутствующих высказывало то же мнение, то война считалась решенной. Затем, согласно обычаю, фециал нес к их границам железное или обоженное на одном конце копье, запачканное кровью, и в присутствии не менее

¹ Эквикулы, составляя часть воинственного и разбойничьего племени эквов, жили в сабинской земле.

² Упомянутый в гл. 24 *pater patratus*.

³ Шерстяная лента, которой повязывалась жреческая шапка (арех).

⁴ Прозвище Квирин дается Яну потому, что он, по объяснению древних, владыка войны, а орудие ее — копье называется по-сабински *curis*.

трех способных носить оружие говорил: «Я и римский народ объявляю¹ и открываю войну против народов древних латинян и их граждан за то, что народы древних латинян и их граждане сделали и погрешили против римского народа квиритов, так как римский народ квиритов повелел быть войне с древними латинянами, и сенат римского народа квиритов высказал мнение, согласился и признал, чтобы была война с древними латинянами». Сказав это, он бросал копье в их пределы. Таким образом было тогда потребовано удовлетворение от латинян и объявлена война, и этот обычай приняли и потомки².

33. Поручив заботу о культе фламину и другим жрецам, Анк набрал свежее войско, выступив с ним, взял город латинян Политорий и, по примеру прежних царей, усиливших Римское государство принятием в граждане неприятелей, перевел все население в Рим. И как вокруг Паладия, первоначального места поселения римлян, сабиняне занимали Капитолий и крепость, альбанцы Целийский холм, так новым поселенцам дан был Авентинский холм. Немного спустя по взятии Теллен и Фиканы туда же присоединились еще новые граждане. Затем снова началась война против Политория, который после опустошения заняли древние латиняне; это обстоятельство послужило для римлян основанием разрушить город, чтобы он не стал постоянным пристанищем для врагов. Когда наконец вся латинская война сосредоточилась около Медуллии, она довольно долго велась с переменным счастьем, так как победа склонялась то на ту, то на другую сторону; дело в том, что и город силен был своими укреплениями и надежным гарнизоном, и войско латинское, пользуясь положением римского лагеря на открытом месте, не раз сражалось врукопашную с римлянами; наконец, собрав все силы, Анк сперва победил в битве, затем с огромной добычей вернулся в Рим, приняв и на этот раз много тысяч латинян в граждане; поселены они были около жертвенника Мурции³, чтобы таким образом Авентин соединился с Паладием. Присоединен был и Яникул⁴ не потому, чтобы было тесно, но чтобы когда-нибудь он не сделался вражеской крепостью. Решено было не только укрепить его, но для удобства сообщения соединить еще с городом мостом на сваях, который тогда в первый раз сооружен был на Тибре. Анком же вырыт и ров Квиритов, весьма важное укрепление для ровной, а потому и доступной местности⁵. Эти прибавления усилили государство, но так как среди такого множества людей стало путаться различие между справедливыми и неправильными действиями и появились тайные преступления, то для устрашения усиливающейся дерзости сооружена была тюрьма среди города⁶ над форумом. И не только город вырос в это царствование, но расширились и границы области: с отнятием Месийского леса⁷ у вейентов государст-

¹ Т. е. сенаторы, а не я один.

² Церемония объявления войны была сохраняема во все время существования республики, с тем однако ограничением, что фециал бросал копье от так называемой «воинской колонны» (*solisigna bellica*) у храма Беллоны. Изменение это вызвано было невозможностью точного исполнения, так как римляне вели войны с отдаленными народами и государствами, а не с соседними, как это было первое время.

³ Жертвенник Венеры Мурции (Венеры «успокаивающей» — имя это приводят в связь с гл. *pacifica*) находился в узкой долине между Палатинским и Авентинским холмами, где потом был *circus maximus*.

⁴ Яникул (на правом берегу Тибра) был присоединен с тем, чтобы можно было защищаться от нападения со стороны Этрурии.

⁵ Между Целийским и Авентинским холмами.

⁶ В Капитолийском холме были высечены своды в два этажа, из коих в нижнем находилась тюрьма, именуемая *Tullianum* и сохранившаяся до настоящего времени. В ней же совершалась и смертная казнь.

⁷ На правом берегу нижнего течения Тибра.

во достигло моря, и у устья Тибра основан город Остия; в окрестностях его устроены бассейны для соленой воды¹, а за блестящие успехи на войне расширен храм Юпитеру Феретрийскому.

34. В царствование Анка переселился в Рим Лукумон², муж деятельный и сильный своим богатством, руководимый преимущественно желанием и надеждой на большие почести, достичь которых в Тарквиниях не было возможности, так как и там он был чужеземцем. Он был сын коринфянина Дамарата, который, бежав из отечества вследствие мятежа³, случайно остановился в Тарквиниях, женился там и имел двух сыновей. Имена их были Лукумон и Аррунт. Лукумон пережил отца и унаследовал все его богатства; Аррунт умер раньше отца, оставив жену беременной. Отец не долго пережил сына; не зная, что невестка беременна, он умер, не упомянув в завещании о внуке, который, родившись после смерти деда и не получив ничего из его богатств, за свою нищету назван был Эгерием. Напротив Лукумон, наследник всего имущества, гордился своими богатствами; его гордость разжигала жена его Танаквиль, происходившая из знатного рода и не допускавшая, чтобы положение ее мужа было ниже положения ее рода. Так как этруски презирали Лукумона, как сына изгнанника-выходца, то она не в состоянии была вынести этого унижения и, забыв о врожденной любви к отечеству, задумала переселиться из Тарквиний, лишь бы видеть мужа в почете. Наиболее удобным для этого представлялся Рим; среди нового народа, где знатность возникает вдруг и основывается на доблести, найдется место энергичному и деятельному мужу; царствовал же Таций Сабинянин, приглашен же был Нума из Кур, да и Анк, сын сабинянки, знатен лишь настолько, что может выставить изображение одного Нумы⁴. Она легко склоняет мужа, так как ему хотелось почестей да и Тарквинии были его родиной лишь по матери. Итак, собрав свое имущество, они выселяются в Рим. Подъехали они случайно к Яникулу. Когда он сидел с женой в повозке, орел, паря в воздухе, тихо спустился и снял с него шапку, затем, летая с громким криком над повозкой, опять ловко возложил ее на его голову, точно посланный с неба для служения ему; затем он скрылся в высоте. Говорят, что Танаквиль, женщина знакомая, как все этруски, с небесными знаменьями, приняла с радостью это предвещание. Обняв мужа, она уверяет, что его ждут высокие почести: такая явилась птица, с такой стороны неба, вестница такого бога; знамение свершилось над головой: птица сняла возложенное на нее человеком украшение, чтобы вернуть его с неба. С такими надеждами и мыслями они въезжали в город и, купив там себе дом, он назвался Л. Тараквинием Древним. Как человек новый и богатый, он сделался заметен в Риме. Этому он помогал сам, вступая снисходительно в беседы, любезно приглашая к себе и привлекая, кого можно было, благодеяниями; так молва о нем дошла до дворца. Это знакомство с царем он скоро обратил в самую тесную дружбу, охотно и удачно оказывая услуги, так что принимал одинаково участие в общественных

¹ Вода испарялась, а оставшаяся соль разрабатывалась для удовлетворения потребности горожан.

² Это название высшего сословия у этрусков Ливий ошибочно примет за имя собственное.

³ Дамарат принадлежал к коринфскому царскому роду Бакхиадов, сверженному около 660 г. до Р. Х. тираном Кипселом.

⁴ Ливий переносит на время царей позднейший обычай, по которому плебей, первый из своего рода получивший курульную должность, приобретал дворянство (*nobilitas*) и вместе с тем право оставить потомкам свое изображение (*imago*). То была восковая маска, которая помещалась в зале (*atrium*) в особом шкафу (*armarium*). Чем больше у кого было изображений, тем знатнее тот считался.

и частных, мирных и военных совещаниях, и наконец, испытанный во всех случаях, назначен был по духовному завещанию опекуном царских детей.

(138—176 гг.) **35.** Анк царствовал 24 года и был равен любому из предшествовавших царей славой и умением править в мирное и военное время. Его сыновья были близки к совершеннолетию. Тем более Тарквиний настаивал, чтобы поскорее были созданы комиции для избрания царя; когда они были назначены, то к этому самому времени он отослал отроков на охоту. Рассказывают, что он первый, обходя всех¹, просил царства и держал речь, составленную так, чтобы привлечь на свою сторону народ². «Он не просит ничего особенно, так как он не первый, что могло бы возбудить негодование или удивление, а третий, будучи иноземцем, стремится к царской власти; и Таций не только из иноземцев, но даже из врагов стал царем, и Нума, не зная города, без просьб, добровольно был призван на царство; он же, как только стал самостоятельным, переселился в Рим с женой и всем имуществом; большую часть той поры, когда люди исполняют гражданские обязанности, он прожил в Риме, а не в прежнем отечестве; дома и на войне под руководством опытного наставника, самого царя Анка, он изучил римские законы и римские обычаи; повиновением и почтительностью к царю он соперничал со всеми, а благодеяниями, оказываемыми другим, даже с самим царем». После этой его правдивой речи римский народ с замечательным единодушием высказался за передачу ему царской власти. Этого мужа, отличного во всех отношениях, и на троне преследовало то же честолюбие, как и при домогательстве царства; заботясь столько же об укреплении своей власти, сколько об усилении государства, он избрал сто человек в сенаторы, которые потом были названы младшими³; эта часть сената конечно была на стороне царя, благодаря которому попала в курию.

Первую войну вел он с латинянами, взял их город Апиолы и, привезши оттуда больше добычи, чем можно было ожидать по слухам о той войне, отпраздновал игры великолепнее и с большими приготовлениями, чем предшествовавшие царя⁴. Тогда впервые намечено было место для цирка, именуемого теперь «Великим»; назначены были места для сенаторов и всадников, где они могли устраивать себе ложи⁵; названы эти места *logi*. Смотрели они из лож, поддерживаемых козлами в 12 футов вышины. Зрелища состояли из конских ристалищ и кулачных боев; бойцы большей частью вызывались из Этрурии. С этого времени эти игры стали повторяться ежегодно и именуются различно — то «Римскими», то «Великими». Тот же царь раздал частным лицам места около форума для постройки, и были сооружены портики и лавки.

36. Он собирался еще обвести город каменной стеной, но осуществлению этого плана помешала сабинская война. Она была до того неожиданна, что неприятели перешли Аниен прежде, чем римское войско успело выступить на-

¹ В республиканское время ищущие какой-либо должности обыкновенно обходили избирателей (*ambitus*), брали их за руку, называли по имени и просили о содействии. Этот обычай позднейшего времени Ливий переносит сюда.

² Очевидно Анк хотел сделать царскую власть наследственной в своем роде, но пока прежний порядок избрания царя народом сохранился, с тем лишь изменением, что Тарквиний сам выступает кандидатом.

³ Откуда были взяты эти сенаторы, точно нельзя сказать; выражение Ливия толкуется в том смысле, что они происходили из плебейских родов.

⁴ Ранее упомянуты были лишь *Consualia* (гл. 9), но, очевидно, существовали и римские игры, которые теперь празднуются с большей пышностью.

⁵ Только на время игр, а не постоянные места. Позже сенаторам было отведено место перед самой сценой (*orchestra*), а с 67 г. всадникам были предоставлены ближайшие к *orchestra* 14 рядов.

встречу и задержать их. В Риме господствовало смятение. В первом сражении понесены были огромные потери с обеих сторон и победа была сомнительна. Затем, когда неприятель отвел свои войска в лагерь и дал римлянам возможность приготовиться к новой войне, Тарквиний, видя, что его силы больше всего нуждаются в коннице, решил к центуриям рамнов, тициев и луцеров, набранным Ромулом, прибавить другие и назвать их своим именем. Так как Ромул учредил их на основании гадания, то Атт Навий, славный авгур того времени, заявил, что ни изменения, ни нововведения тут невозможны без согласия богов. Раздраженный царь, издеваясь над его искусством, говорят, спросил: «Ну-ка ты, пророк, погадай, может ли быть то, что я задумал»? Тот, узнав точно посредством гадания, в чем дело, дал утвердительный ответ. «Так я задумал, — сказал царь, — что ты рассечешь оселок ножом; возьми вот это и исполни то, возможность чего предсказали тебе твои птицы». Тогда тот, как говорит предание, немедленно рассек оселок ножом. На том месте, где совершилось это событие, на комициуме, на левой стороне лестницы, ведущей в курию, находится статуя Атта с покрытой головой; говорят, что там же положен был и оселок, чтобы служить для потомства памятником этого чуда. Во всяком случае авторитет гаданий и жреческого служения авгуров возрос настолько, что после того ни дома, ни на войне ничего не предпринималось без них: были распускаемы народные собрания и войска и остававливалось все, если только этому противились гадания по птицам. И тогда Тарквиний не произвел никакой перемены в организации центурий всадников, а только прибавил к существующим такое же число всадников, так что в трех центуриях стало 1800 всадников¹; теперь, ввиду удвоенного числа, эти центурии считаются за шесть, а тогда прибавленные центурии, сохранив прежние имена, назывались только «младшими».

37. По увеличении этой части армии последовало новое столкновение с сабинянами. Но, помимо усиления римского войска, тайно прибегли к хитрости: посланы были люди, которые набросали в Аниен большое количество зажженного леса, лежавшего по берегам этой реки; эти бревна, связанные в плоты, сильно разгорелись от ветра и, зацепившись за сваи, зажгли мост. Это обстоятельство во время битвы навело на сабинян страх, а когда они были рассеяны, то помешало им бежать; но много народу, убежав от врага, погибло в реке. Их оружие, плавшее к городу по Тибру, было узвано и дало знать о победе прежде, чем можно было известить о ней. В этой битве особенно отличились всадники: расположенные по обоим флангам, когда стоявший в середине строй пехоты дрогнул, они столь стремительно атаковали врага с флангов, что не только остановили яростно наступавшие на отступающих сабинские легионы, но сразу обратили их в бегство. Сабиняне в беспорядочном бегстве устремились в горы, но немногие достигли их; большая часть, как выше сказано, была загнана всадниками в реку. Тарквиний, считая необходимым преследовать испуганного врага, отослал добычу и пленников в Рим, доспехи врагов, посвященные Вулкану, сжег, сложив в огромную кучу, а сам повел войско дальше в сабинскую область. Хотя они потерпели уже неудачу и нельзя было надеяться на успех в будущем, однако, так как обстоятельства не давали времени одуматься, то сабиняне выступили навстречу с кое-как набранным войском, снова были рассеяны и, потеряв почти все, запросили мира.

¹ Ливий противоречит себе: Ромул установил 300 всадников (гл. 13), Тулл Гостилий прибавил еще 300 (гл. 30), удвоенное число, след., должно было бы быть 1200, а не 1800. Очевидно, это известие Ливий взял из другого источника, где говорилось о неизвестном нам увеличении числа всадников до 900.

38. Коллация и вся часть Сабинской области, лежащая по эту ее сторону, была отнята; Эгерий, племянник царя, оставлен там с гарнизоном. Я нахожу известия, что таким образом совершилась сдача Коллатии и такова формула сдачи. Царь спросил: «Вы ли послы и ораторы, посланные коллатинским народом, чтобы сдать себя и коллатинский народ?» — «Да». — «Может ли распоряжаться собой по своей воле коллатинский народ?» — «Да». — «Сдаете ли вы себя и коллатинский народ, город, поля, воду, границы, капища, движимость, все принадлежащее богам и людям во власть мою и римского народа?» — «Сдаем». — «А я принимаю». Окончив сабинскую войну, Тарквиний с триумфом возвращается в Рим. Затем объявляет войну древним латинянам. Там нигде не было дано решительного сражения: весь латинский народ был покорен путем постепенного занятия отдельных городов. Корникул, Старая Фикулея, Камерия, Крустумерий, Америола, Медуллия, Номент, принадлежавшие древним латинянам или отпавшие к ним, были взяты. Затем последовало заключение мира.

После этого он приступил к мирным занятиям с энергией, превышавшей то напряжение, с каким ведены были войны; он хотел, чтобы народ дома был не менее занят, чем на войне: и вот город в тех частях, где он не был укреплен, царь собирается окружить каменной стеной (начало этого предприятия было приостановлено сабинской войной); низкие места около Форума и другие равнины, лежащие между холмами, осушает при помощи каналов, проведенных покату в Тибр, так как сама вода не могла выйти из равнины; укрепляет площадь на Капитолии для храма Юпитера, обещанного в сабинскую войну, уже тогда предчувствуя, как священно некогда будет это место.

39. В то время во дворце случилось чудо, удивительное и по виду, и по результату: говорят, что на глазах многих пылала голова спавшего мальчика по имени Сервий Туллий. При виде этого чуда поднялся страшный шум, явился царь с царицей, и когда кто-то из приближенных принес воды, чтобы затушить огонь, царица остановила его; успокоив волнение, она запретила трогать мальчика, пока он не проснется сам. Вскоре вместе со сном исчезло и пламя. Тогда Танквиль, уведя мужа в уединенный покой, сказала: «Посмотри ты на этого мальчика, которому мы даем столь простое воспитание; очевидно, он некогда будет спасителем нашим в критическом положении и опорой царского дома в минуту опасности; поэтому будем со всей тщательностью воспитывать его, и он послужит к великой славе государства и нашей!» С этого времени мальчика стали держать как сына и обучать таким искусствам, которые готовят человека к великой будущности. Так как это дело было угодно богам, то оно имело счастливый успех: юноша вышел поистине царственного ума, и когда пришлось искать зятя Тарквинию, то никто из римских юношей не мог ни в чем с ним состязаться, и царь обручил с ним свою дочь. Столь великий почет, чем бы он ни был вызван, не позволяет верить, что он был сын рабыни, а в детстве и сам раб. Я склоняюсь более к мнению тех, кто рассказывает, что при взятии Корникула захвачена была беременная жена главного начальника этого города, Сервия Туллия, который при этом был убит; римская царица, узнав ее в толпе пленниц, вследствие знатности ее рода не допустила ее стать рабыней, и она родила сына в доме Тарквиния Древнего; столь великое благодеяние сблизило женщин, и мальчик, выросший в доме, пользовался любовью и почетом. Судьба матери, попавшей по взятии родного города в руки врагов, заставила верить, что он был сын рабыни.

40. На тридцать восьмом году царствования Тарквиния Сервий Туллий был в величайшем почете не только у царя, но и у сенаторов и народа. Тогда

два сына Анка, уже раньше возмущавшиеся, что опекун обманом лишил их отцовского царства, что в Риме царствует пришелец не только не соседнего, но даже не италийского племени, особенно начали негодовать, опасаясь, что и после Тарквиния царство не будет им возвращено и все более и более станут подчиняться рабам; таким образом в том государстве, где сто лет назад тому царствовал Ромул, пока был на земле сын бога, а затем и сам бог, власть захватит раб, сын рабыни. Будет бесчестьем как для всего римского народа, так особенно для их дома, если при существовании мужского потомства у Анка Рим будет под властью не только пришельцев, но даже рабов. И вот они решаются предвернуть это бесчестье с помощью оружия. Но огорчение за нанесенную обиду более вооружало их против Тарквиния, чем против Сервия, и они куют ковы на царя, так как царь, если бы остался в живых, был бы более страшным мстителем за убийство, чем частный человек, а затем, по убийстве Сервия, он выбрал бы себе кого-нибудь другого в зятя и сделал бы его наследником царства. Для совершения злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха; вооружившись обычными для них сельскими орудиями, они с величайшим шумом подняли притворно драку у самого преддверия дворца и обратили на себя внимание всех царских слуг; затем, так как они оба звали царя и поднятый ими шум услышан был во дворце, то их позвали к царю. Сперва оба они кричали и наперерыв перебивали друг друга; остановленные ликтором и получив приказание говорить поочередно, они наконец перестают спорить и один начинает сочиненную историю. Пока царь с напряженным вниманием слушал его, другой, подняв секиру, ударил его по голове; оставив оружие в руке, оба бросились вон.

41. Окружающие приняли умирающего Тарквиния, а ликторы схватили бегущих. Поднялся крик, сбежался народ, с удивлением спрашивая, что случилось. Среди этой суматохи Танаквиль приказывает запереть дворец, удаляет свидетелей. Одновременно она готовится все необходимое для лечения раны, как будто бы еще оставалась надежда, а на случай, если она окажется тщетной, готовит иные средства безопасности. Призвав поспешно Сервия и показав ему почти бездыханного мужа, она берет его правую руку и умоляет не оставлять без отмщения убийство тестя, не позволить врагам издеваться над тещей. «Если ты муж, Сервий, — сказала она, — то царство принадлежит тебе, а не тем, кто чужими руками совершил гнуснейшее злодеяние. Ободришься и следуй указаниям богов, которые предсказали тебе величие, окружив некогда твою голову небесным огнем. Да возбудит тебя теперь то божественное пламя, теперь проснись на самом деле! И мы, несмотря на то, что были пришельцами, царствовали; ты думай о том, кто ты, а не о том, какого ты рода! Если неожиданность сковывает твой ум, то руководствуйся моими советами!» Когда крик и натиск толпы почти невозможно было сдерживать, Танаквиль обращается к народу с речью с верхнего этажа дома¹ через окно, выходящее на Новую улицу² — царь жил тогда около храма Юпитера Статора³. Она приказывает не падать духом; царь-де был ошеломлен внезапным ударом; оружие неглубоко проникло в тело; уже он приходит в себя; кровь отерта и рана исследована; все обстоит благополучно; она не сомневается, что скоро они увидят его самого; а тем временем царь повелевает повиноваться Сервию Туллию; он будет тво-

¹ Нижний этаж римского дома обычно был окружен портиками, и окна из него выходили во двор, с верхнего же этажа и на улицу.

² Начинаящуюся у porta Mugionia и тянувшуюся по с. и з. сторонам Палатинского холма.

³ См. гл. 12.

речь суд и исполнять другие обязанности царя. Сервий выходит в военной нарядке в сопровождении ликторов и, сидя на царском седалище, одни дела решает, а о других притворно обещает посоветоваться с царем. Таким образом в несколько дней, когда Тарквиний уже скончался, но смерть его была скрываемая, он, будто бы исправляя чужую обязанность, укрепил свое положение. Тогда только поднялся во дворце плач, и смерть была обнародована. Сервий, окружив себя крепкой стражей, первый принял царство не по решению народа, и только с согласия отцов. Сыновья же Анка удалились в изгнание в Свессу Пометийскую еще тогда, когда разнеслась весть, что свершившие злодеяние схвачены, царь жив, а Сервий заручился такой силой. (176—220 гг.)

42. Для укрепления своей власти Сервий не ограничился государственными мероприятиями, а прибег и к частным: чтобы дети Тарквиния не были против него так же враждебно настроены, как дети Анка против Тарквиния, он выдал двух дочерей своих за царских сыновей Луция и Аррунта Тарквиниев. Но человеческие действия не отвратили предопределения судьбы: жажда царской власти породила вероломство и вражду даже среди домашних. Для сохранения спокойствия в настоящее время как нельзя более кстати предпринята была, за исполнением срока перемирия¹, война с вейентами и другими этрусками. В этой войне проявилась и доблесть Туллия, и счастье, и, рассеяв огромное войско неприятелей, он вернулся в Рим несомненным царем, испытывав расположение и сената, и народа. Затем он приступил к великому мирному труду, и как Нума был творцом жреческого права, так молва среди потомства называла Сервия основателем сословного деления государства, которое установило различие в правах и положении. Он определил ценз, учреждение в высшей степени благотворное для государства, которому суждено было достичь такого величия: на основании его военные и гражданские обязанности были распределяемы не поголовно, как прежде, а по имущественному положению; тогда установлены были классы и центурий², и это распределение. удобное и для мирного и для военного времени, сделано было на основании ценза.

43. Из имевших 100 000 ассов или больший ценз³ он образовал 80 центурий — по 40 центурий старших и младших⁴; входившие в состав их граждане названы были первым классом; старшие предназначены были для охраны города, младшие для ведения войн вне города. Оружие для защиты тела определено им шлем, круглый щит, поножи, панцирь — все из бронзы, оружие наступательное — копье и меч. К этому классу присоединено было 2 центурии ремесленников, которые несли службу без оружия; на них возложено

¹ О каком перемирии говорит Ливий, непонятно, так как о войне речи не было.

² Деление граждан на классы было установлено прежде всего для военных целей: чем состоятельнее был гражданин, тем более требовало от него государство; затем это деление важно было и для всей государственной жизни: чем больше служил государству гражданин, тем большими правами он пользовался; это выражалось в числе центурий: старшие классы имели больше центурий, младшие меньше. Самое слово центурия имеет двойное значение: с военной точки зрения центурия есть отряд в 100 чел., с политической — она состоит из неопределенного числа лиц, принимаемых вместе за единицу при подаче голосов: чем старше класс, тем меньшее число граждан составляет центурию.

³ Ливий приводит ценз времени конца республики; первоначально принадлежность к тому или другому классу определялась количеством земли, которым владел гражданин. Переведено оно было на деньги впервые, полагают, при цензоре Аппии Клавдии, когда асс был в пять раз дороже, чем при Ливии (тогда асс = фунту меди и назывался *aes grave*, а со времени Первой пунической войны установился счет на медные ассы, след., ценз I класса составлял 20 тыс. тяж. ассов или 20 югеров земли (по 1000 ассов) и т.д. соответственно.

⁴ Старшие от 46 до 60 лет, младшие от 16 до 45; только в случае крайней опасности первые были призываемы на службу вне города.

было сооружение военных машин. Второй класс был образован из имеющих ценз от 100 до 75 тыс. ассов, и из них составлены 20 центурий старших и младших. Оружие назначено вместо круглого щита продолговатый, а все остальное то же, кроме панциря. Ценз третьего класса определен в 50 тыс. ассов; из них образовано столько же центурий и с тем же подразделением по возрасту. В вооружении также не сделано изменений, кроме того, что отняты поножи. Ценз 4-го класса 25 000; из него образовано столько же центурий; вооружение изменено: им назначены только длинное копье и дротик. Пятый класс многочисленнее: из него образовано 30 центурий; они носили с собой только пращи и пращные камни; к ним присоединены были¹ горнисты и трубачи, разделенные на две центурии; ценз этого класса был 11 тысяч. Из остального населения, имевшего меньший ценз, образована была одна центурия свободная от военной службы. Устроив и распределив таким образом пехоту, он набрал 12 центурий всадников из самых состоятельных граждан. Кроме того, хотя Ромул образовал всего три центурии, он сделал из них шесть, дав им те же имена, которые были утверждены авгуриями². На покупку лошадей назначено было по 1000 ассов из казны, а по 2000 на прокормление их ежегодно должны были вносить вдовы³. Все эти повинности с бедных сложены были на богатых. Затем прибавлены были почести: не дано было одинакового права подачи голоса всем поголовно, как это было установлено Ромулом и сохранялось при следующих царях⁴, а установлены степени, так что казалось, будто никто не лишен права голоса, и все же вся сила сосредоточена была у первого сословия государства⁵: прежде всего приглашались к подаче голосов всадники, затем 80 центурий первого класса; если там возникало разногласие, что случалось редко, то должно было приглашать и второй класс и почти никогда не спускались так низко, чтобы дойти до последних. И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении 35 триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии старших и младших, не сходится с числом, установленным Сервием Туллеем⁶. Разделив весь город, все его части и заселенные холмы на 4 отдела, он назвал их трибами, как я думаю, от слова *tributum* (налог, идущий на чрезвычайные нужды государства), взимание коего равномерно сообразно с цензом, установлено было им же; но эти трибы не имеют никакого отношения к разделению на центурии и их числу.

¹ Позже под именем «причисленных» (*accensi*) разумелись все граждане, выступавшие на войну без оружия и составлявшие запасные силы; они брали оружие убитых воинов и становились на их место.

² Они различались при подаче голосов, именуясь рамны старшие и младшие и т.д.

³ Сумма на покупку лошади выдавалась одновременно, а кормовые деньги ежегодно; деньги эти уплачивались всеми независимыми и состоятельными женщинами, которых указывало государство каждому всаднику.

⁴ В так называемых центуриатских комициях.

⁵ В подаче голосов сперва приглашались 18 цент. всадников и 80 цент. I класса; если они голосовали согласно, то дальнейшая подача голосов являлась излишней, так как они составляли уже большинство (98 из 193).

⁶ Это место представляет некоторую неясность; из существующих его объяснений мы останавливаемся на следующем: в 241 г. до Р. Х. произошло смешение деления на трибы и центурии таким образом, что каждая из 35 триб выставляла для каждого из 5 классов по одной центурии старших и младших, не касаясь, однако, 18 центурий всадников: таким образом вместо 175 цент. Сервия Туллия (не считая 18 цент. всадников) является 350 новых центурий, и Ливий указывает на невозможность согласовать оба деления.

44. Окончив ценз, — дело было ускорено законом, который грозил не предъявившим ценза тюремным заключением и казнью, — царь приказал всем гражданам — всадникам и пехотинцам — собраться на рассвете на Марсовом поле, каждому в свою центурию. Здесь расставлено было все войско, и он принес за него очистительную жертву, состоявшую из свиньи, овцы и быка. Этот обряд, послуживший окончанием ценза, назван был *lustrum*¹. Говорят, что при этом смотре насчитано было 80 тыс. граждан; древнейший писатель Фабий Пиктор² прибавляет, что это число заключало в себе только тех, кто способен был носить оружие. Соответственно такому большому числу населения решено было увеличить и город: присоединены были два холма — Квиринальский³ и Виминальский; вскоре царь увеличивает население и Эсквилийского холма, а чтобы место это приобрело значение, поселился там и сам. Город он окружает валом, рвом и стеной; таким образом расширено было и *rometium*. Некоторые, обращая внимание только на происхождение этого слова⁴, объясняют, что так называется пространство, лежащее вне стен города, тогда как на деле это скорее пространство, лежащее по обе стороны стен; такое пространство некогда этруски посвящали при основании города там, где собирались вести стену⁵, точно определив предварительное посредством гадания пределы: установлено было, чтобы и с внутренней стороны здания не доходили до стен, тогда как теперь они обыкновенно примыкают к ним, и с внешней стороны оставалась некоторая часть земли, свободной от возделывания. Это пространство, которое не позволено было ни заселять, ни пахать, римляне наименовали *rometium*, столько же потому, что оно находится за стеной, сколько и потому, что стена находится за ним; и при постепенном расширении города на сколько подвигались вперед стены, настолько же были подвигаемы и эти освященные пределы.

45. Увеличив с расширением города число граждан, установив дома все учреждения и для мирных, и для военных целей и не желая, чтобы усиление государства совершалось исключительно при помощи оружия, Сервий попытался достичь его мирным путем, имея в виду вместе с тем приобрести и некоторое украшение для города. Уже тогда славился храм Дианы Эфесской⁶, по преданию, он был построен сообща государствами Азии. Такое огласие и общность богов Сервий постоянно хвалил перед старейшинами латинян, с которыми тщательно поддерживал гостеприимство и дружбу и официальным путем, и частным образом. Постоянно повторяя одно и то же, он добился наконец того,

¹ Подобный смотр, сопровождаемый принесением очистительной жертвы, совершался каждые 5 лет.

² Жил во время II Пунической войны; в своей «Истории» он описал на греческом языке события со времени Энея до своего времени, на котором он останавливается более подробно.

³ По свидетельству других историков, Квиринал еще раньше был занят сабинянами; Ливий не говорит об этом в 33 гл..

⁴ *Postmoerium* в связи со словом *trigus*.

⁵ Согласно учению этрусков, основатель города должен был, запрягши в плуг быка и корову, вспахать все пространство, предназначенное для стены; где предполагались ворота, там плуг следовало приподнять, оставив это место не вспаханным. Корова должна была быть запряжена со стороны города, бык с наружной стороны. Назначенное гаданиями пространство для *rometium* обозначалось пограничными камнями.

⁶ Храм этот служил общим святилищем 12 ионийских городов, то же самое задумал и Сервий Туллий, не обращая внимания на существенное различие, состоявшее в том, что Рим не принадлежал к числу городов Латинского союза. Храм был сооружен на с. стороне Авентинского холма.

что латинские народы вместе с римлянами соорудили в Риме храм Дианы. Это было признанием главенства Рима, из-за которого столько раз вступали в вооруженную борьбу. Хотя после стольких неудачных попыток латиняне и перестали заботиться о нем, но один сабинянин возмечтал, что ему представляется случай вернуть первенство при помощи частного предприятия. Рассказывают, что в сабинской земле у одного хозяина родилась телка удивительной величины и вида; рога ее, прибитые в преддверии храма Дианы, много веков оставались памятником этого чуда. По обычаю, это принято было за предзнаменование, и гадатели предрекли, что первенство будет принадлежать тому народу, гражданин которого принесет ее в жертву Диане. Это пророчество дошло до слуха предстоятеля капища Дианы. Сабинянин, как только наступил день, подходящий для жертвоприношения, привел телку в Рим к храму Дианы и поставил ее перед жертвеником. Тут римский предстоятель, заметив удивительную величину телки, известную ему по слухам, и помня о пророчестве, обратился с такой речью к сабинянину: «Как это ты, чужеземец, собираешься принести жертву Диане нечестиво? Разве ты не омоешься раньше в проточной воде? Внизу в долине течет Тибр». Боясь богов, чужеземец, желавший все совершить надлежащим образом, чтобы результат соответствовал пророчеству, быстро спускается к Тибру. Тем временем римлянин закалывает телку Диане. Это было очень приятно царю и народу.

46. Будучи на деле вне всякого сомнения царем, Сервий тем не менее решил обратиться к народу, расположение которого он предварительно снискал, разделив поголовно отнятую у неприятелей землю, — желает ли он и повелевает ли ему царствовать; это вызвано было слухами о заявлениях, делаемых порой молодым Тарквинием, что Сервий царствует без воли народа. И он провозглашен был царем с таким единодушием, с каким не был избран доселе ни один царь. Но это не уменьшило у Тарквиния надежды добиться царства, — напротив, будучи и сам пылким юношей и встречая поощрение своему беспокойному характеру дома со стороны жены Туллии, видя, что раздел земли плебейм совершается против воли отцов, он полагал, что ему представляется повод тем настойчивее нападать на Сервия перед сенаторами и усиливать свое влияние в курии. И римский царствующий дом явил пример трагического злодеяния, так что свобода явилась раньше, потому что цари успели надоесть, и царствованию, приобретенному преступлением, суждено было быть последним. У этого Л. Тарквиния не вполне ясно, был ли он сын или внук Тарквиния Древнего; на основании большинства свидетелей я склоняюсь считать его сыном, был брат Аррунт Тарквиний, юноша кроткого характера. За них, как выше было сказано, были выданы две дочери царя Туллии, также вовсе не похожие одна на другую по характеру. Случайно брачные узы соединили не два стремительных нрава, полагаю, по воле судеб римского народа, чтобы царствование Туллия было продолжительнее и могли окрепнуть государственные порядки. Свирепая Туллия не могла успокоиться, что муж ее вовсе не имеет склонности ни к честолюбивым замыслам, ни к дерзким предприятиям; и вот, обратив свое внимание всецело на другого Тарквиния, она восхищается им, называет его истинным мужем и потомком царской крови; негодует на сестру, которая имеет такого мужа, но не обнаруживает смелости, доступной и женщине. Как обыкновенно случается, сходство скоро сблизжает их; зло ведь больше всего тяготеет к злу. Начало всеобщего беспорядка произошло от женщины. Она, привыкнув к тайным беседам с чужим мужем, не стеснялась в выражении презрения к [своему] мужу перед его братом, к сестре перед ее мужем, настаивает, что ей лучше бы остаться в девушках, а ему холостым, чем всту-

пить в неравный брак и изнывать одному от малодушия другого. Если бы боги дали ей мужа, какого она достойна, то скоро она увидела бы у себя в доме царскую власть, которую теперь видит у отца. Вскоре свое безрассудство она передает юноше: Аррунг Тарквиний и Туллия-младшая, освободившись для нового брака двумя непосредственно следовавшими одно за другим убийствами, сочетаются брачными узами скорее без возражений со стороны Сервия, чем со одобрения его.

47. С этого времени старость Сервия и его власть стали со дня на день подвергаться большей опасности. От одного преступления женщина спешит к другому и не дает ни ночью, ни днем мужу покоя, побуждая его не оставлять бесцельными прежние убийства; было у нее чьей называться женой и с кем молча переносить рабство, но не было человека, который бы считал себя достойным царства, который бы помнил, что он сын Тарквиния Древнего, который бы предпочитал иметь, а не надеяться только на царство. «Если ты тот, за кого я думала выйти, то я приветствую тебя и мужем, и царем; если же нет, то я сделала тем худшую перемену, что в тебе трусость соединена с преступностью. Но воспрянь! Тебе не нужно, как отцу твоему, домогаться царства в чужой стране, происходя из Коринфа или Тарквиний; боги — пенаты, унаследованные от отца, отцовское изображение¹, царский дом, а в доме царский трон и имя Тарквиний избирает и называет тебя царем. Или если у тебя не хватает на то мужества, то к чему ты обманываешь государство? Зачем ты допускаешь смотреть на тебя, как на царственного юношу? Уходи отсюда в Тарквинии или в Коринф, вернись назад к незначительному роду, ты, похожий более на брата, чем на отца!» Этими и иными речами укоряет и подстрекает она юношу и сама не может успокоиться, что, хотя она происходит из царского рода, но царская власть даруется и отнимается помимо ее, тогда как Танаквиль, женщина иноземного происхождения, могла иметь настолько решимости, что два раза подряд дала царство — раз мужу, а затем зятю. Возбужденный этой безумной страстью женщины, Тарквиний ходит и заискивает расположения преимуущественно у младших сенаторов, напоминает им о благодеянии своего отца и за то просит себе благодарности; юношей привлекает подарками; свое влияние он всюду усиливает, и давая щедрые обещания, и взводя обвинения на царя. Наконец, полагая, что уже настало время действовать, он врывается на Форум в сопровождении вооруженной толпы. Среди всеобщего ужаса он садится на царском месте впереди в курии и приказывает глашатаю вызвать сенаторов в курию к царю Тарквинию. Скоро сошлись все: одни были к тому подготовлены, другие опасались в случае неявки навлечь на себя беду и, ошеломленные небывалым случаем, думали, что с Сервием уже покончено. Здесь Тарквиний начал злословить само его происхождение; этот раб и сын рабыни после возмутительной смерти его родителя захватил царство, получив его в дар от женщины, не назначив, согласно прежнему обычаю, междущарствия, не собрав комиций, не получив голосов народа и утверждения отцов. Будучи такого происхождения и так став царем, он покровительствовал людям низшего класса, к которому принадлежал и сам, и завидуя почетному положению других, разделил самым презренным людям поле, отнятое у первых людей государства; все повинности, некогда бывшие общими, он сложил на первое сословие; он установил ценз, чтобы имущество богатых было известно и возбуждало зависть, а вместе чтобы был готов источник, откуда в случае желания можно было бы раздавать нуждающимся.

¹ См. примеч. к гл. 34.

48. Во время этой речи явился Сервий, вызванный трепещущим от страха вестником, и вдруг громким голосом из преддверия курии заговорил так: «Что это значит, Тарквиний? Что за дерзость, сметь при жизни моей созывать сенаторов и садиться на мое седалище?» Тот яростно возразил на это, что он занимает место своего отца, что он царский сын, более полноправный наследник царства, чем раб; достаточно долго тот благодаря дерзости вел свою игру и издевался над господами. Тут сторонники того и другого подняли крик, сбегался народ в курию, и стало ясно, что царствовать будет тот, кто победит. Тогда Тарквиний, вынужденный самой силой необходимости решается на крайнее средство: будучи сильнее и по возрасту своему, и по сложности, он схватывает в охапку Сервия и, вытащив его из курии, бросает вниз по ступеням, затем возвращается в курию, чтобы собрать сенаторов. Прислужники и стражники царя бегут; сам же он, полуживой, был убит посланными Тарквиния, которые настигли его, когда он бежал. Полагают, что это сделано было по приказанию Туллии, что согласно со всем ее преступным поведением. По крайней мере точно известно, что, выехав на Форум в колеснице и не стесняясь присутствия мужчин, она вызвала мужа из курии и первая приветствовала его царем. Он приказал ей удалиться из этой шумной толпы. Когда она возвращалась домой и, достигнув верхней части Кипрской улицы — еще недавно там было капище Дианы, — чтобы въехать на Эсквилийский холм, хотела повернуть направо на Урбийскую возвышенность, испуганный возница остановился и сдержал лошадей, показывая госложе на труп Сервия. Тут, по преданию, совершилось позорное и нечеловеческое злодеяние, памятником которого остается это место, именуемое Злодейской улицей: преследуемая тенью сестры и мужа и обезумевшая от этого, Туллия, как говорят, погнала лошадей через труп отца и, осквернившись и обрызгавшись сама кровью, пролитой при умерщвлении его, принесла часть ее на окровавленной колеснице к пенатам своим и мужа; разгневанные, они послали дурное начало царствования, а вскоре подобный же конец. Сервий Туллий царствовал 44 года и притом так, что даже доброму и скромному преемнику трудно было состязаться с ним. Впрочем, слава его усилилась еще тем, что вместе с ним прекратилось справедливое и законное царствование. Некоторые свидетельствуют, что даже эту столь кроткую и умеренную власть, потому что она была властью одного, он имел в виду сложить, если бы злодейство, вышедшее из недр его семьи, не разрушило его плана освободить отечество.

(220—244 гг.) 49. Затем начал царствовать Л. Тарквиний, прозванный по делам своим Гордым за то, что не позволил похоронить тестя, говоря, что и Ромул умер без погребения, и за то, что он истребил сенаторов, которых считал сторонниками Сервия. Затем он окружил себя телохранителями, сознавая, что с него самого против него же можно взять пример приобретения царства преступлением; и в самом деле он не имел никакого другого права царствовать, кроме права силы, так как правил без решения народа и без утверждения отцов. Кроме того, так как он вовсе не мог полагаться на расположение граждан, то ему приходилось ограждать свою власть страхом; чтобы внушить его большому числу людей, он производил сам без советников расследование уголовных дел и таким образом получал возможность казнить, отправлять в изгнание и лишать имущества не только людей подозрительных или ненавистных, но и таких, от которых мог ждать только добычи. Уменьшив таким образом число сенаторов, он решил никого не выбирать на их место, чтобы этим сословием по малочисленности можно было пренебрегать и чтобы меньше было неудовольствий на то, что все решается без него; он первый из царей уничтожил

существовавший прежде обычай обо всем совещаться с сенатом и управлял государством, привлекая на советы лишь домашних. Он начинал и кончал войны, заключал и нарушал мир, договоры, соглашения, с кем хотел сам, без воли народа и сената. Больше всего он привлекал к себе народ латинский, чтобы, опираясь и на иноземную помощь, быть в большей безопасности среди сограждан, и не только заводил с их старейшинами дружбу, но даже вступал в родство. За Октавия Мамилия Тускуланца — он был знаменитее всех в латинском племени, если верить преданию, сын Одиссея и Цирцеи, — он выдал свою дочь и благодаря этому браку привлек на свою сторону многих его родственников и друзей.

50. Завоевав большой авторитет среди латинской знати, Тарквиний издал повеление собраться в определенный день к роще Ферентины¹; он-де имеет сделать сообщение по общему делу. На рассвете собирается много народу; сам же Тарквиний день-то запомнил, но явился, однако, немного ранее заката солнца. В этот день много было в собрании разных разговоров. Турн Гердоний, родом из Ариции, жестоко нападал на отсутствующего Тарквиния, нечего-де удивиться, что его прозвали в Риме Гордым — ибо, хотя втихомолку, шепотком, но все называли его так, — или можно представить большую гордость, чем издеваться так над всем латинским племенем? Вызвав издалека из дому первых людей государства, сам назначивший собрание, не является! Конечно он испытывает их терпение, желая угнетать покорных, если они пойдут под ярмо; кому в самом деле не ясно, что он домогается власти над латинянами? Если его сограждане хорошо поступили, вверив ему власть, или вернее сказать, если она действительно ему вверена, а не похищена им при помощи отцеубийства, то даже при этом условии латиняне не должны поступить так, потому что он чужеземец; если же свои страдают от него, так как он убивает одних за другими, посылает в изгнание, лишает имущества, то что предвещает латинянам лучшие надежды? Если вы послушаетесь меня, то все разойдетесь по домам и забудете о дне собрания, как забыл о нем сам назначивший его. Пока этот мятежный и преступный человек, подобными средствами приобретший дома значение, рассуждал в таком роде, явился Тарквиний. Речь на этом и кончилась; все отвернулись приветствовать Тарквиния. Когда водворилась тишина, он, по совету своих, — оправдаться, что пришел в такое время, — заявляет, что был выбран третейским судьей между отцом и сыном, что, стараясь примирить их, запоздал, и так как настоящий день потерян, то он будет завтра говорить то, о чем собирался сказать сегодня. Говорят, что и тут Турн не смолчал; он сказал, что не бывает расследования короче, как между отцом и сыном, что дело можно покончить немногими словами: если-де не послушаешься отца, то тебе будет плохо.

51. Сказав это против римского царя, арицийский гражданин ушел из собрания. Огорченный этим гораздо более, чем казалось, Тарквиний тотчас замышляет убить Турна, чтобы навести на латинян тот же страх, при помощи которого он держал в трепете народ дома. Но не имея власти убить его открыто, он погубил его без вины, выставив против него ложное обвинение. При посредстве некоторых граждан Ариции, принадлежавших к противной партии, он подкупил раба Турна позволить принести тайно в его палатку большое количество мечей. Когда это было сделано в одну ночь, Тарквиний немного раньше рассвета призывает к себе старейшин латинских и, точно напуганный неожиданностью, заявляет, что вчерашнее замедление, случившееся как бы по воле богов, спасло и

¹ На с. конце Альбанского озера.

его, и их. Говорят-де, что Турн собирался убить его и старейшин, чтобы одному править латинянами; он имел в виду сделать нападение вчера в собрании, но дело отложено было по причине отсутствия виновника собрания, которого он именно и искал. Оттого-то он и нападал так на отсутствующего, что вследствие опоздания его терял надежду. Если донос верен, то конечно, на рассвете, когда соберутся в собрание, он явится с отрядом заговорщиков и с оружием; говорят, что к нему свезено большое число мечей. Сейчас же можно узнать, ложь это или нет. Он просит их отправиться вместе с ним к Турну. Возбуждали подозрение и характер Турна, и вчерашняя речь его, и опоздание Тарквивия, так как очевидно было, что оно могло расстроить замысел об убийстве. Они идут готовыми поверить обвинению, но в то же время решившись признать все ложью, если не будут найдены мечи. Когда они прибыли туда, Турн был разбужен и окружен стражей; рабы, из преданности господину собиравшиеся сопротивляться, были схвачены, а когда из всех углов палатки стали вытаскивать спрятанные мечи, то дело признано было ясным и на Турна надеты цепи. И немедленно поднимается страшный шум и созывается собрание. Когда мечи были вынесены на середину, то последовал такой взрыв негодования, что без суда была совершена небывалая казнь: он был низвергнут в исток Ферентинского ключа и завален грудой валежника и камней.

52. Созвав затем снова латинян и похвалив их за то, что они по заслуге казнили Турна за попытку произвести переворот, за очевидное покушение на святотатственное убийство, Тарквиний держал такую речь: «Он может, конечно, действовать, опираясь на старинное право, так как все латиняне, происходя из Альбы, связаны договором, по которому все Альбанское государство вместе с колониями уже со времени Тулла подчинилось римской власти; но ради общей пользы он предпочитает возобновить этот договор и сделать латинян участниками благополучия римского народа, освободив их от необходимости постоянно ожидать или терпеть разорение городов и опустошение полей, которые они подвергались сперва в царствование Анка, а потом в царствование его отца». Латиняне без труда согласились: хотя по этому договору Римское государство оказывалось выше, но вожди латинского племени, очевидно, были заодно и соглашались с царем, да и недавняя судьба Турна служила напоминанием каждому об опасности в случае сопротивления. Таким образом возобновлен был договор, и младшему поколению латинян приказано было в определенный день явиться к роще Ферентины вооруженными и в большом числе. Когда, согласно вызову римского царя, сошлись представители всех народов, он, не желая, чтобы они имели своего вождя, отдельное главное начальство или собственные знамена, соединил манипулы латинян и римлян, составляя из двух полуманипулов один полный, а из полного манипула — два полуманипула¹; составленные таким образом из двух частей манипулы вверены были центурионам.

53. Впрочем, он не был таким дурным военачальником, каким был несправедливым царем в мирное время; напротив, в этом искусстве он сравнился бы с другими царями, если бы испорченность его в других отношениях не помешала и этой славе. Он первый поднял войну против вольсков, продолжавшуюся более 200 лет после него, и взял у них Свессу Пометийскую. Набрав от продажи добычи 40 талантов серебра, он задумал соорудить такой величественный

¹ Полуманипул латинский и полуманипул римский соединялись в один манипул, затем воины того и другого племени пополам распределялись в каждый полуманипул. Командовали этими смешанными манипулами 2 римских центуриона. Престарелый порядок, по которому всякое племя составляло собственный отряд и имело своего командира, признан был ненадежным.

храм Юпитеру, чтобы он достоин был царя богов и людей, достоин был римского государства, наконец самого величия места. Добытые деньги были отложены на сооружение этого храма.

Затем он занялся войной, затянувшейся сверх ожидания: открытое нападение на соседний город Габии было неудачно, отнята была и надежда на осаду города, так как царь был прогнан от стен, и вот он прибег к хитрости и коварству — средствам вовсе не римским. Ибо когда он, как бы оставив войну, прикинулся занятым закладкой храма и другими городскими сооружениями, сын его Секст, младший из трех, преднамеренно перебежал в Габии, жалуясь на невыносимую жестокость отца; «С чужих он перенес гордость и в отношении к своим, уже ему надоела и многочисленность детей, и он хочет так же опустошить дом, как опустошил курию, чтобы не оставить потомства, не оставить наследника престола. Спасшись от направленного против него оружия отца, он считает себя в безопасности только у врагов Тарквиния. Пусть они не заблуждаются, он только прикидывается покинувшим войну; она продолжается и, воспользовавшись случаем, он нападет на них неожиданно. Итак, если у них нет места умоляющим о помощи, то он обойдет весь Лаций, вольсков, затем отправится к эквам и герникам, пока не найдет таких людей, которые сумеют защитить детей от жестоких и безбожных истязаний родителей. Может быть, он найдет и желание начать войну и выступить с оружием против гордого царя и жестокого народа». Сделав вид, что он возмущен и собирается идти дальше, если они не задержат его, он был ласково принят жителями Габий. «Нечего, — говорят, — удивляться, что, каков он был с гражданами, каков был с союзниками, таким в конце концов он стал и по отношению к детям; если не на кого будет, то он еще будет злиться на себя; они весьма рады его прибытию и полагают, что в скором времени при его помощи война от ворот Габий будет перенесена под стены Рима».

54. Затем его начали приглашать на общественные собрания. Здесь, объявляя себя во всех других вопросах согласным со старожилыми Габий, как людьми более опытными, он постоянно настаивал на войне, и в этом деле приписывал себе особенный авторитет, так как ему известны силы обоих народов и он знает, что гордость царя наверное ненавистна и гражданам, если уже дети не в состоянии выносить ее. Побуждая таким образом постепенно знатнейших габинян к восстанию, сам он с наиболее отважными юношами предпринимал набеги с целью добычи, а вводя их в обман словами и делами, увеличивал доверие к себе, конечно, неосновательное, и в конце концов достиг того, что был избран вождем для этой войны. Тут, пока происходили незначительные стычки, перевес чаще всего оказывался на стороне габинян, и так как масса не знала цели всех этих действий, то знатнейшие и самые простые габиняне наперевз друг перед другом верили, что С. Тарквиний богами послан им в вожди. А принимая одинаковое участие в опасностях и трудах и разделяя щедро добычу, он приобрел такое расположение среди воинов, что Тарквиний-отец не был сильнее в Риме, чем сын в Габиях. И вот, видя, что сил собрано достаточно для любого предприятия, он посылает одного из приближенных в Рим к отцу спросить, что он должен делать, так как боги даровали ему выдающуюся силу в Габиях. Этому вестнику, вероятно, потому, что он казался не особенно надежным, на словах не дано было ответа, но, как бы размышляя, царь переходил в находившийся при доме сад в сопровождении вестника сына и, прогуливаясь здесь, он молча, говорят, сбивал палкой головки мака. Утомленный вопросами и ожиданием ответа, вестник вернулся в Габии, все равно что ничего не сделал; передает, что он сам сказал и что видел; вследствие ли раздражения, или

ненависти, или врожденной гордости, царь не сказал-де ни одного слова. Когда Сексту стало ясно, чего хочет отец и какое он дает ему наставление обиняками без слов, он истребляет знатнейших габинян, одних при помощи обвинения перед народом, других, пользуясь ненавистью, вызванной их собственными действиями. Многие были убиты открыто, другие, обвинение которых не могло быть достаточно благовидно, тайно. Некоторым, если они того хотели, предоставлено было бежать, другие были отправляемы в изгнание, а имущество отсутствующих, наравне с имуществом умерщвленных, шло в раздел. Это было источником щедрых раздач и наживы; и чувство удовольствия, испытываемое отдельными людьми от выгоды, отнимало сознание общественной беды, пока осиротелая и беспомощная габинская община не была передана без битвы в неограниченную власть римскому царю.

55. Взяв назад Габии, Тарквиний заключил мир с эквами, а с тусками возобновил договор. Затем он сосредоточил свое внимание на городских сооружениях; первым был храм Юпитеру на горе Тарпейской, который должен был остаться памятником его царствования и имени царей Тарквиниев, из коих отец посвятил¹, а сын соорудил. И чтобы вся площадь не принадлежала никакому другому божеству, кроме одного Юпитера и его храма, который соорудился, он решил снять посвящение с капищ и часовен, которых там было несколько; они были обещаны царем Тацием в критический момент битвы против Ромула, а затем посвящены и освящены. Рассказывают, что при закладке этого сооружения боги явили свою силу, чтобы показать величие государства: допустив снятие посвящения со всех остальных храмов, птицы не огласились на таковое же при храме Термина, и это знамение и гадание было понято в том смысле, что седалище Термина нельзя двинуть, что его одного из всех богов нельзя вызвать из посвященных ему пределов, а это предвещает прочность и незыблемость всего государства. За этим знамением вечности последовало другое, предвещавшее величие государства: когда рыли землю для фундамента, говорят, найдена была человеческая голова с сохранившимися чертами лица. Это явление совершенно ясно предсказывало, что тот храм будет твердой государственной главой его, и в этом смысле высказывались как те прорицатели, кто был в городе, так и те, кто для совещания об этом был вызван из Этрурии. Царь все более и более не жалел затрат; таким образом помптинской добычи, предназначавшейся, чтобы довести здание до вершины, едва хватило на фундамент. Тем более я склонен верить Фабию — помимо его древности, — что это было только 40 талантов, чем Пизону, который сообщает, что на этот предмет было отложено 40 тысяч фунтов серебра: такой суммы нельзя было ожидать от добычи с одного тогдашнего города, и ее во всяком случае хватило бы на фундамент даже теперешних великолепных зданий.

56. Стараясь окончить храм и вызывая мастеров отовсюду из Этрурии, он пользовался для этого не только общественными деньгами, но и работой простого народа. Хотя этот труд, присоединенный к военной службе, был весьма тяжел, но народ не так тяготился, сооружая своими руками храмы богов, как после, когда его стали переводить на другие работы, менее видные, но более трудные — сооружения лож в цирке и проведение под землей главной трубы для вмещения всех городских нечистот. Современное великолепие едва ли может выставить что-нибудь равное этим двум сооружениям. Заняв этими работами народ и в то же время полагая, что по окончании надобности такое население будет в тягость городу, а также желая высылкой колоний расширить

¹ См. гл. 38.

пределы государства, он основал колонии Сигнию и Цирцею, будущий оплот города на море и на суше. В это время явилось страшное предзнаменование: из деревянной колонны выползла змея; это обстоятельство произвело смятение и беготню в царском дворце, но в сердце царя вселило не внезапный ужас, а постоянное тревожное чувство. И вот, в то время как для общественных знамений приглашаемы были только этрусские прорицатели, пораженный этим, так сказать, домашним видением, он решил послать в Дельфы к славнейшему на земле оракулу, но не решаясь поручить ответа оракулу кому-нибудь другому, он послал двух сыновей в Грецию через неведомые в то время земли и еще более неведомые моря. Отправились Тит и Аррунт. Спутником им дан был Л. Юний Брут, сын сестры царя Тарквинии, юноша далеко не такого слабого ума, каким он прикидывался. Слыша, что знатнейшие люди, в том числе его брат, перебиты дядей, он решил не давать места в душе царя ни страху перед его умом, ни желанию воспользоваться его состоянием и жить безопасно, подвергая себя презрению там, где мало было надежды на право. И так, нарочито прикинувшись глупым и предоставив себя в распоряжение царя, а имущество в добычу ему, он не отказался и от прозвища Брута¹, чтобы под прикрытием его тот, которому суждено было освободить римский народ, выждал своего времени. Его-то тогда Тарквинии взяли с собой в Дельфы скорее ради потехи, чем как спутника, и он, говорят, понес в дар Аполлону золотую палку, спрятанную в роговую, нарочно для того выдолбленную, символически изображая свой ум.

Прибыв туда и выполнив поручение отца, юноши пожелали узнать, кому из них достанется Римское царство. Говорят, что из глубины пещеры раздался голос: «Верховную власть в Риме будет иметь тот из вас, юноши, кто первый поцелует мать свою». Тарквинии строго приказывают молчать об этом, чтобы Секст, оставшийся в Риме, не знал об ответе и не получил власти; сами же между собой предоставляют решить жребии, кому первому по возвращении в Рим поцеловать мать. А Брут, полагая, что голос Пифии имеет в виду другое, как бы поскользнувшись, упал и поцеловал землю, потому, конечно, что она общая мать всех. Затем они вернулись в Рим, где шли усиленные приготовления к войне против рутулов.

57. Рутулы, народ по тем местам и по тому времени весьма богатый, владели Ардеей. Это-то обстоятельство и было причиной войны, так как римский царь, истощив средства на великолепные общественные сооружения, желал обогатиться сам и задобрить поживой граждан, которые, негодуя на царскую власть за разные проявления гордости царя, возмущались и тем, что ими пользуются, как ремесленниками и рабами. Попробовали, нельзя ли взять Ардею приступом; когда же это не удалось, то начали теснить врага осадой и осадными сооружениями. На этой стоянке, как это обычно при более продолжительной, чем ожесточенной войне, отпуски были довольно свободные, хотя больше для начальников, чем для воинов; так царские юноши проводили досужее время в своем кругу, иногда среди пиров и попоек. И вот, когда они бражничали у С. Тарквиния и в числе их находился и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, случайно вспомнили о женах; каждый расхваливал свою. Когда разгорелся спор, то Коллатин заметил, что нечего тратить слова, что через несколько часов можно убедиться, насколько его Лукреция выше других. «Если в нас есть юношеские силы, то сядем на коней и увидим воочию характер наших жен: что представится взорам неожиданно приехавшего мужа, то и должно быть наиболее убедительным». Они были разгорячены вином. «Ну, конечно!» — заяви-

¹ Т.е. тупоумного; вернее впрочем, что прозвище подало повод к составлению сообщаемого рассказа.

ли все. Пришпорив коней, они ускакали в Рим. Прибыв туда в начале сумерек, они отправляются в Коллацию, где находят Лукрецию не как царских невесток, которые проводили время в роскошном пиру со сверстницами, а занятой в позднюю ночь пряхей, сидящей посредине дома и окруженной прилежными служанками. Победа в этом состязании жен была за Лукрецией. Прибывший муж и Тарквинии были приняты приветливо, и победитель-супруг приглашает царских сыновей. Тут С. Тарквинием овладела преступная страсть опозорить насильно Лукрецию; пленяла его и красота, и всем известное целомудрие. Но тогда с ночной прогулки они возвращаются в лагерь.

58. Через несколько дней С. Тарквиний без ведома Коллатина с одним провожатым отправляется в Коллацию. Не зная о его намерении, его приняли приветливо и после обеда отвели в спальню для гостей; пылая страстью и видя, что вокруг все безопасно и все спят, обнажив меч, он явился к спящей Лукреции и, схватив ее левой рукой за грудь, сказал: «Я Тарквиний; в руках у меня меч; если ты издашь хоть звук, то умрешь». Испуганной со сна, беспомощной женщине, видевшей перед собой смерть, Тарквиний стал признаваться в любви, просить, примешивать к мольбам угрозы, с разных сторон действовать на женский ум, но, видя, что она упорна и не поддается даже перед страхом смерти, он к угрозе присоединяет бесчестие: убив-де ее, он положит с ней задушенного нагого раба, чтобы думали, что она убита во время гнусного прелюбодеяния. Когда страсть, победа которой была только кажущаяся, одержала верх над целомудрием и Тарквиний удалился отсюда, гордый бесчестием женщины, опечаленная столь великой бедой Лукреция послала вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, прося их явиться с двумя верными друзьями; так-де нужно и притом очень скоро; случилось ужасное дело. С. Лукреций является с П. Валерием, сыном Волеза, Коллатин с Л. Юнием Брутом, с которым случайно повстречался, возвращаясь с вестником жены в Рим. Они находят печальную Лукрецию сидящей в спальне. При прибытии своих она заплакала и на вопрос мужа: «Все ли благополучно?» отвечала: «Нет. Какое может быть благополучие, когда женщина потеряла целомудрие? На твоём ложе, Коллатин, следы чужого мужа, но осквернено только тело, душа же невинна; смерть моя будет ручаться за то, но дайте руку и слово, что это не пройдет безнаказанно прелюбодею. С. Тарквиний тот, который, явившись врагом под видом гостя, в прошедшую ночь насильно с оружием в руках унес отсюда наслаждение, гибельное для меня и для себя, если вы мужи!» Все по порядку дают слово, утешают печальную, слагая вину с принужденной на виновника позора: погрешает дух, а не тело, и где нет намерения, там нет и вины. «Вы решите, чему он повинен, — сказала она, — я же, не признавая за собой греха, не освобождаю себя от казни; и пусть никакая, нарушившая целомудрие, не живет, ссылаясь на пример Лукреции». И она вонзила в сердце нож, который спрятан был под одеждой и, прикрыв собой рану, упала замертво. Муж и отец вскрикнули.

59. Пока те плакали, Брут, держа перед собой извлеченный из раны Лукреции меч, обгаренный кровью, сказал: «Этой непорочной до царской обиды кровью я клянусь и вас, боги, призываю в свидетели, что буду преследовать Л. Тарквиния Гордого с его преступной женой и всеми потомками мечом, огнем и чем только буду в состоянии, и не позволю ни им, ни кому-либо другому царствовать в Риме». Затем он передает нож Коллатину, кому Лукрецию и Валерию, оцепеневшим от удивления, откуда это в Бруте такой ум. Они клянутся, как им было приказано; затем, сменив слезы на гнев, они следуют за Брутом, призывавшим прямо отсюда идти, чтобы отнять силой царскую власть. Вынеся тело Лукреции из дому, они идут с ним на Форум и возбуждают население

ние, дивящееся, как и следовало ожидать, необычному делу и негодующее. Каждый жалуется на царское злодеяние и насилие. Производит впечатление печаль отца, порицания, высказываемые Брутом слезам и бессильным жалобам, и совет его взять оружие против дерзнувших на безбожное дело: так подобает мужам, так подобает римлянам. Наиболее храбрые юноши добровольно являются с оружием, за ними следуют и остальные. Затем, оставив часть для охраны Коллации и поставив у ворот стражу, чтобы кто-нибудь не известил царскую семью об этом движении, остальные вооруженные под предводительством Брута отправились в Рим. Прибыв туда, вооруженная толпа производит смуту и панику всюду, где ни появляется; напротив, видя, что впереди идут знатнейшие люди, полагают, что это что-то важное. И это ужасное событие произвело не меньшее движение в Риме, чем немного ранее в Коллации. И вот из всех частей города бегут на Форум. Когда все собрались туда, глашатай созвал народ к трибуну «Быстрых»¹, в каковой должности тогда состоял Брут. Здесь он держал речь, обнаружившую далеко не такой слабый ум и способности, какие он притворно показывал до того дня, — о насилии и похотливости С. Тарквиния, о неслыханном оскорблении Лукреции и ее печальной смерти, о сиротстве Триципитина, для которого причина смерти дочери более возмутительна и прискорбна, чем сама смерть. Прибавлено было и о гордости самого царя, и о страданиях и трудах народа, принужденного копать рвы и клоаки; римские граждане, победители всех соседних народов, из воинов превращены в ремесленников и каменщиков. Упомянуто и о возмутительном убийстве Сервия Туллия, и о том, что безбожная дочь проехала в колеснице по трупам отца, сделано воззвание и к богам — мстителям за родителей. Упомянув об этих ужасных преступлениях, а вероятно, и о других, что подсказывало негодование против настоящих событий и что не легко воспроизвести писателю, он заставил возмущенную толпу лишить царя власти и изгнать Тарквиния с женой и детьми. Сам же, выбрав и вооружив юношей, вызвавшихся добровольно, отправился в лагерь в Ардею бунтовать войско против царя; высшую власть в городе он оставил Лукрецию, еще при царе назначенному префектом города. Среди этого смятения Туллия бежала из дому, и где она ни появлялась, мужчины и женщины проклинали ее и призывали фурий, мстительниц за родителей.

60. Когда весть об этом дошла в лагерь, царь, смущенный неожиданностью, отправился в Рим, чтобы подавить движение, а Брут, узнав о его приближении, свернул с дороги, чтобы не повстречаться; и почти в одно время разными дорогами прибыли Брут в Ардею, а Тарквиний в Рим. Перед Тарквинием были заперты ворота, и ему объявлено изгнание; напротив освободитель города был с радостью принят в лагере, дети же царя изгнаны оттуда. Двое последовали за отцом, отправившись в изгнание в Церу в Этрурии. С. Тарквиний, ушедший в Габии, точно в свое царство, был убит в отмщение за прежнюю вражду, которую он навлек на себя убийствами и грабежом. Л. Тарквиний Гордый царствовал 25 лет. Царская власть в Риме от основания города до освобождения его продолжалась 244 года. Затем центуриатскими комициями², созданными префектом города, были выбраны на основании записок Сервия Туллия³ два консула⁴ — Л. Юний Брут и Л. Тарквиний Коллатин.

¹ Ср. гл. 15.

² На этих собраниях ежегодно принимают участие в выборах все граждане вместе — патриции и плебеи.

³ Этой прибавкой Ливий хочет придать характер законности совершившемуся перевороту.

⁴ Сам Ливий (III, 55) говорит, что в первое время не было имени консулов, а эти должностные лица назывались преторами.

КНИГА II (509—468 гг. до н. э.).

(245 г.) 1. Отсюда я начну повествовать о подвигах, совершенных уже свободным римским народом в мирное и военное время, о ежегодно сменяющихся магистратах и господстве законов, более прочном, чем господство людей. Гордость последнего царя сделала свободу более приятной, ибо первые цари царствовали так, что совершенно заслуженно считаются основателями по крайней мере частей города, которые они постепенно присоединяли, чтобы поселять там прибывавших при них граждан. И нет сомнения, что тот же Брут, который приобрел такую славу изгнанием гордого царя, оказал бы очень плохую услугу государству, если бы, несвоевременно увлеченный страстью к свободе, исторг власть у кого-нибудь из предшествовавших царей. Ведь что было бы, если бы среди того сброда пастухов и пришельцев, бежавших из своих родных стран, добившихся под охраной неприкосновенного храма свободы, или по крайней мере безнаказанности, сброда, не сдерживаемого страхом перед царем, начались волнения, вызванные трибунскими смутами, и граждане, живя в чужом городе, начали враждовать с патрициями, прежде чем успели сблизиться между собой, женившись и обзаведясь семьями, а с течением времени привязавшись к самой земле? Раздоры рассеяли бы слабые еще элементы государства, а между тем при спокойном управлении они крепнут и, постепенно развиваясь, достигают той зрелости, при которой уже возможны добрые плоды свободы. Начало свободы надо видеть в том, что консульская власть сделана была годичной, а не в каком-нибудь ином ограничении царской власти. Первые консулы пользовались всеми ее правами и знаками; были приняты меры только против того, чтобы страх не оказался удвоенным, если оба одновременно будут иметь ликторов¹. С согласия товарища, Брут первый имел ликторов; впоследствии он с таким же рвением охранял свободу, с каким вначале добивался ее: прежде всего, чтобы впоследствии царские просьбы или дары не могли поколебать народ, с жадностью ухватившийся за неведомую свободу, он заставил его поклясться, что он не допустит никого царствовать в Риме. Затем, чтобы сама многочисленность сената содействовала усилению этого сословия, он посредством избрания старейших из всадников пополнил до 300 число сенаторов, уменьшившееся вследствие казней, произведенных царем; по преданию, отсюда установился обычай, чтобы были приглашаемы² в сенат «*patres*» (отцы) и «*conscripti*» (приписанные); именем *conscripti*³ называли избранных после, как новый сенат. Это удивительно помогло установлению согласия в государстве и привязанности плебеев к патрициям.

2. Затем позаботились о церковных делах. Так как некоторые жертвоприношения за государство были совершаемы самими царями, то, чтобы отсутствие царя не стало заметным, выбирают царя-жреца. Этот жрец был подчинен понтифику, дабы почет, связанный с этим именем, не оказался помехой свободе, о которой тогда имели наибольшее попечение. И, пожалуй, даже перешли

¹ На этот счет показания авторов расходятся: одни говорят, что каждый консул имел по 12 ликторов и все они носили *fascēs*, секиры же передавались поочередно каждый месяц ликторам консула, ведущего текущие дела; сам Ливий высказывается в этом смысле (гл. 56). По свидетельству других, упоминаемый здесь Ливием порядок был установлен Валерием Публиколом.

² Глашатаем (*praeso*).

³ Наименование всех членов римского сената «*patres conscripti*» есть сокращение из *patres et conscripti*, причем под *patres* разумелись сенаторы, приобретшие это право по рождению; образуя особую корпорацию, они, напр., избирали из своей среды междуцаря; *conscripti* были вновь присоединенные из плебеев сенаторы.

меру, ограждая ее со всех сторон, даже в самых пустых делах: так например, у одного из консулов, безупречного во всех отношениях, имя оказалось ненавистным государству: очень-де Тарквинии привыкли царствовать; начало положил Древний; затем царствовал Сервий Туллий; Тарквиний Гордый даже во время перерыва, когда царство принадлежало другому, не забыл о нем и захватил его путем преступного насилия, точно свою наследственную собственность; по изгнании Гордого власть оказывается у Коллатина: Тарквинии не могут жить частными людьми! Не нравится имя: оно опасно для свободы. Такие мысли, которыми сперва исподволь испытывали настроение народа, распространялись по всему государству, и Брут сзывает на собрание народ, встревоженный подозрением. Здесь он прежде всего читает народу клятву, что они не допустят никого царствовать или даже быть в Риме такому человеку, от которого могла бы грозить опасность свободе. От этого всячески надо остерегаться и нельзя пренебрегать ничем, относящимся сюда. Неохотно-де говорит он ввиду личности, о которой идет речь, и не стал бы говорить, если бы любовь к государству не одерживала верх: не верит римский народ в прочность приобретенной свободы; царский род, царское имя не только остается в государстве, но и пользуется властью; это противодействует, это стоит на дороге свободе. «Устрани ты этот страх добровольно, Л. Тарквиний, — говорит он: — признаемся, мы помним, что ты изгнал царей; заверши же свое благодеяние, удали отсюда царское имя! По совету моему граждане не только выдадут тебе все твое имущество, но даже сделают щедрую прибавку, если тебе чего-нибудь недостает. Уйди другом; освободи государство от страха, быть может, неосновательного; все убеждены, что вместе с родом Тарквиниев устранена будет отсюда царская власть». Сперва консул от удивления перед этим новым для него и неожиданным обстоятельством не мог сказать ни слова; но когда он попробовал заговорить, то его окружили главные лица государства и начали усиленно просить о том же. Все эти речи, однако, производили на него не особенное впечатление; когда же начал говорить Снурий Лукреций, старший и по возрасту, и по почету, и притом тесть его, то прибегая к просьбам, то к убеждениям, чтобы он преклонился перед волей всего государства, тогда консул, опасаясь, что, по возвращении его в частную жизнь все это будет приведено в исполнение с лишением его всего состояния да еще с присоединением какого-нибудь бесчестья, отказался от консульства и, перевезя все свое имущество в Лавиний, удалился из государства. Брут, согласно постановлению сената, внес к народу предложение, чтобы все, принадлежащие к роду Тарквиниев, объявлены были изгнанниками. В центуриатских комициях он избрал себе в товарищи П. Валерия, содействовавшего ему при изгнании царей.

3. Хотя никто не сомневался, что со стороны Тарквиниев грозит война, она последовала позже, чем можно было ожидать; впрочем, сверх чаяния свобода едва не была потеряна вследствие коварства и измены. Между римской молодежью было несколько юношей довольно знатного происхождения, страстям которых во время господства царей было больше простора; то были сверстники и приятели молодых Тарквиниев, привыкшие жить без стеснений. Тогда же, по уравниванию прав всех, тоскуя по прежней воле, они начали жаловаться, что свобода других обратилась для них в рабство. «Царь человек, а потому у него можно выпросить необходимое, будет ли то законно или незаконно; тут есть место расположению, благодеянию; он может и гневаться, и миловать; он умеет различить друга и недруга; между тем законы глухи, неумолимы, удобнее и лучше для слабого, чем для сильного, и если преступишь предел, то нет тебе ни снисхождения, ни милости! Рискованное дело среди стольких человеческих заблуж-

дений жить, опираясь лишь на невинность!» Когда уже само собой существовало такого рода недовольство, являются царские послы, требуя лишь выдачи имущества и ни словом не упоминая о возвращении царей. Когда их требование было выслушано в сенате, то совещание о нем продолжалось несколько дней; опасались, что отказ в выдаче может подать повод к войне, а выдача послужит средством и помощью вести ее. Между тем послы начали усиленно хлопотать о другом: открыто требуя возврата имущества, они тайно строили планы восстановления царской власти и испытывали настроение знатных молодых людей, обходя их, будто бы с целью добиться того, о чем они говорили. Кто выслушивал без возражений их речи, тем они передавали письма от Тарквиниев и вели переговоры о том, чтобы ночью тайком впустить семью царя в город.

4. Сперва это дело было доверено братьям Вителлиям и Аквиллиям; сестра Вителлиев была замужем за консулом Брутом, и от этого брака были дети, уже юноши, Тит и Тиберий; дяди сделали и их участниками своего плана; кроме того, присоединились к этому замыслу еще несколько знатных юношей, имена которых утратились с течением времени. Между тем в сенате взяло верх мнение, что имущество следует выдать; это послужило для послов основанием оставаться в городе, так как они испросили у консулов срок на приготовление телег для вывоза царского имущества; все это время они проводила в совещаниях с заговорщиками и своими настояниями добились того, чтобы им дано было письменное удостоверение к Тарквиниям: ведь каким-де образом иначе они могут поверить, что послы докладывают им о столь важном деле не вымышленное? Письма были даны, но, будучи предназначены служить обеспечением верности дела, они помогли открыть преступление. Ибо, когда накануне отъезда к Тарквиниям послы обедали у Вителлиев и заговорщики, удалив свидетелей, вели, по обыкновению, длинные беседы о своей затее, их разговор подслушал один из рабов; он уже и раньше подозревал, в чем дело, но ждал момента, когда послам будут вручены письма, захватив которые можно было изболочить заговор. Увидая, что они вручены, он донес о случившемся консулам. Консулы, выйдя из дома, чтобы арестовать послов и заговорщиков, без шума захватили врасплох весь заговор; прежде всего озаботились, чтобы письма не были уничтожены. Изменники немедленно были закованы, а относительно послов несколько призадумались, и хотя они были признаны виновными в деле, за которое их следовало считать врагами, но к ним применено было международное право.

5. Дело относительно царского имущества, которое решили было выдать, поступило вновь на рассмотрение сената. Под влиянием раздражения сенат запретил выдачу, но запретил и конфискацию: оно было отдано на разграбление народу, чтобы, получив часть этой добычи, он навсегда потерял надежду на примирение с царями. Поле Тарквиниев, находившееся между городом и Тибром, посвящено было Марсу и стало называться «Марсовым полем». Говорят, что там была посеяна пшеница, и она уже созрела для жатвы, но так как есть плоды с этого поля было грешно¹, то масса народу, срезав хлеб, перетащила его вместе с соломой в коробах в Тибр, в котором было мало воды, как это обыкновенно бывает среди жаркого времени. Вследствие этого кучи хлеба остановились на мелких местах и занесены были тиной; из этого и других предметов, которые нанесло течение реки, образовался мало-помалу остров. После, вероятно, сделана была насыпь, и вообще труды рук человеческих помог-

¹ Так как поле было посвящено божеству, то считалось преступным, чтобы люди пользовались его плодами.

ли образованию обширной площади, достаточно прочной даже для сооружения храмов¹ и портиков. По расхищении царского имущества изменники были осуждены и казнены; казнь эта потому особенно бросалась в глаза, что консульское звание налагало на отца обязанность наказывать детей, и того, которого следовало удалить, как зрителя, судьба сделала исполнителем казни. Стояли привязанными к позорному столбу знатнейшие юноши, но от всех остальных, точно неизвестных, отвлекали всеобщее внимание дети консула и вызывали сожаление столько же наказанием, сколько преступлением, которым они заслужили его: они решились предать некогда гордому царю, а ныне ненавистному изгнаннику отечество, только в тот год освобожденное, отца освободителя, консульство, основанное домом Юниев, сенаторов, народ, наконец всех римских богов и граждан! Консулы сели на свои седалища и послали ликторов свершать казнь. Раздев их, они секут розгами и казнят секирами, и во время совершения предписанной законом казни в выражении лица отца ясно проявилось родительское чувство². После казни виновных, чтобы дать и в том, и в другом отношении³ достойный пример для удержания от преступлений, назначена была награда донесшему — деньги из казны, освобождение и право гражданства. Говорят, что он первый был освобожден «розгой»⁴; по мнению некоторых, само название «vindicta» произошло от него, так как его имя было Виндиций. После него было соблюдается, чтобы освобождаемые этим способом признаваемы были гражданами.

6. Получив известие о случившемся, Тарквиний под влиянием не только огорчения, что рушатся его великие надежды, но также ненависти и раздражения, решил готовиться к открытой войне, так как видел, что путь для коварства прегражден. И вот, умоляя, он стал обходить города Этрурии; больше всего он упрашивал жителей Вей и Тарквиний, чтобы они не допустили его, их соотечественника, одной с ними крови, погибнуть на их глазах вместе с юношами-сыновьями изгнанником, нищим, который еще недавно обладал столь сильным царством. Другие из чужой земли были призываемы в Рим на царство, а он, царь, прогнан преступными заговорщиками из близких ему людей, как раз в то время, когда был на войне, заботясь об увеличении Римского государства. Не найдя человека достойного царствовать, они расхитили части власти; имущество его они отдали на разграбление народу, чтобы не осталось никого, кто бы не был участником злодеяния. Он хочет вернуться в свое отечество и получить назад царскую власть, хочет преследовать неблагоприятных граждан. Пусть они поддержат его, помогут ему; пусть они отомстят вместе и за свои прежние обиды — многократное избивание легионов⁵

¹ Это insula Tiberina, на котором был сооружен храм Эскулапу.

² По рассказу других писателей, Брут сохранял безучастное выражение лица; Ливий, однако это неестественным, изменил редакцию сказания.

³ Т.е. и наказанием виновных, и наградой донесшему властям о грозящей опасности.

⁴ Одна из форм отпущения на волю называлась manumissio vindicta. Это была фиктивная процедура заявления в суде, что обладание вещью — в данном случае рабом — представляется спорным. Для совершения этого акта необходимы были, кроме отпускаемого на волю раба, 3 лица: претор, перед которым делалось заявление, господин раба и лицо, оспаривающее принадлежность раба господину — сперва друг его, а после обыкновенно ликтор. Это лицо, касаясь раба палочкой (vindicta или festuca), заявляло, что он свободен; господин, взяв раба за руку, заявлял свое согласие на то, что он свободен, и выпускал его руку. Претор на основании этих заявлений присуждал свободу. — Сообщаемая Ливием со слов других этимология, разумеется, неверна; напротив, имя Vindicus произошло от описанного акта.

⁵ Обычное у Ливия перенесение римских наименований разных учреждений на учреждения других народов.

и отнятие полей. Эти речи действовали на вейентов, и они грозят и громко заявляют, что хоть под предводительством римского вождя следует уничтожить позор и вернуть потерянное на войне. Жителей Тарквиний побуждало имя царя и родство с ним: летным представлялось, чтобы их соотечественники царствовали в Риме. И вот две армии двух государств пошли за Тарквинием добиваться возвращения царства и преследовать войной римлян. Когда неприятель вступил в римскую область, консулы вышли ему навстречу: Валерий вел пехоту, выстроив ее в каре; впереди для разведки шел Брут с кавалерией. Так точно впереди неприятельского войска шла конница под начальством царского сына, Аррунта Тарквиния; сам царь с легионами шел сзади. Узнав издали по ликторам консула, а затем ближе и яснее увидав лицо Брута, Аррунт с гневом воскликнул: «Вот тот человек, который изгнал нас из отечества; вон он величественно выступает, украшенный нашими знаками власти! Боги, отомстите за царей!» Он дает шпоры лошади и в ярости направляет ее на самого консула. Брут заметил, что он идет на него. В то время считалось почетным, чтобы вожди лично участвовали в битве: и вот он с жаром бросается навстречу поединку. Забыв о прикрытии своего тела, лишь бы ранить врага, они с таким ожесточением налетели один на другого, что оба, пронзив сквозь щит друг друга, с копьями в ранах упали замертво с коней. В то же время началась общая кавалерийская битва, а немного спустя подошла и пехота. Победа склонялась то на ту, то на другую сторону и была почти нерешительной: с обеих сторон победил правый фланг, а левый был побежден. Вейенты, привыкшие терпеть поражения от римлян, были рассеяны и обращены в бегство; зато тарквинийцы, новые враги, не только устояли, но даже прогнали находившихся против них римлян.

7. После такого сражения на Тарквиния и этрусков напал столь великий ужас, что ночью обе армии, вейентская и тарквинийская, оставив свое предприятие, как напрасное, разошлись по домам. Присоединяют чудесные рассказы об этой битве: среди тишины следующей ночи из Арсийского леса слышен был громкий голос; признали его за голос Сильвана; он сказал следующее: «В битве пало одним этрусском больше; победа на стороне римлян». По крайней мере, благодаря этому римляне ушли отсюда как победители, а этруски как побежденные. После того как рассвело и не видно было никого из врагов, консул П. Валерий собрал доспехи и с триумфом вернулся в Рим. Товарища он похоронил с возможной для того времени торжественностью, но гораздо более почетным для погибшего был общественный траур, замечательный особенно тем, что матроны оплакивали его год, как отца, за то, что он явился столь суровым мстителем за оскорбление целомудрия.

Затем оставшийся в живых консул, пользовавшийся расположением, не только возбудил зависть, но даже подвергся подозрению, соединенному с ужасным обвинением; так изменчиво настроение толпы! Молва гласила, что он стремится к царской власти, так как не потребовал выбора товарища на место Брута и строил себе дом на вершине Велии: это-де сооружается неприступная крепость на высоком и укрепленном месте. Эти речи и доверие к ним в народе возмущали дух консула, и, созвав граждан, он выступил с опущенными пучками прутьев. Приятно было толпе видеть, что знаки власти преклонились перед ней и таким образом признано, что выше величие и сила народа, а не консула. Здесь, потребовав внимания, консул хвалил судьбу своего товарища, так как он, освободив отечество, в высшей должности, сражаясь за родину, умер на вершине славы, когда она не успела еще обратиться в ненависть; он же, пережив свою славу, спасен для ненавистного обвинения и, будучи осво-

бодителем отечества, приравнен к Аквиллиям и Вителлиям¹. «Неужели же, — сказал он, — никогда никакая доблесть не будет уважаема настолько, чтобы ее не могло оскорбить подозрение? Мне ли, жесточайшему врагу царей, было бояться, что я сам подвергнусь обвинению в стремлении к царской власти? Мог ли я думать, что меня будут бояться сограждане, хотя бы я поселился в самом кремле и на Капитолии? От столь ничтожного обстоятельства зависит у вас моя репутация? Неужели до того слабо доверие ко мне, что важнее, где я, чем кто я? Не помешает вашей свободе, квириты, дом Публия Валерия; безопасна будет для вас Велия. Я снесу свой дом не только на ровное место, но даже поставлю его под горой, чтобы вы жили выше меня, подозрительного гражданина; пусть на Велии строятся те, кому лучше можно доверить свободу, чем П. Валерию!» Немедленно весь материал был свезен под Велию и дом построен у подножия холма, где теперь находится храм Вики Поты².

8. Затем консул предложил законы, которые не только освобождали его от подозрения в домогательстве царской власти, но повернули дело совсем в другую сторону, сделали его любимцем народа, почему и дано было ему прозвание Публикола. Особенно приятны были законы об апелляции к народу на решение магистратов и об объявлении вне покровительства законов и конфискации имущества того, кто замыслил захватить царскую власть. После того как он провел их один, чтобы одному пользоваться и благодарностью за них, он созвал комиции для избрания товарища. Консулом был выбран Сп. Лукреций, который не имел по преклонности возраста достаточно сил для исполнения консульских обязанностей и умер через несколько дней. На место Лукреция избран был М. Гораций Пульвилл. У некоторых древних писателей я не нахожу имени консула Лукреция; на место Брута они ставят прямо Горация; память о нем утратилась, вероятно, потому, что он не прославил своего консульства никаким деянием.

Храм Юпитера на Капитолии не был еще освящен; консулы Валерий и Гораций бросили жребий, кому сделать это; жребий пал на Горация, а Публикола отправился на войну с вейями. Родственники Валерия огорчились гораздо сильнее, чем следовало, тем, что освящение столь славного храма предоставляется Горацию; после всевозможных попыток помешать этому, напрасно испробовав все другие средства, в тот момент, когда консул держал уже косяк храма и молился богам³, они передают страшную весть, что сын его умер и что он, член пораженного несчастьем дома, не может освящать храм. Не поверил ли он, или был столь силен духом, это не засвидетельствовано с несомненностью, и решение вопроса является трудным, но при этом известии он будто бы лишь настолько отвлекся от дела, что приказал похоронить его, а затем, держась за косяк, окончил молитву и освятил храм.

Вот что свершилось в первый год по изгнанию царей дома и на войне. Затем были избраны консулами П. Валерий во второй раз и Т. Лукреций. (246 г.) (247 г.)⁴

¹ См . гл. 4.

² Богиня могущества и победы (от корней гл. vincere и potiri, potis).

³ Посвящающий магистрат держит косяк двери храма и повторяет слова читаемой жрецом посвятельной молитвы.

⁴ У Ливия недостает наименования консулов того года, когда шла война с Порсенной, так как сам он называет в гл. 16 Валерия консулом в четвертый раз, по нашему же тексту насчитывается всего три его консульства; кроме того, по свидетельству других историков, эта война началась в 3-й год Республики.

9. Уже Тарквинии бежали к Ларту¹ Порсенне, царю Клузия². Здесь, соединяя советы и просьбы, они то просили не допускать оставаться нищими в изгнании их, по происхождению этрусков, одной с ними крови, носящих то же имя, то советовали не оставлять без отмщения зарождающийся обычай изгонять царей. Свобода сама по себе достаточно заманчива; если цари не станут защищать своей чести с той же энергией, с какой государства домогаются свободы, то высшие сравниются с низшими; не будет в государствах ничего высокого, ничего выдающегося; близок конец царской власти, учреждения прекраснейшего, какое только существует у богов и у людей. Порсенна, считая для этрусков весьма почетным как то, чтобы в Риме был царь, так особенно то, чтобы он был этрусского племени, двинулся с войском на Рим. Никогда раньше сенат не был в столь великом страхе: до того сильно было тогда государство Клузийское и велико имя Порсенны. И боялись не только врагов, но и своих граждан, опасаясь, как бы римская чернь со страха не впустила царей и не приняла мира даже под условием рабства. Ввиду этого сенат сделал в то время много угодного народу. Прежде всего позаботились о продовольствии, и для закупки хлеба отправлены были одни в землю вольсков, другие в Кумы³. Равным образом все расходы по добыванию соли были приняты на казенный счет, и частные лица лишены были права продавать ее, так как назначали непомерную цену; освобожден был народ и от уплаты пошлин и налога на военные издержки, так что вносили их богатые, которые в состоянии были платить; бедные достаточно-де вносят, выращивая детей. Благодаря этой снисходительности сенаторов при последовавших тяжелых обстоятельствах во время осады и голода сохранялось такое согласие в государстве, что самые бесправные столько же страшились имени царя, сколько высокопоставленные, и никто впоследствии не достиг преступными средствами такой популярности, какой пользовался в то время весь сенат за хорошее управление.

10. Когда появились враги, то все из деревень переселились в город; вокруг самого города расставили сторожевые отряды. Одни пункты, казалось, были защищены стенами, другие — Тибром; мост на сваях чуть-чуть не пропустил неприятелей, если бы не нашелся один человек — Горацій Коклес: в лице его в тот день судьба города Рима нашла своего защитника. Находясь случайно на сторожевом посту у моста, он увидел, что неприятели, внезапно напад, овладели Яникульским холмом, а оттуда несутся в карьер, тогда как его воины в ужасе бросают оружие и покидают ряды; браня отдельных воинов, задерживая и заклиная их, он призывал в свидетели богов и людей, что они напрасно бегут, покинув пост; если они перейдут и оставят за собой мост, то в один миг неприятелей будет больше на Палатинском и Капитолийском холме, чем на Яникульском. Поэтому он просит и объясняет им, чтобы они разрушили мост мечом, огнем, чем только они могут; он же встретит напор врагов и окажет им возможное для одного сопротивление. Затем он идет к входу на мост и, выделяясь из толпы беглецов, спины которых были видны, обращает оружие на врага для того, чтобы вступить в рукопашную, и заставляет его оцепенеть от одного удивления перед его дерзостью. Впрочем, стыд удержал с ним двух — Сп. Ларция и Т. Герминия, мужей знаменитых происхождением и подвигами. Вместе с ними он короткое время выдерживал первое нападение и са-

¹ Ларт есть титул этрусских царей, вероятно, значит «повелитель».

² Каждый из 12 союзных городов Этрурии имел своего царя, но для общих предприятий был, вероятно, избираем один вождь.

³ Если опасались недостатка в продовольствии, то делались запасы за казенный счет, которые затем продавались гражданам по умеренным ценам.

мую ожесточенную схватку; затем, когда оставалась уже небольшая часть моста и разрушавшие звали их к себе, он заставил и этих отступить в безопасное место. Затем, грозно обводя суровыми взорами знатнейших этрусков, он то вызывает отдельных лиц, то бранит всех: «Рабы гордых царей, не знающие своей свободы, они идут отнимать чужую». Некоторое время они медлили, смотря один на другого, не начнет ли кто бой. Стыдно затем стало войску и, подняв крик, они со всех сторон пускают стрелы в одинокого врага. Так как все они повисли в противопоставленном щите, а он, твердо стоя, с тем же упорством продолжал защищать мост, то неприятели начали уже пытаться столкнуть этого мужа; но вдруг треск разрушенного моста, а вместе крик римлян, дерзновенных окончанием работы, напугал врагов и остановил нападение. Тогда Коклес воскликнул: «Отец Тиберин! К тебе, святому, я молюсь, милостиво прими на свои волны это оружие и этого воина!» С этими словами он прыгнул в полном вооружении в Тибр и под градом сыпавшихся стрел невредимо переплыл к своим, дерзнув на подвиг, которому суждено было встретить среди потомства больше славы, чем веры. Государство было благодарно за такую доблесть: на площади для выборов (comitium) была поставлена его статуя и подарено ему столько земли, сколько он мог обвести плугом в день. Рядом с общественными почестями выражалось и усердие частных лиц: несмотря на крайнюю нужду, каждый по мере достатка приносил что-нибудь, отнимая у себя насущно необходимое.

11. Потерпев первую неудачу, Порсенна вместо штурма города решился на его осаду; расположив на Яникульском холме гарнизон, сам он стал лагерем на ровном месте на берегу Тибра, стянув отовсюду суда и для караулов, чтобы они не допускали подвоза хлеба в Рим, и для того, чтобы они перевозили через реку в разных местах, где представится случай, воинов для грабежа; и в короткое время он сделал Римскую область до того не безопасной, что не только все остальное имущество свезли с полей в город, но даже сгоняли туда весь скот и никто не решался выпускать его за ворота. Впрочем, столько простора предоставлено было этрускам скорее намеренно, чем вследствие страха: консул Валерий, ожидая случая врасплох напасть на большую и беспорядочную толпу и не желая мстить за пустяки, берег силы, чтобы жестоко наказать за более серьезное. И вот с целью выманить грабителей он велит своим на следующий день выгнать большее количество скота за Эсквилийские ворота¹, наиболее удаленные от неприятеля, полагая, что враги узнают об этом, так как, теснимые осадой и голодом неверные рабы перебежали к ним. И действительно, они узнали об этом из показания перебежчика и, рассчитывая захватить всю добычу, переправились через реку в гораздо большем числе. Тогда П. Валерий приказывает Т. Герминию спрятаться с небольшим отрядом у второго камня² по дороге в Габии, а Сп. Ларцию стоять с легко вооруженными юношами у Коллинских ворот³, пока неприятель минует их, а затем выступит оттуда, чтобы отрезать ему отступление к реке. Один из консулов, Т. Лукреций, вышел через Невиевы ворота⁴ с несколькими манипулами, а сам Валерий вывел отборные когорты с Целийского холма⁵. Их первых увидели враги; Герминий, услышав

¹ На восточной стороне города.

² Такие камни, расположенные на каждой миле, поставлены были позже, но Ливий пользуется этим обычным способом обозначать расстояние.

³ На с.-в. углу стен.

⁴ На ю. конце города, к ю.-в. от Авентина.

⁵ Воротами, ведущими на в. — porta Caelimontana.

шум, выбежал из засады и, повернув этрусков на Лукреция, рубил их с тыла; криком отвечали справа и слева — от Коллинских и Невиевых ворот; попав в середину, грабители были перебиты, так как не были равны силами, чтобы сразиться, а к отступлению отрезаны были все пути. На этом кончились столь беспорядочные нападения этрусков.

12. Осада тем не менее продолжалась, равно как и нужда в хлебе, который чрезвычайно поднялся в цене, и Порсенна надеялся взять город при помощи обложения, но в это время знатный юноша Г. Муций вознегодовал, что римский народ в пору рабства, находясь под властью царей, ни в одну войну и ни одним врагом не был осажден, а теперь, освободившись, запрет теми самыми этрусками, войска которых часто разбивал; и вот, решив отомстить за этот позор каким-нибудь великим и смелым предприятием, он сперва хотел на свой страх пробраться в неприятельский лагерь; затем, опасаясь, что, если он пойдет без разрешения консулов и без чьего бы то ни было ведома, то его схватят римские часовые и приведут, как перебежчика, а современное положение города будет подтверждать это подозрение, — он обратился к сенату. «Я хочу, отцы, — сказал он, — перейти Тибр и, если возможно, пробраться в неприятельский лагерь не с целью грабежа и не с тем, чтобы мстить за опустошения; если боги помогут, то я имею в уме более серьезное дело!» Сенаторы одобряют. Спрятав под одежду меч, он отправляется. Прибыв туда, он остановился в самой густой толпе перед трибуналом царя. Случайно там происходила раздача жалованья воинам, причем секретарь, сидевший вместе с царем, почти в такой же одежде, был очень занят, и все воины подходили к нему; боясь спросить, который Порсенна, чтобы не выдать себя сознанием, что он не знает царя, и слепо следуя руководству судьбы, он убил вместо царя секретаря. Пробираясь оттуда через испуганную толпу туда, куда открывал ему путь окровавленный меч, он был схвачен царскими телохранителями, сбжавшимися на крик; став перед трибуналом царя и в такую страшную минуту более внушая другим боязнь, чем боясь сам, он сказал: «Я римский гражданин; зовут меня Г. Муцием; как враг, я хотел убить врага, и так же готов умереть, как готов был совершить убийство. Римляне умеют храбро и действовать, и терпеть. И не один я замыслил это против тебя: за мною следует длинный ряд ищущих той же чести. Итак, если тебе угодно, то приготовься каждый час рисковать своей головой и видеть в преддверии своего дворца меч врага: такую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы, ты один будешь иметь дело с отдельными людьми!» Когда царь, воспламененный гневом и напуганный опасностью, отдавал приказание развести кругом огни, грозя ему, если он не раскроет тотчас же, о каких засадах он говорил ему загадочно, тот ответил: «Вот тебе, чтобы ты понял, как мало ценят тело те, кто предвидит великую славу!» При этих словах он положил правую руку на огонь, разведенный для жертвоприношения. Когда он жег ее, точно ничего не чувствуя, царь, вне себя от удивления, вскочил со своего седалища, приказал оттащить юношу от алтаря и сказал: «Уходи ты, дерзнувший на более вражеское дело против себя, чем против меня! Я сказал бы, земной поклон, если бы твоя доблесть стояла за мое отечество, теперь же я освобождаю тебя от ответственности, которой ты подлежал по праву войны, и отпускаю отсюда целым и невредимым!» Тогда Муций, как бы желая отблагодарить, сказал: «Так как ты тишь доблесть, то получи в дар от меня то, чего ты не мог добиться угрозами: мы, триста лучших римских юношей, поклялись бороться против тебя этим способом; первый жребий пал на меня; остальные будут являться каждый в свое время, кому придется по жребию, пока судьба не даст попасть в тебя!»

13. По уходе Муция, получившего затем за потерю правой руки прозвище Сцевола¹, в Рим явились послы от Порсенны: первая опасность, от которой спасла его только ошибка убийцы, и перспектива подвергаться ей столько раз, сколько остается заговорщиков, произвели на царя такое впечатление, что он сам предложил римлянам мирные условия. Напрасно при этом заводилась речь о возвращении Тарквиниев на царство; впрочем, это делалось скорее потому, что он не мог отказать в просьбе Тарквиниям, чем потому, чтобы он не предвидел отказа со стороны римлян. Но он добился возвращения вейнтам поля, и римляне вынуждены были дать заложников, если захотят, чтобы был сведен гарнизон с Яникульского холма. По заключении мира на этих условиях Порсенна свел войско с Яникульского холма и удалился из римских пределов. Г. Муцию сенаторы за доблесть подарили поле за Тибром, названное потом Муциевыми лугами. Такой почет, оказанный доблести, побудил и женщин к заслугам перед государством: девица Клелия, одна из заложниц, пользуясь тем, что этрусский лагерь находился недалеко от берега Тибра, обманула стражей, предводительствуя отрядом девиц, переплыла через Тибр под вражескими стрелами и вернула их всех в добром здравии в Рим к родственникам. Когда это было возведено царю, он прежде всего под влиянием раздражения послал в Рим послов требовать выдачи Клелии, за остальными-де он не гонится; затем, сменив гнев на удивление, он стал говорить, что это дело превышает подвиги Коклесов и Муциев и заявил, что, если заложница не будет выдана, то он сочтет договор нарушенным, если же будет выдана, то он отпустит ее невредимой. Обе стороны сдержали слово: и римляне вернули залог мира согласно договору, и царь этрусков не только не наказал, но и почтил доблесть и, похвалив девушку, подарил ей часть заложников, предоставив самой выбрать, кого захочет. Говорят, что, когда все они были выведены, то она выбрала несовершеннолетних, что делало честь ее целомудрию, да и сами заложники одобряли, что освобождаются из рук врага люди того возраста, в котором легче всего обидеть. По возобновлении мира римляне воздали невиданной доблести женщины небывалый почет, назначив ей конную статую: в верхней части Священной улицы поставлено было изображение девицы, сидящей на коне.

14. В числе формальностей, соблюдаемых при продаже добычи, существует обычай, сохранившийся из древности до наших дней, совершенно не согласный с столь мирным отступлением этрусского царя от города, — это обычай продавать имущество царя Порсенны. Он непременно или возник во время войн и сохранился затем в мирное время, или же зародился по менее важному поводу, чем показывает название его — продажа имущества врага. Из дошедших до нас объяснений более всех подходит то, по которому Порсенна, уходя с Яникульского холма, ввиду нужды города, возникшей вследствие продолжительной осады, подарил римлянам богатый лагерь, куда свезено было из близких тучных полей Этрурии много хлеба; чтобы народ не разграбил все это, точно вражеское достояние, оно было продано и названо «имуществом Порсенны»; следовательно, это название скорее обозначает благодарность за милость, чем аукционную продажу царского имущества, и не бывшего даже во власти римского народа.

Оставив войну с римлянами, Порсенна, чтобы не показалось, что войско напрасно приведено в эти места, отправил с частью сил сына Аррунта осаждать Арицию. Неожиданность сперва поразила арицийцев; но затем, призвав помощь от латинских народов и из Кум, они прониклись такой надеждой,

¹ Левша.

что отважились решить дело боем. В начале сражения этруски столь стремительно бросились, что первым же натиском рассеяли арицийцев; куманские же когорты, воспользовавшись против силы искусством, несколько уклонились, а когда враги пронесли врассыпную вперед, то они, повернув знамена, напали на них с тылу; попав таким образом в середину, этруски, почти уже одержавшие победу, были перебиты. Незначительная часть их, потеряв вождя, в положении и в одежде умоляющих без оружия бежала в Рим, не имея ближе никакого пристанища. Здесь они ласково были приняты и размещены, как гости. По выздоровлении от ран одни отправились домой, извещая о гостеприимном обращении римлян; многих удержала в Риме привязанность к друзьям и к городу. Им отведено было место для поселения, наименованное после этого Этрусским кварталом¹.

(248 г.) 15. Затем консулами были Сп. Ларций и Т. Герминий. В этот год в последний раз явились от Порсенны послы для переговоров о возвращении на царство Тарквиния. Им дан был ответ, что сенат отправит к царю посольство; и действительно, немедленно снаряжены были наиболее почтенные сенаторы. Вместо ответа его посла предпочли отправить избранных сенаторов не потому, чтобы нельзя было коротко ответить, что не примут царей, но с тем, чтобы навсегда прекратить даже упоминание об этом и чтобы люди, оказавшие столько взаимных услуг, не тревожили друг друга: «Он станет просить того, что идет наперекор свободе римского народа, а римляне, если не захотят легкомысленно губить себя, то должны будут отказывать человеку, которому они ни в чем не хотели бы отказать. У римского народа не царство, а свободное управление. Так решили они — скорее открыть ворота врагам, чем царям; таково желание всех, чтобы конец свободы в городе был концом самого города. Поэтому они просят его, если он желает Риму добра, оставить его свободным». Царь, объятый чувством уважения к ним, ответил: «Так как таково ваше решение и вы упорно стоите на нем, то я не стану больше надоедать вам, напрасно прося об одном и том же, и не стану обманывать Тарквиниев, подавая надежду на помощь, которой я вовсе не могу оказать им; чтобы ничто не нарушало мир мой с вами, пусть он ищет себе другого места изгнания, хочет ли он воевать или жить мирно». К этим словам он присоединил дело, обнаруживавшее еще более его дружеское расположение — вернул остальных заложников и отдал Вейентское поле, отнятое по договору у Яникульского холма. Тарквиний, потеряв всякую надежду на возвращение, отправился в изгнание в Тускул к зятю своему Мамилию Октавию. Таким образом у римлян установился прочный мир с Порсенной.

(249 г.) (250 г.) (251 г.) 16. Консулы М. Валерий и П. Постумий. В этот год была удачно ведена война с сабинянами; консулы праздновали триумф. Затем сабиняне стали напряженно готовиться к войне. Против них, а вместе на случай опасности со стороны Тускула, с которым, хотя и не было открытой войны, но все же можно было опасаться ее, в консулы были выбраны П. Валерий в четвертый раз и Т. Лукреций во второй. Возникший у сабинян спор между сторонниками войны и мира имел последствием переселение значительного числа людей оттуда в Рим: так Аттий Клауз, называвшийся потом в Риме Аттием Клавдием, стоявший за мир, но теснимый подстрекателями к войне, не имея сил справиться с их партией, перешел в сопровождении большой толпы клиентов из Инрегилла в Рим. Им дано было право гражданства и отведено поле за Анином. После того как к ним присоединились новые граждане из той же области,

¹ Между Палатинским и Капитолийским холмами.

образовалась триба, которая получила название Старой Клавдиевой. Агтий, принятый в сенат, спустя некоторое время приобрел уважение, каким пользовались его старейшие члены. Консулы отправились с войском в Сабинскую область и с триумфом вернулись в Рим, после того как сперва опустошениями, а затем в сражении нанесли такой урон врагам, что надолго можно было не бояться возобновления войны с их стороны. Спустя год, в консульство Агриппы Менения и П. Постумия, умер П. Валерий, по мнению всех, первый человек и на войне, и в мире, пользовавшийся огромной славой, но имевший столь скудные средства, что его не на что было похоронить: деньги были отпущены из казны. Матроны оплакали его как Брута. В тот же год отпали к аврункам две латинских колонии, Пометия и Кора. Началась война с аврунками, но вся она была сосредоточена около Пометии после поражения огромного войска, храбро встретившего консулов при вступлении в их пределы. Резня происходила после битвы в таких же размерах, как во время ее: число убитых было значительно больше числа пленников, да и те всюду были избиваемы. Не пощадили и заложников, которых было взято до 300. И в этот год в Риме праздновали триумф.

(252 г.) 17. Следующие консулы, Опитер Вергиний и Сп. Кассий, окружили Пометию сперва армией, а потом винами¹ и другими осадными сооружениями. Аврунки, руководствуясь скорее непримиримой ненавистью, чем какой-нибудь надеждой или удобным случаем, сделали против них вылазку, и так как большее число их вооружилось огнем, чем мечом, то они наполнили все кровопролитием и пожаром. Спалив винаи, ранив и убив много врагов, они чуть не убили одного из консулов (авторы не передают, которого), когда тот от тяжелой раны упал с лошади. После этой неудачи вернулись в Рим. Среди большого числа раненых принесен был и консул, надежда на жизнь которого была сомнительна. По прошествии небольшого промежутка времени, достаточного для излечения ран и пополнения войска, сделано было нападение на Пометию с большим ожесточением и с усиленной армией. Когда винаи были возобновлены и другие осадные сооружения подведены так близко, что воины могли взойти на стены, город был сдан. Впрочем, после сдачи произошла не менее жестокая расправа, чем если бы город был взят силой: старейшины были казнены, другие колонисты проданы, как военнопленные; город разрушен, поле продано. Консулы праздновали триумф не столько вследствие важности оконченной войны, сколько потому, что удовлетворили жажду мести.

(253 г.) 18. В следующем году консулами были Постум Коминий и Т. Ларций. В этом году, когда во время игр в Риме сабинская молодежь шутя захватывала публичных женщин, в толпе поднялась ссора и чуть ли не драка; этот пустячный случай едва не подал повода к мятежу. Кроме страха перед латинской войной, сюда присоединились еще точные известия о союзе 30 народов, поднятых Октавием Мамелием. Так как государство встревожено было ожиданием столь серьезных событий, то в первый раз заговорили об избрании диктатора. Нет точных известий, в котором году случилось это, каким консулам не доверяли за принадлежность их к партии Тарквиния (существует и такое известие), и кто был первым диктатором. Впрочем, у древнейших писателей я нахожу, что первым диктатором был выбран Т. Ларций, а начальником конницы Сп. Кассий. Избираемы были консулары: так предписывалось в законе о выборе диктатора². Тем более я вижу основания верить тому, что руководителем и старшим над кон-

¹ Переносные деревянные навесы, которыми прикрывались от вражеских стрел воины, производившие осадные работы.

² Едва ли это так, по крайней мере, дальнейший рассказ Ливия не подтверждает этого.

сулами¹ поставлен был Ларций, консулар, а не Маний Валерий, сын Марка, внук Волеза, не бывший еще консулом; мало того, если бы хотели избрать диктатора непременно из этого дома, то избрали бы скорее отца — М. Валерия, человека выдающейся доблести и бывшего консула.

Таким образом избран был в Риме первый диктатор. При виде несомых перед ним секир народом овладел страх, так что его распоряжений стали больше слушаться². Нельзя тут было, как при консулах, пользовавшихся одинаковой властью, рассчитывать на поддержку другого, не было апелляции, вообще ничто не могло помочь, кроме беспрекословного послушания. Избрание диктатора в Риме напугало сабинян тем более, что они знали, что это сделано из-за них. Поэтому они посылают послов просить мира. На их просьбы, обращенные к диктатору и сенату, простить проступок молодых людей отвечали, что юношей простить можно, а старших нельзя, потому что они за одной войной затевают другую. Тем не менее переговоры о мире начались, и сабиняне получили бы его, если бы согласились, как того требовали римляне, уплатить издержки, произведенные на эту войну. Она была объявлена, но год прошел спокойно, так как обе стороны молча соблюдали перемирие.

(254 г.) (255 г.) 19. Консулы Сервий Сульпиций и Маний Туллий; не случилось ничего достойного упоминания. Затем консулами были Т. Эбуций и Г. Ветузий. В их консульство последовала осада Фиден и взятие Крустумернии; Пренесте от латинян отпало к римлянам. Не отлагали долее и латинской войны, грозившей уже несколько лет. Диктатор А. Постумий и начальник конницы Т. Эбуций отправились с большими пешими и конными силами, повстречались с неприятельским войском у Регилльского озера в Тускуланской области и ввиду слухов о присутствии в латинском войске Тарквиниев не могли удержаться от немедленной битвы. Поэтому сражение это было гораздо серьезнее и ожесточеннее остальных; вожди не ограничились высшим руководством в сражении, а дрались сами лично, и почти никто из начальников ни с той, ни с другой стороны не вышел без раны, кроме римского диктатора. Когда Постумий ободрял и расставлял своих, на него бросился Тарквиний Гордый, несмотря на преклонный возраст и слабые силы, но, пораженный в бок, унесен был своими в безопасное место. И на другом фланге начальник конницы Т. Эбуций напал на Октавия Мамилия, но не застал врасплох тускуланского вождя; напротив, и он пустил на него коня. И с такой силой устремились они друг на друга с копьями, что у Эбуция была пробита рука, а у Мамилия поражена грудь; и его латиняне взяли во второй ряд, Эбуций же, не будучи в состоянии держать копье в раненой руке, оставил поле сражения. А латинский вождь, не смущаясь раны, поощрял своих к битве; видя, однако, что его воины напуганы, он подзывает когорту римских изгнанников, состоявшую под командой сына Л. Тарквиния. Так как они сражались с большим ожесточением вследствие потери имущества и родины, то на некоторое время битва была возобновлена.

20. Когда римляне начали уже отступать на этой стороне, М. Валерий, брат Публиколы, увидел неустрашимого молодого Тарквиния в первом ряду изгнанников; воспламененный славой своих предков и желая, чтобы честь убийства царей принадлежала тому же роду, которому и изгнание их, он прищпорил коня и с копьем в руке устремился на Тарквиния. Тарквиний отступил

¹ Итак, консулы не слагают своих полномочий, а исполняют свои обязанности, преимущественно судебские, в Риме, диктатор же отправляется для ведения войны.

² Консулы имели лишь *faces* (см. гл. 1), диктаторы же и секиры, что служило символом, что они, как цари, имеют право казнить (*ius vitae necisque*).

перед свирепым врагом в ряды своих; Валерия же, неосторожно врезавшегося в ряды изгнанников, поразил кто-то, напав сбоку; рана всадника не остановила коня, и римлянин замертво покотился на землю, а оружие упало на его тело. Диктатор Постумий, увидев гибель столь важного лица, ожесточенное нападение изгнанников, несшихся в карьер, панику и отступление воинов, дает знак своей когорте, состоявшей из отборных воинов и находившейся при нем для охраны, считать за врага того из своих, кого увидят бегущим. Видя опасность с обеих сторон, бежавшие римляне повернули на врага, и битва завязалась вновь. Только тут когорта диктатора вступила в сражение. Бодрые и смелые, напали они на усталых изгнанников и стали бить их. Тут опять произошло сражение между вождями. Латинский главнокомандующий, видя, что когорта изгнанников почти окружена римским диктатором, быстро выводит в первую шеренгу несколько вспомогательных когорт. Легат Т. Герминий, увидев, что они стройно приближаются, и узнав среди них по одежде и вооружению Мамелия, с гораздо большей силой, чем немного раньше начальник конницы, вступил в бой с неприятельским вождем, так что, поразив в бок Мамелия, убил его одним ударом, но и сам, снимая доспехи с врага, был поражен дротиком и, принесенный победителем в лагерь, скончался, пока принимались первые меры для лечения раны. Тогда диктатор подъезжает к всадникам, заклиная их, ввиду утомления пехоты, сойти с коней и вступить в бой. Те послушались: соскакивают с коней, выбегают в первую шеренгу и прикрывают щитами сражающихся перед знаменами. Пехота быстро собирается с духом, увидев, что знатнейшие юноши сражаются вместе с ними и подвергаются одинаковой опасности. Тут только латиняне дрогнули, и строй их подался. Всадникам подвели коней, чтобы можно было гнаться за врагом, последовал и пеший строй за ними. Тут диктатор, прибегая и к божеской, и к человеческой помощи, обещал, говорят, храм Кастору и объявил награду тому воину, который войдет первым или вторым в неприятельский лагерь; и воодушевление было так велико, что римляне одним натиском прогнали врага и взяли лагерь. Так произошло сражение при Регилльском озере. Диктатор и начальник конницы с триумфом возвратились в Рим.

(256 г.) (257 г.) (258 г.) 21. В течение следующих трех лет не было ни прочного мира, ни войны. Консулами были Кв. Клелий и Т. Ларций, а затем А. Семпроний и М. Минуций. В их консульство освящен был храм Сатурна¹ и установлен праздник, именуемый Сатурналиями². Затем консулами были А. Постумий и Т. Вергиний. У некоторых писателей я нахожу известие, что только в этом году произошла битва при Регилльском озере: А. Постумий ввиду ненадежности товарища отказаться от консульства, и потому был выбран диктатор. Хронологические неточности сбивают исследователя, так как одни так, другие иначе распределяют магистратов, и при столь отдаленной древности не только событий, но и авторов нельзя разобрать ни того, какие консулы за какими следовали, ни того, что когда случилось.

(259 г.) Затем консулами стажи Ап. Клавдий и П. Сервилий. Этот год ознаменован был известием о смерти Тарквиния. Он умер в Кумах, куда ушел к тирану Аристодему³ после поражения латинян. Эта весть ободрила и патрициев,

¹ У подножия Капитолия, который прежде был посвящен Сатурну.

² Первоначально 1 день — 19 декабря; по другим авторам, празднество это было древнеиталийское и учреждено гораздо ранее.

³ Аристодем был муж храбрый; заручившись расположением народа, он избил аристократию и стал тираном в Кумах.

и плебеев, но у патрициев радость была чрезмерной: сильные люди начали обижать плебеев, за которыми до того времени они особенно ухаживали. В том же году колония Сигния, выведенная царем Тарквинием, была выведена снова, так как пополнило было число колонистов¹. В Риме образована 21 триба²; в майские иды освящен храм Меркурия³.

22. Во время латинской войны с вольсками не было ни мира, ни войны, ибо вольски приготовили вспомогательные отряды для латинян и послали бы их, если бы не были предупреждены римлянами, а эти последние торопились, чтобы не пришлось сражаться одновременно с латинянами и вольсками. Раздраженные действиями вольсков, консулы двинули легионы в их область. Эти не боялись наказания за одно намерение, а потому были поражены неожиданно: забыв об оружии, они дают 300 заложников — детей первых людей в Коре и Пометии. Таким образом легионы были уведены оттуда, не сражавшись. Но спустя некоторое время вольски, оправившись от страха, вернулись к прежнему плану: опять исподтишка они готовятся к войне, заручившись союзом с герниками. Кроме того, они рассылают всюду послов волновать Лаций, но латиняне вследствие недавнего поражения, понесенного при Регильском озере, зlobствуя и негодуя на всякого, кто бы ни посоветовал войну, не воздержались даже от оскорбления послов: схватив вольсков, они привели их в Рим. Передав их консулам, они заявили, что вольски и герники готовят войну против римлян. Этот доклад сенату был столь приятен отцам, что они вернули латинянам 6000 пленников и передали новым магистратам дело о заключении с ними договора, в котором чуть ли не навсегда было отказано⁴. Это конечно обрадовало латинян, и сторонники мира были в большой чести. В дар Юпитеру они посылают в capitoлийский храм золотой венец. Вместе с посольством, принесшим дар, явилась целая толпа отпущенных пленников; они отправляются в дома тех, у кого были в рабстве, благодарят за кроткое обращение с ними в пору их несчастья, затем заключают гостеприимный союз⁵. Никогда раньше того латинская община и граждане ее не были в более тесном единении с Римским государством.

23. Но с одной стороны грозила война с вольсками, с другой — внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между патрициями и плебейми, преимущественно из-за связанных долговыми обязательствами. Последние громко роптали, что, сражаясь в чужих краях за свободу и власть, они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев более обезопасена на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан; и это раздражение, которое само по себе было готово прорваться каждую минуту, разожгло крайне несчастное положение одного человека. Ка-

¹ Предполагают, что посланные в первый раз (I, 66) колонисты были выгнаны туземцами, теперь число их было увеличено, и они снова были посланы Сигнию. Колония Сигния находилась на с. краю Вольских гор.

² 4 городских трибы были установлены при Сервии Туллии (I, 43); теперь все римские владения вне города разделены были на 16 триб, во избежание же равенства при подаче голосов по трибам прибавлена была еще 1 триба, быть может, Claudia (см. гл. 19).

³ Около цирка.

⁴ В гл. 20 ничего об этом не сказано; очевидно, в этом месте Ливий следует другому источнику (Валерию Антиату).

⁵ В Риме чужестранцы были вне покровительства законов, но существовали так называемые *hospitia*, при заключении коих обменивались *tesserae hospitales*, которые передавались из рода в род и таким образом могли всегда удостоверять существование такого договора. *Hospes* (гость) получал не только дружеский прием в доме, но даже, в случае надобности, поддержку в суде и вообще во всех политических и частных делах.

кой-то старик, на котором видны были его страдания, бросился на Форум; одежда была запачкана грязью, еще более жалкий вид имело тело его, по бледности и худобе похожее на скелет; отросшая борода и волосы делали выражение лица его диким. Но при всем таком безобразии его можно было узнать; говорили, что он был ротным командиром, упоминали с состраданием и о других его военных отличиях; сам он показывал раны на груди, свидетельствовавшие о нескольких доблестных сражениях. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на народное собрание, спрашивала, откуда эта одежда и этот безобразный вид, он ответил, что задолжал, служа в сабинскую войну, так как вследствие опустошения поля потерял урожай, мало того, пожар истребил его дом, все имущество было расхищено, скот угнан и в это тяжелое время потребован был взнос на военные потребности. Увеличившийся от процентов долг сперва лишил его отцовской и дедовской земли, затем и остального имущества, а наконец, точно тля, добрался и до тела: кредитор не только взял его в рабы, но отвел на работы в подземелье и предал на мучения. При этом он показал спину, обезображенную следами от недавно полученных ударов. Видя это и слыша его рассказ, народ поднимает страшный крик. И шум уже не ограничивается Форумом, а распространяется по всему городу. Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и взывают к квиритам о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками, везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на Форум. Случайно находившиеся на Форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали в эту толпу; и она дала бы волю рукам, если бы консулы П. Сервилий и Ап. Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа. Тогда толпа обратилась на них и начала указывать на оковы и обезображенный вид свой; ссылаясь на службу в разных местах, они говорили, что вот-де до чего дослужились. Гораздо более угрожая, чем прося, они требуют созыва сената и окружают курию, собираясь сами решать и руководить общественным советом. Лишь очень немногие сенаторы, случайно подвернувшиеся, были собраны консулами, прочие боялись показаться не только в курию, но и на Форуме, и по малочисленности сената не могло быть никакого совещания. Тогда народ решил, что над ним насмеются и затягивают дело; не явившиеся сенаторы отсутствуют-де не случайно и не из страха, а чтобы затормозить дело; сами консулы отстраняются и несомненно издеваются над их бедственным положением. И дело было уже близко к тому, что даже высокое звание консулов не сдержит раздражения толпы, как наконец сенаторы собираются, не зная, что рискованнее, — медлить или идти; когда же наконец собрание курии было многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли прийти к соглашению между собой: Аппий, муж крутого нрава, полагал, что следует воспользоваться консульской властью: схватить одного-другого, и все успокоится; Сервилий, более склонный к кротким мерам, считал и более безопасным, и более легким успокоить, а не сокрушить возбужденный народ.

24. Тем временем появилась другая, большая гроза: прискакали латинские всадники со страшной вестью, что вольски двигаются с армией осаждать город. Это известие произвело совершенно противоположное впечатление на патрициев и на плебеев: так резко разделило несогласие одно государство на две партии! Плебеи радовались, говоря, что боги являются карателями гордости патрициев, подстрекали друга друга не записываться в войско: лучше вместе погибать, чем поодиночке; пусть патриции служат, пусть берутся за оружие, чтобы одни и те же подвергались опасности войны и пользовались выгодами от нее! Между тем сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью — со стороны граждан и со стороны врагов, стали просить консула Сервилия, кото-

рый лучше умел ладить с народом, спасти государство, обуреваемое столь великими опасностями. Тогда консул, распустив сенат, является в народное собрание. Здесь он сообщает, что сенат озабочен улучшением положения народа; но обсуждению вопроса хоть и о большей, но все же о части государства помешал страх за все государство. Да и невозможно, так как неприятель почти у ворот города, предпринять что-нибудь прежде войны; вместе с тем, если бы и последовало с этой стороны какое-нибудь облегчение, то и для плебеев не было бы почетно, что они взяли оружие за отечество лишь по получении награды, да и для патрициев неприлично, что они позаботились о бедственном положении своих сограждан под давлением страха, а не после, по доброй воле. Доверие к своей речи он вызвал эдиктом, которым запрещал кому бы то ни было держать римского гражданина в оковах или в заключении, лишая его тем возможности записаться у консулов в войско, и владеть или продавать имущество воина, или доучать его детям или внукам, пока он находится в лагере. По издании этого распоряжения и бывшие на лицо записывались в войско, и отовсюду со всего города бежали на Форум для принесения присяги узники, вырвавшиеся из домов, так как право держать их было отнято у кредиторов. Таким образом составилась большой отряд, и доблесть, и усердие его в войне с вольсками выделялось более всех других. Консул выводит войска против неприятеля и разбивает лагерь на небольшом расстоянии от него.

25. В ближайшую затем ночь вольски, надеясь на раздоры римлян, пытались напасть на лагерь, рассчитывая, не перебежит ли кто, пользуясь ночным временем, или не последует ли какой-нибудь измены; караульные услышали и подняли войско; по данному знаку все сбежались к оружию: таким образом это предприятие не удалось вольскам. Остальную часть ночи оба войска спали. На рассвете следующего дня вольски, наполнив рвы, нападают на вал. И уже со всех сторон они разрушали укрепления, а консул медлил некоторое время, чтобы увериться в настроении воинов, несмотря на крики всех, а особенно должников, требовавших сигнала к сражению; убедившись же в большом воодушевлении, он дал наконец сигнал к вылазке и выпустил воинов, жаждавших сразиться. При первом же натиске враги были прогнаны; когда они бежали, их поражали с тылу, пока пехота могла преследовать; кавалерия же гнала оробевших до самого лагеря. Затем сам лагерь, окруженный легионами, был взят и разграблен, после того как страх выгнал вольсков и оттуда. На следующий день легионы были отведены к Свессе Пометийской, куда бежали враги, а через несколько дней город был взят и предан разграблению. Это несколько подкрепило терпевших нужду воинов. Консул с величайшей славой привел победоносное войско назад в Рим. При входе в город к нему являются послы этатранских вольсков¹, которые по взятии Пометии испугались за свое существование. По постановлению сената² им был дарован мир, но земля отнята.

26. Вслед затем и сабиняне напугали римлян, но это скорее был переполох, чем война. Ночью в город принесено было известие, что сабинское войско, производя грабеж, достигло реки Аниена: здесь повсюду разграбляются и сжигаются жилища. Туда немедленно со всеми конными силами послан был А. Постумий, бывший диктатором в латинскую войну; с отборным отрядом пехоты последовал консул Сервилий. Всадники окружили большую часть бро-

¹ Как латинское, так и вольское племя состояло из нескольких общин, называвшихся по их главному городу. Эцетра, по предположению, находилась на с. выступах Вольских гор.

² Сенат, не спрашивая народное собрание, объявляет войну и заключает мир, как это делала царь.

дивших врассыпную грабителей, а когда подошла пехота, то сабинское войско не оказало ей сопротивления: утомленная переходами и ночным грабежом, большая часть лежала обвешившись и опившись по усадьбам и едва имела достаточно сил, чтобы бежать.

В одну ночь услышали о сабинской войне и окончили ее, а на следующий день, когда надеялись, что везде царствует глубокий мир, явились в сенат послы аврунков с объявлением войны, если римляне откажутся отступить с полей вольсков. Одновременно с послами выступило из дома войско аврунков; известие о том, что его видели недалеко от Ариции, произвело такое смятение в Риме, что сенату нельзя было хорошоенько обсудить дела и во всяком случае нельзя было дать мирного ответа, когда враги шли войной и когда сами римляне готовили оружие. Двинулись с войском в Арицию; неподалеку от нее последовало столкновение с войсками аврунков, и дело было решено одной битвой.

27. Разбив аврунков, римляне, победоносно окончившие в немного дней столько войн, ожидали исполнения обещаний консула, подтвержденных сенатом, как вдруг Аппий и по врожденной гордости, и с целью подорвать доверие к товарищу, начал с особенной строгостью решать дела о долгах. И вот стали передавать во власть кредиторов тех, которые раньше были объявлены должниками, и объявлять таковыми других. Если это касалось воина, то апеллировали к товарищу; бегут к Сервилию, ссылаются на его обещания; с упреком указывают ему каждый на свои военные заслуги и на полученные раны. Требуют, чтобы он или доложил сенату, или сам помог гражданам, как консул, воинам, как главнокомандующий. Консул принимал это к сердцу, но обстоятельства заставляли его повернуть в другую сторону: до такой степени не только его товарищ, но и вся аристократическая партия упорно стояла за противную сторону. И вот, стараясь соблюсти середину, он не избежал ненависти плебеев и не заслужил расположения патрициев: эти считали его за слабого и честолюбивого человека, плебеи же за лживого; а вскоре стало ясно, что его ненавидят так же, как Аппия. Между консулами возник спор, которому посвящать храм Меркурия; сенат, отклонив решение этого дела от себя, передал его народу: кому из них воля народа предоставит посвящение храма, тот должен будет заведовать продовольствием¹, установить товарищество купцов², совершить церемонию освящения в присутствии понтифика³. Народ предоставил освящение М. Леторию, офицеру первого звзда⁴, и было очевидно, что это сделано не столько для возвеличения его, — предоставленное ему исполнение государственного дела было слишком высоко сравнительно с его положением, — сколько для унижения консулов. Это

¹ Забота о продовольствии (вместе с тем надзор за ценой и качеством продаваемого хлеба) в это время составляла обязанность консулов, или же была поручаема им сенатом, позже она была передана эдилам и лишь в исключительных случаях назначалось для того особое лицо.

² Коллегия купцов, как состоявших под покровительством Меркурия, должна была заведовать культом этого бога. Члены этой коллегии именовались *viri Mercuriales*, т.е. мужи Меркурия; праздник основания их коллегии был позже приурочен к 15 мая. Обе упомянутые обязанности поручаются консулу, посвящающему храм Меркурию, потому что он бог торговли, на каковое значение его с древнейших времен указывает его имя (*merces, mercari*).

³ Верховный понтифик произносил молитву посвящения, а консул повторял ее за ним (ср. гл. 2).

⁴ Старший офицер в легионе. Избрание плебея для исполнения столь важного поручения является делом вовсе не обычным для того времени; допуская его, народ преступил предложение сената, поставившего вопрос, которому из двух консулов посвящать храм.

ожесточило конечно одного из консулов и сенаторов, но плебеи ободрились и начали действовать совершенно иным путем, чем было решили: отчаявшись в защите со стороны консулов и сената, они собирались отовсюду всякий раз, как видели, что в суд ведут должника. И за шумом и криком нельзя было слышать решения консула, и никто не повиновался состоявшемуся приговору. Действовали насильем, и весь страх и опасность потерять свободу с должников стал обращаться на кредиторов, так как толпа на глазах консула оскорбляла отдельных лиц. Сверх этого распространился страх перед сабинской войной; когда объявлен был набор, никто не являлся; Аппий негодовал и напал на честолюбие товарища, который предает отечество своим популярным молчанием и к отказу разбирать дела о долгах присоединяет теперь отказ производить набор, несмотря на постановление сената, но государство не совсем покинуто и консульская власть не низвергнута, он один защитит значение свое и сената. И действительно, когда вокруг него стояла обычная толпа, разбалованная своеволием, он приказал схватить одного выдающегося вождя мятежа; когда ликторы уже тащили его, он протестовал, и консул, ввиду несомненности решения народа, не уступил бы протесту, если бы его упорство не было, хоть и с трудом, сломлено скорее авторитетным советом знатных людей, чем криком народа; столько было у него мужества, чтобы выдерживать ненависть! Зло увеличивалось со дня на день не столько потому, что раздавались громкие крики, сколько что было гораздо хуже, потому что оно принимало вид крамолы и тайных совещаний. Наконец ненавистные народу магистраты оставили власть; Сервилий не угодил ни тем, ни другим, а Аппий приобрел решительное расположение патрициев.

(260 г.) 28. Затем вступают в консульство А. Вергиний и Т. Ветузий. Плебеи, не зная, каковы будут для них новые консулы, собираются по ночам частью на Эсквилийском холме, частью на Авентинском, чтобы не становиться на Форуме в затруднительное положение, принимая решения без предварительного соглашения, и не действовать во всем безрассудно и случайно. Считая это опасным, как оно и было на самом деле, консулы докладывают сенату, но обсудить дело хорошенько не удалось: с таким шумом принято было это известие, так громко выражали негодование сенаторы на то, что консулы слагают ответственность на сенат в тех случаях, где они должны принимать решения сами в силу своей власти. Разумеется, если бы были в государстве настоящие должностные лица, то в Риме было бы только одно общественное собрание; теперь государство разделено на тысячу куриий и собраний, так как одни совещания происходят на Эсквилиях, другие — на Авентине. Один истинный муж, — это ведь больше значит, чем быть консулом, — каков был Аппий Клавдий, в минуту рассеял бы эти собрания. Выслушав порицание, консулы спросили, что же им делать; они заявили, что готовы действовать так энергично и сурово, как это будет угодно сенаторам; решено было строжайшим образом произвести набор: народ-де балуется от безделья. Распустив сенат, консулы выступают на трибунал; вызывают поименно младших. Когда никто не отзывался на вызов, стоявшая кругом толпа, точно народное собрание, заявляет, что больше нельзя уже обманывать плебеев; если государство не будет сдерживать обещаний, то не найдется ни единого воина; прежде следует всем вернуть свободу, чем раздавать оружие, чтобы на бой шли за отечество и сограждан, а не за господ. Консулы видели, чего хочет сенат, но не видели, чтобы кто-нибудь из тех, которые за стенами курии держали такие страшные речи, делил с ними народную вражду. Ясно было, что борьба с народом будет жестокая. Итак, прежде чем решиться на крайнее средство, они постановили еще

раз посоветоваться с сенатом. Тут к стульям консулов поспешно подбежали младшие сенаторы, требуя, чтобы они отказались от консульства и сложили власть, поддержать которую у них недостает мужества.

29. Достаточно испробовав то и другое¹, консулы наконец заявили: «Чтобы вы не отказывались после неведение, сенаторы, [мы объявляем вам, что] предстоит огромное восстание; мы требуем, чтобы те, кто особенно нападает на трусость, присутствовали, когда мы станем производить набор; если вам так угодно, то мы будем действовать согласно мнению тех, кто стоит за самые решительные меры». Возвращаются на трибунал, приказывают нарочито звать по имени одного из стоявших на виду. Так как он стоял молча, а около него несколько человек образовали круг, чтобы его не обидел кто-нибудь, консулы посылают к нему ликтора. Когда он был прогнан, стоявшие около консулов сенаторы, крича, что это наконец возмутительно, сбегают с трибунала, чтобы помочь ликтору. Но когда от ликтора, которому только не позволили взять вызванного, народ бросился на сенаторов, то драка была остановлена вмешательством консулов; дело, впрочем, обошлось без камней, без оружия и ограничилось больше криком и раздражением, чем оскорблениями. Бурно созван был сенат, еще более бурно происходило совещание, причем прогнанные требовали следствия и наиболее рассвирепевшие соглашались с этим, не подавая мнение, а крича и шумя. Когда наконец раздражение успокоилось и консулы сказали, что в курии не больше здравомыслия, чем на Форуме, совещание началось в порядке. Было три мнения. П. Вергиний полагал, что не следует обобщать дела, следует иметь суждение только о тех, которые, поверив П. Сервилию, пошли на войну с вольсками, аврунками, сабинянами. Т. Ларций высказывался, что не то теперь время, чтобы только за заслуги награждать; весь народ обременен долгами, и только общие мероприятия могут помочь ему; напротив, если положение одних будет одно, а других другое, то несогласие усилится, а не прекратится. Аппий Клавдий, и по природе не склонный к кратким мерам, и ожесточенный частью ненавистью к нему народа, частью похвалами сенаторов, заявил, что столь сильные беспорядки произошли не от бедствий, а от своеволия, и что народ больше балуется, чем неистовствует. И это именно зло есть следствие права протеста: ведь консулы только грозят, а не управляют, когда можно апеллировать к тем, которые одинаково виноваты. «А нука, — сказал он, — выберем диктатора, на которого нет апелляции! И эта ярость, которая теперь все повергает в пламя, стихнет. Пусть тогда кто-нибудь толкнет мне ликтора, когда он будет знать, что право распорядиться его спиной и жизнью находится в руках того, чье величие он оскорбил!»

30. Многим мнение Аппия казалось жестоким и суровым, каково оно и было на деле; с другой стороны, мнения Вергиния и Ларция устанавливали дурной пример, особенно же Ларция, так как оно уничтожало кредит; средним и умеренным в обоих отношениях представлялся совет Вергиния, но вследствие партийных расчетов и соблюдения личных интересов, которое всегда мешало и будет мешать общественным решениям, победа осталась за Аппием, и дело было близко к избранию его диктатором. Это непременно ожесточило бы плебеев, а между тем положение было весьма опасно, так как вольски с эквами и сабиняне случайно все вместе были под оружием. Но консулы и старейшие сенаторы озаботились, чтобы чрезвычайная власть была предоставлена кратко человеку. Диктатором был избран М. Валерий, сын Волеза. Хотя плебеи и понимали, что диктатор избран против них, но, имея права апелляции по зако-

¹ Т.е. произвести набор и понудить сенат указать другие меры для успокоения народа.

ну, проведенному его братом, не боялись ничего дурного для себя и никакого высокомерия со стороны этого рода. Затем изданный диктатором эдикт, похожий на эдикт консула Сервилия, укрепил это настроение; полагая, что и на личность его, и на власть можно больше надеяться, они, оставив борьбу, записались в войско. Составилась армия, как никогда до того времени, — десять легионов; по три было дано консулам, а четыре взял диктатор.

И войну уже нельзя было откладывать. Эквы напали на Латинскую область. Латинские послы просили сенат или послать им помощь, или дозволить им самим взяться за оружие для защиты своих пределов. Признано было более безопасным защитить безоружных латинян, чем позволить им снова взяться за оружие. Послан был консул Ветузий, и на этом опустошение кончилось. Эквы отступили с равнины и, полагаясь более на местоположение, чем на оружие, стали защищаться на вершинах гор. Другой консул пошел на вольсков; чтобы тоже не терять времени, он, преимущественно опустошением их полей, заставил неприятеля придвинуть ближе лагерь и сразиться. На равнине, лежащей между двумя лагерями, обе армии выстроились, каждая перед своим валом. Вольски значительно превосходили численностью, поэтому они начали битву, разбившись на части и небрежно. Римский консул, не выдвигая вперед строя и не позволяя отвечать на крик врагов, приказал своим стоять, вонзив копья в землю, а когда враг подошел очень близко, тогда они начали со всей силой битву мечами. Утомленные бегом и криком, вольски бросились на римлян, которые, по-видимому, оцепенели от страха, а затем, почуствував нападение лицом к лицу и увидав сверкающие перед их глазами мечи, в смущении, совершенно как будто попав в засаду, обращают тыл, но и для бегства у них не было сил, так как они бегом шли на бой. Напротив римляне, стоявшие в начале битвы спокойно, были крепки, легко нагнали утомленных и взяли лагерь приступом; лишь в же врага лагеря, они преследовали его в Велитры и ворвались в город — победители вместе с побежденными. И здесь при избитии всех без различия пролито было больше крови, чем в самом сражении. Пощада была оказана немногим, кто сдался без оружия.

31. Пока это происходило в земле вольсков, диктатор разбивает, обращает в бегство и лишает лагеря сабинян, война с которыми была гораздо серьезнее. Послав конницу, он привел в смятение неприятельский центр, который был недостаточен крепко по малочисленности рядов вглубь вследствие растянутости флангов; на смущенных напала пехота. Одним натиском был взят лагерь и окончена вся война. После битвы при Регилльском озере не было другой более славной за те годы. Диктатор с триумфом въезжает в город. Сверх обычных почестей ему и потомкам его было даровано место в цирке, и на этом месте поставлено курульное кресло. После победы над вольсками у них было отнято поле, лежащее около Велитр, а в Велитры отправлены поселенцы из Рима и выведена колония. Некоторое время спустя дана была битва эквам, хотя и против воли консула, так как приходилось подступать к врагу на невыгодной позиции. Но обвинения со стороны воинов, что он затягивает дело, чтобы диктатор сложил должность, прежде чем они вернутся в город, и таким образом обещания его остались столь же тщетны, как и обещания консула, — заставили его рискнуть двинуть войско на противоположащие горы. Это неосторожное предприятие удалось вследствие трусости врага, который, прежде чем римляне подошли на такое расстояние, что могли пустить пращные камни, изумленный их смелостью, покинул лагерь, хотя он был расположен в прекрасно укрепленном месте, и бросился в лежащую сзади равнину; здесь было приобретено много добычи, и победа стоила мало крови.

После военной удачи в трех местах ни патриции, ни плебеи не перестали заботиться об исходе домашних недоразумений: ибо частью влиянием, частью происками ростовщики приняли такие меры, которые не только обманули надежды плебеев, но сделали тщетными и старания диктатора. Валерий по возвращении консула Ветузия повел в сенате прежде всего речь о защите интересов победителя народа и сделал доклад, какие меры представляются ему необходимыми относительно должников. Когда предложения его были отвергнуты, то он сказал: «Не нравятся вам мои советы помириться; клянусь, скоро вы будете желать, чтобы защитники римских плебеев похожи были на меня. Я же не стану обманывать своих сограждан и не буду напрасно оставаться диктатором. Внутренние раздоры и внешняя война вызвали необходимость для государства в этой должности; вне мир достигнут, а дома этого не допускают: я буду присутствовать при мятеже лучше как частный человек, чем как диктатор». Выйдя после этих слов из курии, он сложил диктатуру. Для плебеев было очевидно, что он отказался от должности, возмущаясь за них, поэтому, когда он уходил домой, его провожали, выражая ему свое расположение и восхваляя его, как будто он сдержал свое обещание, так как с его стороны не было препятствий к его исполнению.

32. Затем патрициями овладел страх, как бы, в случае роспуска войска, не начались опять тайные сходы и совещания, И вот, полагая, что, так как воины давали присягу консулам, то она для них обязательна и теперь, хотя набор провозведен был диктатором, они приказали вести войска из города под предлогом возобновления эквами военных действий. Это распоряжение ускорило мятеж. И сперва, говорят, шла речь об убиении консулов, чтобы освободиться от присяги, но узнав, что никакое религиозное обязательство не уничтожается преступлением, они по совету некоего Сициния без позволения консулов ушли на Священную гору (она находится за Аниеном в 3000 шагов от города; это предание более распространено, чем сообщаемое Пизоном, что удаление последовало на Авентинский холм), здесь без всякого вождя укрепив лагерь валом и рвом, забирая [с полей] лишь необходимое для пропитания, они держались несколько дней спокойно, никем не задеваемые и не задевая никого. В городе распространилась сильная паника, и обоюдный страх держал всех в напряженном состоянии: покинутые своими, плебеи опасались ярости патрициев, патриции боялись оставшихся в городе плебеев, не зная, чего лучше желать, чтобы они оставались или уходили? Долго ли ушедшая толпа будет спокойна? Далее, что будет, если тем временем разразится какая-нибудь внешняя война? Тут конечно остается надежда лишь на согласие граждан! Правдой или неправдой, но его надо восстановить в государстве! Ввиду этого решено было отправить к плебеям посредником Менения Агриппу, человека, обладавшего даром слова и приятного плебеям, из среды которых он сам происходил. Допущенный в лагерь, говоря по-старинному, безыскусно, он сказал, по преданию, лишь следующее: «В то время, когда в организме человека не было такой гармонии, как теперь, а каждый член имел свою волю, свои речи, все части тела вознегодовали, что их хлопоты, их труды и услуги достают все для желудка, а он, сидя спокойно в середине, наслаждается доставляемыми ему благами, поэтому состоялось соглашение, чтобы руки не подносили пищу ко рту, по причине желудка голодом, сами отдельные члены и все тело исхудали до крайности. Из этого выяснилось, что и служба желудка не лишена значения, что он столько же питается, сколько питает, так как возвращает во все части тела, распределяя равномерно по жилам, изготовленную из съеденной пищи кровь,

благодаря которой мы живы и сильны». Сравнивая, как похоже возмущение членов человеческого тела на раздражение плебеев против патрициев, он изменил настроение умов.

33. Затем начались переговоры о примирении и дано было согласие на выставленное плебеем условие, чтобы у них были свои неприкосновенные¹ магистраты, которые имели бы право подавать помощь против консулов, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. Таким образом были избраны два народных трибуна — Г. Лициний и Л. Альбин. Они избрали себе трех товарищей, в числе их был и Сициний, виновник удаления; кто были два остальные, о том существует разногласие. Некоторые утверждают, что на Священной горе было выбрано только два трибуна и там проведен закон об их неприкосновенности.

(261 г.) Во время удаления плебеев вступили в консульство Сп. Кассий и Постум Коминий. При них заключен союз с латинскими народами. Для заключения его один из консулов остался в Риме, другой, посланный для ведения войны с вольсками, разбил и обратил в бегство антиатских вольсков² и, преследуя их до города Лонгулы, овладел его стенами. Вслед затем он взял Полуску, также вольский город, а после того сделал ожесточенное нападение на Кориолы. В то время находился в лагере в числе знатнейших юношей Гн. Марний, молодой человек и умный, и храбрый, прозванный впоследствии Кориоланом. Он случайно стоял на сторожевом посту, когда римское войско, осаждавшее Кориолы, сосредоточив свое внимание на запертых в городе гражданах, нисколько не опасалось войны с другой стороны, а между тем подверглось нападению вольских легионов, пришедших от Антия; в то же время осажденные сделали вылазку из города. С отборным отрядом воинов он не только отразил нападение сделавших вылазку, но через открытые ворота мужественно ворвался в город, произвел резню в его ближайшей части и, схватив поспешно огонь³, зажег здания, прилежавшие к стене. Крик горожан, смешанный с плачем женщин и детей, поднявшимся, по обыкновению при смятении, прибавил храбрости римлянам и напугал вольсков именно потому, что город, на помощь которому они пришли, был взят. Таким образом антиатские вольски были разбиты, а город Кориолы завоеван. Этим отличием Марций настолько затмил славу консула, что совсем исчезло бы воспоминание о войне Постума Коминия с вольсками, если бы не оставался памятником договор с латинянами, вырезанный на бронзовой колонне⁴ и заключенный, за отсутствием товарища, одним Сп. Кассием.

В том же году умер Менений Агриппа, всю свою жизнь пользовавшийся одинаковым расположением и патрициев, и плебеев, а после удаления сделавший еще дороже плебеем. Этого посредника и третейского судью в восстановлении согласия среди граждан, посла патрициев к плебеям, вернувшего плебеев в город, не на что было похоронить; погребение было устроено плебеями, внесшими поголовно по 1/8 асса.

(262 г.) **34.** Затем консулами были избраны Т. Геганий и П. Минуций. В тот год, когда и вне царило спокойствие, и дома было восстановлено согласие, го-

¹ Посягнувший на трибуна считался вместе со всем имуществом посвященным богу подземного царства; становясь вне покровительства законов, он мог быть безнаказанно убит каждым.

² См. к гл. 25.

³ Из слов Ливия не видно, откуда был взят огонь; вероятнее всего, с какого-нибудь жертвенника или очага ближайшего дома.

⁴ Во время Ливия этой колонны уже не было.

сударство постигло другое, более тяжелое бедствие — сперва дороговизна съестных припасов, явившаяся следствием того, что поля оскотались по случаю удаления плебеев невозделанными, а затем такой голод, какой бывает у осажденных. И дело непременно дошло бы до гибели рабов и плебеев, если бы консулы не приняли мер, разослав для закупки хлеба во все стороны, не только в Этрурию в правую сторону по берегу от Остии и в левую через страну вольсков в Кумы, но даже в Сицилию; так вражда с соседями заставила искать помощи в отдаленных странах. Когда хлеб был закуплен в Кумах, то корабли с ним были задержаны тираном Аристомедом¹ в залог за имущество Тарквиниев, которого он был наследником. В земле вольсков и Помптинской области даже купить ничего нельзя было; самые покупщики хлеба подвергались опасности нападения со стороны народа. Хлеб из Этрурии пришел по Тибру, и он поддержал плебеев. Несвоевременная при столь стесненном продовольствии война добила бы их, если бы вольсков, уже бравшихся за оружие, не поразила страшная моровая язва. Это бедствие так напугало врагов, что, даже когда оно ослабело, страх их не прошел; пользуясь этим, римляне увеличили число колонистов в Велитрах, а в горы выслали новую колонию — Норбу, которая должна была служить оплотом в Помптинской области.

(263 г.) В правление следовавших затем консулов М. Минуция и А. Семпрония привезено было из Сицилии большое количество хлеба и возбужден был в сенате вопрос, по чем отпустить его народу. Многие высказались, что пришло время прижать плебеев и вернуть права, исторгнутые у патрициев насильственно — путем удаления. В числе первых Марций Кориолан, враг трибунской власти, говорил: «Если они хотят прежних цен на продовольствие, то пусть вернут прежние права патрициям. Почему я вижу силу плебейских чиновников, силу Сициния, сам находясь под ярмом, точно выкупив свободу у разбойников? Ужели я стану переносить этот позор долее, чем к тому вынуждает необходимость? Я, не потерпевший царя Тарквиния, стану терпеть Сициния? Пусть он теперь уходит, пусть зовет с собой плебеев, им открыта дорога на Священную гору и другие холмы. Пусть они грабят хлеб с наших полей, как они грабили три года тому назад; пусть они пожинают плоды дороговизны, которую создало их возмущение. Смело утверждаю, что укрощенные этой бедой, они предпочтут сами стать земледельцами, чем мешать возделыванию земли своим удалением». Насколько трудно сказать, следовало ли так поступить, настолько, по моему мнению, возможно было патрициям под условием удешевления продовольствия избавить себя и от трибунской власти, и от всех прав, тяготивших их.

35. Но и сенат признал это мнение слишком суровым, и раздраженные плебеи едва не взялись за оружие: их уже теснят голодом, точно неприятелей, лишают пищи и насущно необходимого; иноземный хлеб, единственное средство прокормления, неожиданно посланное судьбой, будет вырван изо рта, если Гн. Марцию не будут выданы трибуны связанными, если он не получит удовлетворения, бичуя римских плебеев. Он является новым палачом для них, так как приказывает или умирать, или идти в рабство. При выходе из курии он подвергся бы нападению, если бы трибуны в пору не назначили ему срок явиться в суд². Это успокоило раздражение: всякий видел себя судьей, господином

¹ См. к гл. 21.

² Право требовать на суд народа (не видно, в трибунских, или в центуриатских комициях) покусившихся на права его патрициев, вероятно, дано было вместе с законом о трибунах, а не присвоено ими, как уверяет Кориолан; если бы трибуны незаконно привлекали его к ответственности, то, разумеется, сенат протестовал бы против такого превышения власти.

над жизнью и смертью врага. Марций сперва с презрением слушал угрозы трибунов: им-де дано право защищать, а не наказывать; они трибуны плебеев, а не патрициев. Но плебеи были до того враждебно настроены, что патриции считали себя вынужденными пожертвовать одним человеком. Тем не менее, несмотря на негодование плебеев, они оказали им сопротивление, прибегая частью к личному влиянию, частью к влиянию всего сословия. Сперва попробовали, нельзя ли расстроить дело, отстраняя при помощи разосланных клиентов угрозами от сходок и совещаний. Затем выступили все, — можно было подумать, что все патриции подсудимые, — умоляя плебеев подарить им одного только гражданина, одного только сенатора, как будто виноватого¹, если они уже не хотят освободить невинного². Но так как он сам в назначенный день не явился, то раздражение упорно держалось. Осужденный заочно, он ушел в изгнание к вольским, грозя отечеству и уже тогда питая враждебные замыслы. Вольски любезно приняли его и тем с большим почтением относились к нему, чем больше он проявлял гнев на земляков, и чем чаще слышались то жалобы, то его угрозы. Он пользовался гостеприимством Атта Туллия. Последний выделялся знатностью среди вольсков и был всегда врагом римлян. И вот они совещаются о войне против Рима, один — подстрекаемый старинной враждой, другой — недавней обидой. Они понимали, что не легко побудить народ после стольких несчастных попыток снова взяться за оружие; многие предшествовавшие войны, а в последнее время язва истребила молодежь, а это сокрушило дух сопротивления; так как ненависть ослабела от времени, то надо действовать искусственными средствами, чтобы вызвать раздражение какой-нибудь новой обидой.

36. Случайно в Риме готовились к Великим играм³, подлежавшим возобновлению⁴. Причина возобновления была следующая: во время игр рано утром, еще до начала представления какой-то хозяин гнал по середине цирка раба под колодкой⁵ и сек его; затем начались игры, точно будто бы приведенное обстоятельство не имело никакого отношения к празднеству. Немного спустя плебей Тит Латиний видел сон: ему представилось, будто Юпитер сказал ему, что на играх ему не понравился предводитель процессии; если игры не будут повторены в великолепной обстановке, то город подвергается опасности; пусть он идет и возвестит об этом консулам. Хотя ум его не был конечно свободен от религиозного страха, однако уважение к значению должностных лиц и опасение показаться смешным одержали верх. Эта нерешительность дорого обошлась ему: через несколько дней он потерял сына. Чтобы причина этой беды не осталась сомнительной, душевно измученному явилось во сне то же лицо, спрашивая, достаточно ли он награжден за небрежение к воле божества? Предстоит еще горше, если он не отправится поскорее и не сделает сообщения консулам. Дело было уже очень ясно. Когда он, однако, медлил и откладывал, его поразила страшная болезнь, проявившаяся во внезапном параличе. Тут гнев богов уже подействовал на него. И вот, измученный предшествовавшими и настоящими бедами, он созывает на совет близких и излагает им виденное и слышанное, неоднократное явление во сне Юпитера, угрозы и гнев

¹ По мнению плебеев.

² По мнению патрициев.

³ По свидетельству Ливия, «Великие игры» были *votivi*, т.е. учреждены по обещанию (ср. I, 35).

⁴ Если случалось во время игр что-нибудь, что могло служить дурным предзнаменованием, то их следовало устроить снова.

⁵ См. I, 26 и примеч.

небожителей, сбывшиеся в его несчастьях; по единогласному решению всех присутствующих его несут на носилках на Форум к консулам; внесенный оттуда по приказанию консулов в курию, он рассказал то же самое сенаторам к великому удивлению всех; и вот свершается новое чудо: рассказывают, что он, который внесен был в курию лишенным движения всех членов, исполнив свой долг, ушел домой пешком.

37. Сенат постановил отправить игры самым торжественным образом. На эти игры, по совету Аттия Туллия, явилось множество вольсков. Перед началом игр Туллий, согласно уговору с Марцием, явившись к консулам, заявляет, что имеет сделать секретное сообщение по государственному делу. По удалении свидетелей он говорит: «Против воли я должен сказать нечто дурное о своих согражданах. Но я являюсь не с обвинением, что они уже совершили что-нибудь, а с предостережением, чтобы им не удалось совершить. Наши граждане непостоянны в гораздо большей степени, чем я хотел бы. Это мы испытали во многих поражениях, так как самым существованием своим мы обязаны не своим заслугам, а вашему терпению. Теперь здесь большое количество вольсков; у вас игры, граждане будут заняты зрелищем. Я помню, что при таком же случае сделали в этом городе сабинские юноши¹; страх берет, чтобы не случилось чего-нибудь необдуманного и безрассудного. Я решил, консулы, в наших и ваших интересах наперед сказать вам о том. Что касается до меня, то я решил теперь же уйти отсюда домой, чтобы, оставаясь, не попасть в какую-нибудь беду за участие в чем-нибудь словом или делом». Сказав это, он ушел. Когда консулы донесли сенату об этом сомнительном деле, переданном, однако, верным лицом, то, по обыкновению, обратили больше внимания на свидетеля, чем на существо дела, а это повело к принятию даже излишних мер предосторожности. Состоялось сенатское постановление об удалении вольсков, и разосланы были глашатаи с приказом, чтобы они ушли до наступления ночи. Сперва, когда они бежали собрать у знакомых свои вещи, их обьял ужас, а затем, когда они уходили, ими овладело негодование, что их, точно злодеев и оскверненных, удалили от игр, от праздника, от этого, так сказать, сообщества богов и людей.

38. Шли они почти сплошными вереницами, и Туллий, пришедший раньше к Ферентинскому источнику, встречал знатнейших по мере прибытия их жалобами и выражением негодования; все они, охотно слушая речи, вторившие их раздражению, пошли за ним на поле, лежащее ниже дороги, а за ними собралась и остальная толпа. Здесь, точно оратор в народном собрании, упомянув о прежних обидах, причиненных римским народом, и поражениях, понесенных вольсками, он сказал: «Забыв все остальное, как вы относитесь к этому сегодняшнему оскорблению — к празднованию игр, начатому нашим позором? Или вы не понимаете, что сегодня отпразднован триумф над вами? Ваше удаление видели все граждане и пришельцы, столько соседних народов, а ваши жены и ваши дети уведены на глазах всех? О чем, по вашему мнению, думали все, которые слышали слова глашатая, которые видели вас уходящими, которые повстречались с этой опозоренной толпой, как не о каком-нибудь безбожном деле? Потому нас гонят с места благочестивых, из их собрания, что мы своим присутствием осквернили бы игры и вызвали бы очистительные жертвоприношения. Что же далее? Вам не приходит в голову, что мы живы потому, что поспешили уйти? Разумеется, если то, что мы делаем, есть удаление, а не бегство. И вы не считаете вражеским этот город, оставшись в котором один день, вы все бы погибли? Они обьявили вам войну, и горе будет обьявившим,

¹ См. гл. 18.

если вы истинные мужи!» Раздраженные сами по себе и воспламененные еще более этими словами, они разошлись отсюда по домам и, подстрекая каждый свое племя, добились отпадения всех вольсков.

39. Согласно решению всех племен, главнокомандующими для этой войны были выбраны Аттий Туллий и римский изгнанник Гн. Марций, на которого полагали больше всего надежд. И он не обманул этих надежд, доказав, что римское государство сильнее вожжами, чем армией. Отправившись в Церцеи, он прежде всего выгнал отсюда римских колонистов и, освободив таким образом этот город, передал его вольскам. Перейдя отсюда проселочными дорогами на Латинскую дорогу, он отнял недавно приобретенные римские города — Сатрик, Лонгулу, Полуску, Кориолы; затем взял Лавиний; затем один за другим Корбион, Ветеллию, Требий, Лабики, Пед. Наконец от Пед он двинулся к Риму и, расположившись лагерем в 5000 шагов от города у Клуилиева рва, начал опустошать отсюда римские поля, послав с опустошителями наблюдателей, которые следили бы за целостью полей патрициев, потому ли, что он был более раздражен против плебеев или с целью породить раздор между патрициями и плебеями. И он бы возник, — так своими обвинениями трибуны возбуждали против знати и без того уже ожесточенных плебеев! — но страх перед внешним врагом, эти лучшие узы согласия, соединял умы, хоть и относившиеся друг к другу с подозрением и неприязнью. В одном только не было согласия: сенат и консулы полагали всю надежду на оружие, а народ все предпочитал войне. Консулами были уже Сп. Навтий (266 г.) и Сек. Фурий¹. Когда они делали смотр легионам и распределяли отряды по стенам и другим пунктам, где казалось необходимым иметь сторожевые посты и караулы, их сперва напугала мятежным криком огромная толпа, требовавшая мира, а затем заставила созвать сенат и сделать доклад относительно отправления послов к Гн. Марцию. Сенаторы согласились с докладом, когда убедились, что мужество плебеев пало, но отправленные к Марцию послы с просьбой о мире, принесли суровый ответ: переговоры возможны, если вольскам будут возвращены поля, если же они хотят спокойно пользоваться добытым на войне, то он, помня об обиде, нанесенной ему гражданами, и о гостеприимстве союзников, постарается доказать, что изгнание раздражило, а не сокрушило его. Когда те же лица вновь были посланы, то их не пустили в лагерь. Рассказывают, что ходили в неприятельский лагерь с просьбами и жрецы в своих священных одеждах, но и они не более, чем послы, имели успех.

40. Тогда матроны толпой собираются к матери Кориолана Ветурии и жене Волумнии. Было ли то следствием общественного решения или страха женщин, я не нахожу точных известий, во всяком случае они добились того, что и Ветурия, женщина преклонных лет, и Волумния, неся с собой двух маленьких сыновей [Марция], пошли в неприятельский лагерь, и, так как мужи не в состоянии были защищать город оружием, то женщины попытались защитить его мольбами и слезами. Когда они пришли к лагерю, Кориолану было возвещено, что явилась большая толпа женщин; и сперва при виде женских слез он обнаружил еще большее упорство, так как остался бесчувственным перед величием государства при появлении послов и перед святыней, представшей перед его взорами и умом, при приближении жрецов. Затем один из приближенных, узнав среди других пораженную горем Ветурию, стоявшую между невесткой и внуками, сказал: «Если меня не обманывают глаза, то тут твоя мать, жена и дети». Тогда Кориолан, приведенный в

¹ Прибавляя уже, Ливий показывает, что эти консулы не непосредственно следовали за предшествующими (гл. 34); из позднейших списков (фастов) дополняют две пары: Кв. Сульпиций Камерин и Сергий Ларций Флав (264 г.) и Г. Юлий Юл и П. Пинарий Руф (265 г.).

замешательство, почти как безумный, побежал навстречу матери с распростертыми объятиями, но эта женщина, сменив мольбы на гнев, сказала: «Прежде чем принять объятия, позволь мне узнать, к врагу или к сыну я пришла, пленница, или мать я в твоём лагере? К тому ли влекла меня долгая жизнь моя и несчастная старость, чтобы я видела тебя сперва изгнанником, а потом врагом? Ты мог опустошать эту землю, которая родила и вскормила тебя? Хотя ты шел сюда во враждебном и угрожающем настроении, но неужели твой гнев не пал при вступлении в эти пределы? Ввиду Рима не пришло тебе в голову: «За этими стенами мой дом и пенаты, мать, жена и дети?» Итак, если бы я не родила, то Рим не был бы в осаде; если бы у меня не было сына, то я умерла бы свободной в свободном отечестве. Но мне уже не осталось ничего более позорного для тебя и более прискорбного для меня, и если я несчастна, то не надолго; ты подумай об этих, кого в случае твоего упорства ждет или преждевременная смерть, или продолжительное рабство!» Затем объятия жены и детей, вопль всей толпы женщин, оплакивавших себя и отечество, сломили наконец решимость этого мужа: обняв своих, он отпускает их, а сам отодвигает лагерь от города. Рассказывают, что когда войска были уведены из Римской области, то вследствие негодования на его поступок он погиб — по одним — одной, а по другим — другой смертью. У Фабия, древнейшего писателя, я нахожу известие, что он дожил до старости; по крайней мере, по его рассказу, на склоне дней он часто повторял, что для старика изгнание еще тяжелее. Римские мужи не лишили женщин должной им похвалы — столь чуждо было тому времени стремление порочить чужую славу! — и даже до увековечения этого события соорудили и освятили храм Женскому счастью¹. Затем вольски с эквами вернулись в Римскую область, но эквы не согласились признавать долее вождем Аттия Туллия; из спора, вольски или эквы должны дать вождя соединенному войску, возник раздор, а затем ожесточенная битва. Тут судьба римского народа истребила два неприятельских войска в битве, столь же губительной, сколько и упорной. Консулы Т. Сициний и Г. Аквиллия — с герниками, тоже бывшими под оружием. В том году герники были окончательно побеждены; борьба с вольсками кончилась безрезультатно. (267 г.)

(268 г.) 41. Затем консулами стали Сп. Кассий и Прокул Вергиний. С герниками² был заключен договор; 2/3 полей у них было отнято³. Половину их консул Кассий полагал разделить латинянам, а половину плебеям. К этому дару он хотел присоединить часть общественного поля, с упреком указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится в руках частных лиц⁴. Многим патрициям, состоявшим владельцами этой земли, такая мера грозила опасностью для их капиталов, но беспокоились они и за государство, полагая, что своей щедростью консул создает могущество, опасное для свободы. Тогда в первый раз был опубликован аграрный закон, обсуждение которого в после-

¹ Храм этот находится на Латинской дороге в 4000 шагов от города, на 1000 шагов ближе лагеря вольсков. Вероятно, увидав женщин, Кориолан вышел сюда им навстречу.

² Герники жили в горах и отличались своей храбростью; они делились на несколько самостоятельных кантонов, составлявших один союз.

³ Тут что-то не верно: если герники были побеждены, то приводимые условия чересчур выгодны для них, если же они добровольно вступили в союз, то чересчур суровы. Весьма возможно, что поровну делилась между союзниками (римлянами, латинянами и герниками) получаемая от врагов добыча и отнимаемая у них земля, а это ошибочно перенесено на землю самих герников.

⁴ Неправда состояла в том, что патриции одни пользовались государственной землей, не допуская до нее плебеев. Теперь консул предлагает отнять эту землю от временных владельцев и раздать плебеям в собственность.

дующее время до наших дней всегда сопровождалось великим потрясением государства. Этой раздаче воспротивился другой консул, опираясь на сенат и встречая противодействие со стороны не всех плебеев, которые сперва начали роптать, что дар этот теряет цену, делаясь общим для граждан и союзников; затем они неоднократно слышали в собрании предсказания консула Вергиния, что предлагаемый товарищем дар гибелен, что эти поля приведут к рабству их будущих владельцев, что они открывают путь к царской власти. С какой стати в самом деле было привлекать сюда же союзников и латинское племя? Какая иная цель была возвращать¹ третью часть поля герникам, недавно бывшим врагами, как не та, чтобы эти народы вместо Кориолана считали вождем Кассия? И уже противник, мешавший проведению аграрного закона, стал делаться популярным. Затем оба консула наперерыв друг перед другом стали угождать народу. Вергиний заявлял, что он допустит отвод полей лишь в том случае, если он будет произведен только гражданам; Кассий, стремившийся раздачей полей заслужить симпатии и союзников и потому не особенно угодивший гражданам, желая склонить их на свою сторону иным даром, приказал раздать народу деньги, вырученные от продажи сицилийского хлеба. Но плебеи отвергли этот дар, считая его ни чем иным, как наличной платой за царскую власть: до такой степени, вследствие зародившегося подозрения в домогательстве царской власти, граждане презирали в душе его подарки, точно все у них было в избытке. Известно, что немедленно по сложении должности он был осужден и казнен. Некоторые передают, что 269 г. виновником казни его был отец; он, расследовав дело дома, высек и казнил сына, а имущество его посвятил Церере; на эти деньги была изготовлена статуя, и на ней вырезано: «Дар дома Кассиев». У других я нахожу известие, — и оно ближе к истине, — что квесторы Цезон Фабий и Л. Валерий привлекли его к суду за государственную измену, и он осужден был судом народа, а дом его разрушен по распоряжению властей. Это площадь, находящаяся перед храмом Земли. Во всяком случае, был ли то суд домашний или общественный, осуждение его состоялось в консульство Сервия Корнелия и Кв. Фабия.

(270 г.) 42. Раздражение народа против Кассия было непродолжительно. Прелесть аграрного закона сама по себе, по устранении предложившего его, начала привлекать граждан, и страстное желание добиться его усилилось вследствие скарденности сенаторов, которые после победы, одержанной в том году над вольсками и эквами, обошли народ добычей: все, взятое у врагов, консул Фабий продал и отдал в казну. Из-за последнего консула имя Фабиев стало ненавистно плебеем; тем не менее патриции добились избрания в консулы Цезона Фабия вместе с Л. Эмилием. Усилившееся вследствие домашних раздоров раздражение народа вызвало внешнюю войну; во время нее гражданские распри были оставлены. Примирившиеся патриции и плебеи, предводимые Эмилием, в удачной битве разбили восставших вольсков и эквов. Но в битве погибло больше врагов, чем в битве: с таким упорством всадники преследовали рассеянных. В том же году в квинтильские иды² был посвящен храм Кастора³; обещан он был в латинскую войну диктатором Постумием; посвящение

¹ По мнению Вергиния, герники покоренный народ, а потому у них следовало отнять всю землю, не оставляя им и 1/3.

² Т.е. 15 июля; надо полагать, то был день битвы (гл. 20), так как по списку праздников храм был посвящен 27 января.

³ Храм этот был построен в честь обоих Диоскуров — Кастора и Поллукса, хотя обыкновенно называется именем первого. Он находился у подножия Палатинского холма и донные от него сохранились 3 колонны.

совершил его сын, избранный для этого в дуумвиры¹. И в этом году умы плебеев были волнуемы заманчивым аграрным законом. Народные трибуны старались проявить свою популярную власть в угодных народу предложениях; патриции же, считая, что и без надежды на поживу народ слишком много неостовствует, с ужасом смотрели на эти подачки, побуждавшие его к безрассудству. Консулы оказались весьма деятельными вождями сопротивления патрициев. Поэтому победа оказалась на стороне этой партии и не только в настоящий момент, но и на следующий год привела к избранию в консулы М. Фабия, брата Цезона, и Л. Валерия, еще более ненавистного плебеям за обвинение Спурия Кассия. И в этом году шла борьба с трибунами. Закон не прошел, а те, кто внес его, оказались хвастунами, так как не дали предполагаемого дара. Имя Фабиев прославилось тремя следовавшими один за другим консульствами, которые все сопровождалось непрерывными спорами с трибунами, поэтому эта высокая честь довольно долго оставалась за этим родом, так как считали, что она в надежных руках. Затем началась вейентская война и восстание вольсков. Сил для ведения внешних войн было почти в избытке, и ими злоупотребляли, затевая распри между собой. При всеобщем возбуждении почти ежедневно в городе и в деревнях стали появляться грозные небесные знамения. Прорицатели, вопрошаемые и от имени государства, и частными лицами, и производившие гадания по внутренностям животных и по полету птиц, объясняли причину такого раздражения божества ни чем иным, как ненадлежащим совершением священнодействий. Ужасы эти разрешились тем, что весталка Оппия, обвиненная в прелюбодеянии, была казнена.

(272 г.) (273 г.) **43.** Затем консулами стали Кв. Фабий и Г. Юлий. В этом году не утихло разногласие дома, а вне шла еще более ожесточенная борьба. Эквы взялись за оружие, кроме того, вейенты вступили в римскую область, опустошая поля. Когда тревога, причиняемая этими войнами, усиливалась, консулами сделались Цезон Фабий и Сп. Фурий. Эквы осаждали латинский город Ортону; вейенты, награбив много добычи, грозили осадить сам Рим. Эти ужасы, которые должны были укротить плебеев, напротив, содействовали подъему их духа. И не по собственному почину они вновь прибегли к отказу от службы, но трибун Сп. Ларций, полагая, что пришло время воспользоваться крайне стесненным положением и навязать патрициям аграрный закон, взялся мешать ведению войны. Впрочем, все раздражение, которое он вызвал, злоупотребляя трибунской властью, обрушилось на самого виновника, и нападение консулов на него не было более ожесточенно, чем нападение собственных его товарищей, при содействии которых консулы и произвели набор. Войско набирается для ведения одновременно двух войн; одно передается Фабии, чтобы он вел его против фейентов, а другое — Фурию — против эквов. И в земле эквов не случилось ничего достойного упоминания, у Фабия же гораздо больше хлопот было с гражданами, чем с врагами. Один этот муж, сам консул, поддерживал государственное дело, тогда как войско из ненависти к нему старалось предать его, насколько то зависело от него. Ибо когда консул, обнаруживший и в приготовлении к войне, и в ее ведении большое искусство полководца, так построил войско, что рассеял врага, выпустив лишь конницу, пехота отказалась преследовать рассеянных; и ни увещания ненавистного вождя, ни даже преступность дела и позор государства в настоящую минуту, а затем и опасность, если мужество вернется к неприятелю,

¹ Дуумвиры избирались для наблюдения за постройкой храма; если обещавший построить храм не мог сам посвятить его, то в число дуумвиров назначался ближайший его родственник, которому и поручалось это дело.

не могли заставить их ускорить шаг или хоть по крайней мере стоять в строю. Без дозволения они поворачивают знамена и печальные — можно бы подумать, что они побеждены, — возвращаются в лагерь, проклиная то вождя, то усердие всадников. И полководец не изыскал никаких средств, чтобы побороть этот столь пагубный пример: до такой степени у человека выдающихся дарований скорее может не хватить умения управиться с гражданами, чем победить врага. Консул вернулся в Рим, не столько увеличив свою славу, сколько усилил и ожесточив против себя ненавистников. Тем не менее патриции добились того, что консульство осталось в роде Фабиев: консулом выбирают М. Фабия, а в товарищи ему дают Гн. Манлия. (274 г.)

44. И в этом году трибун выступил с предложением аграрного закона. То был Тиберий Понтифиций. Вступив на тот же путь, как Сп. Лициний, точно тот имел успех, он на некоторое время помешал набору. Когда среди патрициев снова произошло смятение, то Аппий Клавдий заявил, что в прошедшем году трибунская власть побеждена — на деле на то только время, а по примеру на вечные времена, так как оказалось, что она разрушается своими собственными силами¹. Всегда ведь найдется такой, кто захочет одержать победу над товарищем и заручиться расположением аристократии, содействуя благу государства; если нужно большинство, то большая часть трибунов всегда будет готова помогать консулам, но даже одного достаточно хоть и против всех. Пусть только консулы и старейшие патриции стараются привлечь на сторону интересов государства и сената если не всех, то хоть нескольких трибунов. Убежденные советами Аппия, все патриции стали обращаться вежливо и приветливо с трибунами, да и бывшие консулы, пользуясь правами, вытекающими из частных отношений к отдельным лицам², где влиянием, где авторитетом добились того, что те согласились обратить силу трибунской власти на пользу государства: опираясь на содействие девяти трибунов против одного противника общего блага, консулы произвели набор.

Затем они отправились на войну против Вей, куда сошлись вспомогательные войска со всей Этрурии, не столько из расположения к вейентам, сколько в надежде, что внутренние раздоры могут разрушить римское государство. Знатнейшие люди в собраниях всех народов Этрурии громко заявляли, что сила римская вечна, если они сами не станут уничтожать друг друга внутренними раздорами. Это единственный яд, это единственная язва для сильных государств, делающая господство их конечным. Это зло долго было сдерживаемо частью разумными планами патрициев, частью терпением плебеев, но уже дело дошло до крайности: из одного государства стало два, у каждой партии свои должностные лица, свои законы. Сперва беспорядки происходили при наборах, но во время войны все-таки оказывали повиновение вождям; что бы ни происходило в городе, но если в войсках сильна была дисциплина, то государство могло держаться; но обычай не слушаться властей следует за римским вином уже и в лагерь. В последнюю войну во время самого боя, в минуту ожесточения, вследствие соглашения воинов победа добровольно была передана побежденным эквам³, знамена покинуты, вождь оставлен в строю, без приказаania последовало возвращение в лагерь. Конечно, при настойчивости Рим

¹ См. гл. 43. В среде самих трибунов обнаружилось разногласие, вследствие которого одни мешали мероприятиям других. На такое разногласие патриции могут рассчитывать и в будущем.

² Преимущественно долговыми обязательствами, которые побуждали трибунов быть покладливее.

³ В 43 гл. подобный случай рассказан из Вейентской войны.

может быть побежден собственными воинами, надо только объявить войну и открыть военные действия, остальное сделает сама судьба и боги. Эти надежды вооружили этрусков, бывших в многочисленных превратностях судьбы и побежденными, и победителями.

45. И консулы римские ничего не боялись, кроме своих собственных сил, своего оружия. Воспоминание о дурном примере, данном в последнюю войну, не позволяло доводить дело до того, чтобы одновременно надо было бояться двух войск. И так они держались в лагере, не решаясь сразиться ввиду двойной опасности: время и обстоятельства, думали они, быть может, ослабят раздражение и возвратят здравомыслие народу. Тем более спешили действовать вейенты и этруски: сперва они вызывали на бой, подъезжая к лагерю с громким криком, а наконец, когда это нисколько не действовало, они стали бранить то самих консулов, то войско. «Притворные внутренние раздоры, — говорили они, — являются лишь прикрытием трусости, и консулы столь же мало надеются на храбрость воинов, сколь мало доверяют их образу мыслей; небывалая форма мщения — тишина и бездействие воинов». К этому они присоединяли частью ложные, частью верные замечания об их¹ необычайном происхождении. К этим возгласам, раздававшимся под самым валом и у ворот, консулы относились довольно равнодушно, но неопытная толпа то выражала негодование, то стыдилась и забывала о домашних невзгодах: она не желает оставить не отомщенными врагов, но и не желает успеха ни патрициям, ни консулам; в душе плебеев происходит борьба между ненавистью к своим и к врагам. Наконец последняя одерживает верх: до такой степени высокомерно и нагло издевался враг! Толпой они собираются к палатке главнокомандующего, требуют битвы, требуют, чтобы был подан знак. Консулы, как бы в раздумье, перешептываются и долго беседуют. Они желали сразиться, но желание надо было подавить и скрыть, чтобы сопротивлением и медленностью усилить пыл разгоряченных воинов. Отвечают, что это преждевременно, что не пришла еще пора сразиться; пусть остаются в лагере. Поэтому издает распоряжение воздерживаться от сражения; если кто без приказа вступит в бой, то будет наказан, как враг. Уйдя, воины воспаляются тем большим желанием сразиться, чем меньше его видят в консулах; и враги еще с гораздо большим ожесточением раздражают их, узнав, что консулы решили не давать битвы; оскорбления-де останутся безнаказанными, воинам не доверяют оружия, вспыхнет ожесточенное восстание, наступил конец римскому государству. В надежде на это они подбегают к воротам, усиливают брань, едва удерживаются от штурма лагеря. Но тут римляне не могли уже более выносить обид: по всему лагерю, со всех сторон бегут к консулам; уже не в сдержанной форме, как прежде, не через посредство старших центурионов передают свои требования, а повсюду все кричат. Решение назрело, но консулы медлят. Когда побуждаемый усиливавшимся шумом товарищ готов был уступить, опасаясь восстания, Фабий, дав знак молчать, сказал: «Я знаю, Гн. Манлий, что они могут победить, но по их собственной вине я не знаю, хотя ли они этого. Итак, я бесповоротно решил не давать знака к битве, если они не поклонятся вернуться из этого боя победителями. Консула римского воины раз обманули в битве, но богов не обманут никогда!» В числе первых, требовавших битвы, находился центурион М. Флаволей. «Победителем, — сказал он, — М. Фабий, я вернусь из сражения». На случай обмана он призывает на себя гнев Отца-Юпитера, Марса-Защитника и иных богов. Затем все войско повторяет ту же клятву. После этого подается знак; берут оружие; идут на бой полными

¹ Т.е. римлян.

гнева и надежды. Пусть теперь злословят этруски, пусть теперь, когда они вооружены, идут на них эти враги, острые на язык. В тот день явили все отменную доблесть — и патриции, и плебеи, особенно же отличился род Фабиев. Они решились этой битвой примирить с собой плебеев, которых вооружили против себя многими гражданскими распрями.

46. Войско выстраивается, не отказываются и вейнты, и этруссские легионы. Они были почти уверены, что с ними так же будут сражаться, как сражались с эквами¹; можно-де надеяться и на другое, более тяжкое преступление ввиду столь сильного раздражения и когда к тому представляется с двух сторон случай². Но дело вышло совсем иначе: ни на какую из предшествовавших битв римляне не шли с большим ожесточением, так озлобило их с одной стороны издевательство врага, с другой — медлительность консулов, Едва этруски успели развернуть ряды, как среди суматохи дротики были не то что пушены, а скорее зря брошены, и дело дошло до рукопашной, до мечей, когда сражение отличается особенной яростью. В первом ряду Фабии обращали на себя внимание и служили примером гражданам. Тут находился и Кв. Фабий, бывший три года назад консулом; стремительно несясь в густые ряды вейнтов и неосторожно попав в кучу врагов, он был пронзен мечом в грудь Туском, человеком страшной силы и мастером владеть оружием; когда меч был извлечен, Фабий стремглав упал, прикрыв собой рану. Гибель этого одного мужа почувствовали оба войска, и римляне стали отступать; но консул Фабий перепрыгнул через труп и, держа вперед небольшой щит³, сказал: «В том ли вы клялись, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? Или вы даже трусливейших врагов боитесь больше, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не дававший клятвы, или вернусь победителем, или сражаясь лягу здесь около тебя, Кв. Фабий!» Тогда Цезон Фабий, консул предшествовавшего года, сказал консулу: «Или ты думаешь, брат, убедить их этими словами сражаться? Боги, которыми они клялись, заставят их, мы же, как прилично вождям, как прилично роду Фабиев, будем возбуждать мужество воинов лучше сражаясь, чем увещевая». Так два Фабия с копьями вперед выбежали в первый ряд и увлекли за собой все войско.

47. Когда на одной стороне битва была восстановлена, консул Гн. Манлий поощрял сражаться на другом фланге, где счастье было почти такое же, ибо как на том фланге было с Кв. Фабием, так тут за консулом Манлием, пока он гнался за врагами, точно они были уже разбиты, бодро следовали воины; когда же он, получив тяжкую рану, вышел из строя, они дрогнули, думая, что он убит, и отступили бы, если бы поколебавшееся счастье не поддержал другой консул, прискакавший во весь опор в эту сторону с несколькими эскадронами всадников, крича, что товарищ жив и что он победил, так как другой фланг врагов рассеян. И Манлий для восстановления порядка является сам. Узнав обоих консулов, воины ободрились. Вместе с тем ряды врагов были уже редки, так как, надеясь на численное превосходство, они послали резервы брать лагерь. Сделав не особенно энергичное нападение, они тратили время, думая больше о добыче, чем о битве; тем временем римские триари⁴, не бывшие в состоянии

¹ Ср. к гл. 44.

² Т.е. они могут убить вождя или перейти на сторону врагов и тем избавить себя от необходимости драться.

³ Таким щитом были вооружены всадники; даже спрыгнув с коня, консул не берет большого щита пехотинца.

⁴ Триари называются так потому, что в строю они составляют третий ряд; их обыкновенно оставляют на защиту лагеря.

выдержать первой атаки, послали к консулам известие о своем положении, а сами собрались в кучу, возвратились к преторской палатке и возобновили сражение. Консул Манлий, вернувшись в лагерь, поставил у всех ворот воинов и отрезал врагам путь. Это отчаянное положение возбудило в этрусках скорее ярость, чем храбрость. Ибо после нескольких неудачных нападений в тех местах, где являлась надежда выйти, одна кучка юношей бросилась на самого консула, заметив его по оружию. Окружавшие его сперва встретили стрелы, но затем не в состоянии были выдержать напор: консул пал, пораженный смертельной раной, а окружавшие рассеялись. Храбрость этрусков растет, римлян же страх гонит через весь лагерь, и дошли бы до крайности, если бы легаты, схватив тело консула, не открыли через одни ворота путь врагу. Тут они выскочили, но, уходя беспорядочной толпой, натолкнулись на победителя-консула. Здесь они были снова рассеяны и перебиты. Приобретена была блестящая победа, но ее омрачила смерть двух славных мужей. Ввиду этого, хотя и состоялось сенатское определение относительно триумфа, но консул заявил, что он вполне согласен допустить триумф войска вследствие особенной его доблести, проявившейся в этой войне, если только оно может праздновать триумф без вождя; сам же он по причине семейного траура по смерти брата Кв. Фабия, сиротства государства, потерявшего одного из консулов, пораженный общественной и частной скорбью, не может принять лаврового венка. Этот отказ от триумфа был славнее всякого триумфа: так иной раз своевременно отклоненное прославление воздавалось в большей мере. Затем он распорядился подряд двумя похоронами, товарища и брата, и обоим сказал надгробные речи; уступая им при этом свои заслуги, он тем самым вызвал признание большей части их за собой. Вместе с тем, помня о задуманном в начале консульства примирении с плебеями, он распределил между патрициями лечение раненых воинов. Большая часть была помещена к Фабиям, и нигде за ними не было более тщательного ухода. С этого времени Фабии стали популярны исключительно благодаря средствам, полезным для государства.

(275 г.) 48. И вот вместе с Вергинием получил консульство Цезон Фабий, опираясь столько же на патрициев, сколько на плебеев. Пользуясь тем, что начало примирения уже состоялось, он заботился о войне, наборе и обо всем ином в такой же степени, как о том, чтобы при каждом удобном случае плебеи сближались с патрициями. С этой целью в начале года он высказал мнение, что, прежде чем выступит какой-нибудь трибун с аграрным законом, сенаторы должны предупредить его своим даром, разделив возможно равномерно плебейам отнятое у врага поле: вполне справедливо, чтобы им владели те, чьей кровью и потом оно приобретено. Сенаторы отвергли это предложение; некоторые даже жаловались, что энергичный некогда характер Цезона вследствие чрезмерной жажды славы слабеет и исчезает. Дальнейшей борьбы партий в городе не последовало. Латиняне были тревожимы нападениями эквов. Посланный туда с войском, Цезон перешел в землю самих эквов, опустошая ее; последние отступили в города и держались в стенах; вследствие этого не произошло ни одной замечательной битвы.

Между тем вейнты нанесли поражение вследствие неосторожности другового консула, и не явись своевременно на помощь Цезон Фабий, войско погибло бы. С того времени не было ни мира, ни войны с вейентами; дело стало очень похоже на разбой: перед римскими легионами они отступали в города, но как только узнавали об их удалении, делали набеги на поля, превращая попеременно войну в мир, а мир в войну. Таким образом нельзя было ни бро-

сить, ни закончить этой борьбы. А между тем предстояли и другие войны или теперь же, как например, со стороны эквов и вольсков, которые оставались спокойными лишь до тех пор, пока давала себя чувствовать свежая боль от последнего поражения, — или же в ближайшем будущем, ибо было очевидно, что сабиняне готовятся к войне и вся Этрурия настроена враждебно. Но вейнты были врагами не столько страшными, сколько постоянными, и чаще тревожили обидами¹, чем действительными опасностями; таким образом они ни минуты не позволяли забыть о себе и заняться чем-нибудь другим. Тогда явились в сенат Фабии. За всех речь держит консул: «Как вам известно, сенаторы, вейентская война нуждается не столько в большом, сколько в постоянном отряде. Вы заботьтесь о других войнах, а Фабиям предоставьте вейентскую. Ручаемся вам, что величие римского имени не подвергнется там опасности. Мы имеем в виду частными средствами вести эту, так сказать, нашему роду принадлежащую войну; государство будет свободно от поставки туда воинов и отпуска денег». За это была выражена им глубокая признательность. Выйдя из курии, консул вернулся домой в сопровождении толпы Фабиев, стоявшей в ожидании сенатского постановления в преддверии курии. Им приказано было на следующий день явиться в оружии к дому консула; затем они разошлись по домам.

49. Молва об этом распространяется по всему городу; Фабиев превозносят до небес; один дом принимает на себя государственное бремя; вейентская война перешла на попечение частных лиц, ведется частным оружием. Если найдется в городе два столь сильных рода, если один возьмет себе вольсков, другой эквов, то все соседние народы могут быть покорены, тогда как римский народ будет жить в мире. На следующий день Фабии вооружаются; сходятся в назначенное место. Консул, выйдя в военном плаще², видит перед домом своим весь род Фабиев построившимся в ряды. Вступив в середину, он приказывает нести знамена. Никогда еще по городу не двигалось войско столь малочисленное, но в то же время столь славное и возбуждающее большее удивление: 306 воинов³, все патриции, все одного рода, из коих никого даже деятельный сенат не отверг бы в любое время в роли вождя, шли, грозя силами одного рода погубить вейентский народ. За ними следовала целая толпа; тут были и свои — родственники и друзья, которые мечтали не о чем-нибудь обыкновенном, будет ли то надежда или страх, но непременно о великом⁴, — и чужие, привлеченные заботами о государстве, недоумевающие, как выразить свое расположение и удивление. Желают им мужества и счастья в походе, желают принести назад результат, соответствующий замыслу; после того обещают консульства и триумфы, всякие награды и почести. Когда они проходили мимо Капитолия и кремля и других храмов, то сопровождавшие молились богам, которых видели и которых мысленно представляли себе, чтобы они даровали этому отряду счастливый и благополучный поход и

¹ Речь идет о постоянных нападениях с целью грабежа и опустошения.

² Так как предприятие Фабиев имеет частный характер, то едва ли рассказ Ливия верен, что консул выступает во главе отряда; правдоподобнее Дионисий Галикарнасский (IX, 25) называет вождем бывшего консула М. Фабия, указывая, что К. Фабий присоединился к отряду лишь в следующем году, сложив консулат.

³ Показание Ливия не противоречит свидетельству других историков, говорящих, что выступило 4000—5000 человек; естественно, что Фабии взяли с собой прислугу и кое-кого из клиентов.

⁴ Они думали, что предприятие Фабиев или беспримерно прославит этот род, или кончится полным его истреблением.

вернули их в скором времени здоровыми к родителям на родину. Но молитвы были напрасны. Отправившись по Несчастной улице¹ через правую арку ворот Карменты², они дошли до реки Кремеры³. Это место было признано удобным для укрепления сторожевого поста.

(276 г.) Затем консулами были Л. Эмилий и Г. Сервилий. И пока дело ограничивалось только опустошениями, то Фабиев было достаточно не только для защиты их крепостцы, но на всем пространстве, где этрусские земли прилегают к римским, ходя по тем и другим границам, они защищали свое и подвергали опасности вражеское. Затем последовал небольшой перерыв в опустошениях; тем временем вейенты, призвав войска из Этрурии, приступили к осаде крепостцы на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Л. Эмилием, вступили в бой с этрусками, впрочем, вейенты едва имели время построить войско: в первые минуты лихорадочной поспешности, пока под знаменами размещаются ряды войска и резервы, налетевший внезапно с фланга отряд всадников не дал возможности не только начать битву, но и устоять на месте. Отброшенные таким образом к Красным Скалам⁴, где у них был лагерь, они умоляют о мире; но по врожденному легкомыслию еще до удаления римского отряда с Кремеры стали жалеть, что получили его.

50. Опять у вейентского народа началась с Фабиями борьба, хотя приготовлений к большой войне не было сделано, и дело не ограничивалось уже набегами на поля или внезапными нападениями на грабителей, а несколько раз сражались и в чистом поле, с знаменами с обеих сторон, причем один род римского народа часто одерживал победу над могущественнейшим по тому времени этрусским государством. Это сперва огорчало и возмущало вейентов, затем, сообразно с обстоятельствами, возник план уловить жестокого врага в засады, поэтому им приятно было видеть, что от больших успехов у Фабиев увеличивается храбрость. И вот неоднократно навстречу грабителям гнали стада, точно они случайно попадались, бежавшие поселяне оставляли обширные поля, вооруженные отряды, которые были посылаемы, чтобы удержать опустошения, бежали чаще от притворного, чем от истинного страха. И уже Фабии с презрением смотрели на врага, думая, что их непобедимого оружия не может сдержать никакое место и никакое время. Эта надежда увлекла их так далеко, что они побежали за скотом, который увидели далеко от Кремеры за большим полем, хотя тут и там заметны были вооруженные враги. И когда, не замечая того, они проскакали мимо засад, расположенных на самом пути, и рассыпавшись ловили разбежавшийся, по обыкновению, от страха скот, внезапно враги поднимаются из засад и показываются перед ними везде. Сперва их испугал послышавшийся со всех сторон крик, а затем отовсюду посыпались стрелы. По мере того как этруски сходились, Фабии были окружаемы беспрепятливой цепью вооруженных, и чем больше враг наступал, тем более и они вынуждаемы были собираться в тесный круг; это делало заметной их малочисленность и многочисленность этрусков, так как число рядов последних вследствие тесноты места увеличилось. Прекратив битву, которая велась равномерно на все стороны, они отступают в одно место; напирая туда телами и оружием и построившись клином, они проложили себе путь. Дорога вела на

¹ После гибели рода Фабиев эта улица стала называться «Несчастной».

² Этими воротами они вышли на Марсово поле и переправились через Тибр выше города.

³ Впадающая с правой стороны в Тибр маленькая речка Кремера находилась уже в Вейентской области.

⁴ Место это, лежавшее недалеко от Рима на Фламиниевой дороге, именуется теперь grotta Rossa.

полого возвышавшийся холм. Здесь только они остановились; затем, получив возможность на возвышенном месте перевести дух, они оправились от страха и даже отразили подступавших; пользуясь удобством места, меньшинство победило бы, если бы посланные в обход горами вейнты не взобрались на вершину холма. Это дало опять перевес врагу. Фабии все до одного были перебиты, и крепость их занята. Согласно засвидетельствовано, что все 306 погибли и остался один только близкий к совершеннолетию наследник рода Фабиев, которому суждено было и в мире, и на войне неоднократно помогать римскому народу в критические минуты¹.

(276—277 гг.) 51. Во время этого поражения консулами были уже Г. Гораций и Т. Менений. Последний немедленно был послан против этрусков, возгордившихся победой. Но и тогда дело шло неудачно, и враги заняли Яникул; город, теснимый, кроме войны, дороговизной, был бы осажден, — этруски перешли уже Тибр, — если бы консул Гораций не был отозван из земли вольсков. И эта война угрожала самим стенам, так что первая, безрезультатная, битва была у храма Надежды², вторая у Коллинских ворот. Хотя здесь на римской стороне был и незначительный перевес, но в этой битве к воинам вернулось прежнее мужество и они вышли из нее лучшими для будущих сражений.

(278 г.) Консулами стали А. Вергилий и Сп. Сервилий. После поражения, понесенного в ближайшей битве, вейнты воздержались от боя; происходили опустошения и делались нападения на римские поля во все стороны с Яникула, точно из крепости; ни скот, ни поселяне нигде не были в безопасности. Но они были обмануты тем же способом, каким обманули Фабиев. Преследуя скот, разогнанный нарочито повсюду для приманки, они попали в засаду. И насколько число их было больше, настолько сильнее была резня. Возникшее из этого поражения крайнее ожесточение послужило основанием и началом для большого побоища. Ибо, переправившись ночью через Тибр, они бросились штурмовать лагерь консула Сервилия. Прогнанные оттуда с большими потерями, они едва отступили на Яникул. Немедленно и консул переходит Тибр и укрепляет лагерь под Яникулом. На рассвете следующего дня, ободренный вчерашней удачной битвой и еще более побуждаемый недостатком хлеба хоть и на рискованное предприятие, лишь бы оно скоро кончилось, он неосторожно направил войско прямо на Яникул на неприятельский лагерь, был оттуда прогнан с большим позором, чем прогнал накануне врага, и спасся сам с войском лишь благодаря прибытию товарища. Попав между двух армий и поворачивая тыл то к той, то к другой, этруски были совершенно уничтожены. Так, благодаря удачному, но безрассудному предприятию окончена была вейнтская война.

52. С водворением мира ослабела и дороговизна съестных припасов в городе как потому, что был привезен хлеб из Кампании, так и потому, что вынута было все припрятанное, после того как все перестали бояться недостатка для себя в будущем. Затем обилие и мир снова сделали народ необузданным, и он стал искать прежнее зло дома, когда его не было вне. Трибуны начали волно-

¹ Уже Дионисий сомневался, что из всех Фабиев остался только один юноша; и сам Ливий, называя его консулом 287 г., тем самым свидетельствует, что в 276 г. он был вполне зрелым мужем. День истребления рода Фабиев приурочивали к 18 июля (ср. Лив. VI, 1); в этот день считалось nepозволительным предпринимать что-нибудь важное (*dies nefastus*). Впрочем, относительно времени истребления Фабиев остается сомнение: если указанный день верен, то непонятна прибавка в начале 51 п. «уже», указывающего на начало 277 г., а не на конец 276 г.

² Храм этот находился за Эсквилийскими воротами к в. от города.

вать народ, прибегая к своей обычной отраве — аграрному закону и возбуждая не только против всех патрициев, сопротивлявшихся им, но и против отдельных лиц. Предложившие аграрный закон Кв. Консидий и Т. Генуций привлекли к суду Т. Менения. В вину ему ставилась потеря крепости на Кремере, так как он, будучи консулом, стоял неподалеку оттуда¹. Это обвинение привело к осуждению, хотя патриции не меньше стояли за него, чем за Кориолана, и расположение к отцу его Агриппе еще не утратилось. Однако трибуны уменьшили наказание: потребовав казни, они по осуждению приговорили его к уплате 2000 медных ассов². Но оно обратилось для него в смертную казнь: говорят, что он не вынес позора и огорчения, заболел и умер.

(279 г.) Затем предан был суду другой — Сп. Сервилий, как только сложил консульство, сейчас же в начале года. Это было при консулах Г. Навтии и П. Валерии; когда трибуны Л. Цедиций и Т. Стаций назначили ему срок явки к суду, он встретил вызов их не просьбами своими или патрициев, как Менений, а выражением уверенности в своей невинности и в расположении к нему. И ему поставлена была в вину битва с этрусками у Яникула. Но, будучи человеком пылкого характера, как прежде при государственной опасности, так теперь при своей, он уничтожил ее смелостью: в грозной речи он опроверг не только трибунов, но и плебеев и упрекал их за осуждение и смерть Т. Менения, несмотря на то, что его отец своими стараниями некогда вернул их и благодаря ему они имеют теперь этих должностных лиц, при посредстве которых неистовствуют, и эти законы. Поддержал его и товарищ Вергиний, выставленный свидетелем, уделив ему часть своей славы; особенно же помог ему суд над Менением — так переменилось тогда настроение!

53. Домашние споры кончились; началась война с вейентами, к которым присоединились сабиняне. Консул П. Валерий, посланный по прибытии вспомогательных войск от латинян и герников с армией в Вейи, немедленно напал на сабинский лагерь, расположенный перед стенами союзников, и навел на них такой страх, что пока те делали вылазки отдельными манипулами в разных пунктах, чтобы удержать напор врага, взял лагерь, проникнув в него через те ворота, на которые направил свое первое нападение. За валом произошла затем не битва, а резня. Из лагеря смятение распространяется и на город; вейенты в страхе, точно их город взят, хватаются за оружие. Часть идет на помощь сабинянам, часть нападает на римлян, устремивших все свое внимание на лагерь. На некоторое время они поколебались и пришли в смятение, но затем, повернув знамена на обе стороны, оказывают сопротивление, а посланная консулом конница рассеивает и обращает в бегство этрусков; в один час побеждены были два войска, два могущественнейших и величайших соседних народа. Пока это происходит у Вей, вольски и эквы расположились лагерем в Латинской области и опустошали ее. Сами латиняне без римского вождя или помощи в союзе с герниками лишили их лагеря; вернув свое, они захватили еще большую добычу. Тем не менее против вольсков был послан из Рима консул Г. Навтий; я полагаю, не понравилось, что союзники без римского вождя и войска сами, собственными силами и по собственному плану ведут войны. Все роды бедствий и обид применены были против вольсков, но нельзя было добиться, чтобы они вышли на бой.

¹ Ср., однако, гл. 51.

² Первоначально наказание определялось тем или другим количеством голов скота, но потом оно было переведено на деньги и в законе определена высшая мера.

(280 г.) **54.** Затем консулами были Л. Фурий и Г. Манлий. На долю Манлия достались веинты, но войны не было; согласно просьбе, им дано было на 40 лет перемирие, после того как приказано было доставить хлеб и уплатить издержки. За водворением мира извне немедленно следуют раздоры дома. Плебеи неистовствовали, волнуемые аграрным законом трибунов. Консулы, нимало не уstraшенные осуждением Менения и опасностью Сервилия, усиленно сопротивлялись. Когда они слагали власть, то подверглись нападкам трибуна Гн. Генуция.

(281 г.) В консульство вступают Л. Эмилий и Опитер Вергиний; в некоторых летописях вместо Вергиния я нахожу консула Вописка Юлия. В этом году — какие бы там консулы ни были — обвиненные перед народом Фурий и Манлий обходят в траурной одежде как плебеев, так и младшее поколение патрициев. Убеждают, склоняют не принимать должностей и управления государством; консульские пучки, претексту и курульное кресло следует считать ни чем иным, как принадлежностями похоронной церемонии; облеченные блестящими знаками власти, точно жертвенными повязками, предназначаются к смерти. Если им так нравится консульство, то пусть они уже теперь убедятся, что оно находится в плену и угнетении у всесильных трибунов; консул, точно трибунский слугитель, должен делать все по мановению и распоряжению трибуна; если же он пошевелится, если обратит внимание на патрициев, если подумает, что в государстве есть еще что-нибудь, кроме плебеев, то он должен живо представить себе изгнание Гн. Марция, осуждение и смерть Менения. Возбужденные такими речами патриции начали совещаться не в курии, а частным образом и не доводя о том до сведения большинства. Придя к решению, что подсудимых надо освободить правдой или неправдой, они одобряли все самые суровые мнения, и не было недостатка в исполнителях даже дерзкого дела. И вот в день суда, когда плебеи в напряженном ожидании стояли на Форуме, сперва дивились, отчего не выходит трибун; затем, когда замедление начало уже представляться подозрительным, полагали, что он запуган знатью, и жаловались, что общественное дело покинуто и предано; наконец бывшие у преддверия жилища трибуна возвестили, что он найден дома мертвым. Когда молва разнесла эту весть по всему собранию, то подобно тому, как войско рассеивается после гибели вождя, и они разбежались все в разные стороны. Но особенно напуганы были трибуны, убедившиеся смертью товарища, сколь лишена значения помощь, представляемая законами об их неприкосновенности. И патриции неумеренно выражали свою радость: до того никто не раскаивался в вине, что даже невинные желали казаться свершившими ее и открыто говорили, что власть трибунов следует укротить злодеяниями.

55. Еще под впечатлением этой победы, дававшей очень дурной пример, объявляется набор, и консулы приводят его в исполнение без всякой помехи со стороны напуганных трибунов. Тогда плебеи стали гневаться больше на молчание трибунов, чем на распоряжения консулов, и говорили, что настал конец их свободе, что опять все вернулось к старому; вместе с Генуцием погибла и похоронена власть трибунов. Надо действовать иначе и изыскивать иные, способы сопротивления сенату; решено одно, что плебеи, не находя ни в ком защиты, должны сами защищать себя. 24 ликтора служат консулам, и все они плебеи; нет учреждения более достойного презрения и более слабого, если только есть люди, которые могут не обращать на них внимания, но каждый представляет их себе чем-то большим и страшным. Такими речами возбуждали они друг друга, и вот к плебею Волерону Публилию, который говорил, что он не обязан идти в солдаты, потому что он командовал ротой, консулы посла-

ли ликтора. Волерон обращается к трибунам; когда же никто не подал ему помощи, консулы приказывают обнажить его и приготовить розги. «Я обращаюсь к народу, — сказал Волерон, — так как трибуны предпочитают видеть, как на их глазах секут римского гражданина, чем погубить самим в своей постели от рук ваших». Чем громче кричал он, тем яростнее ликтор рвал с него тогу и раздевал его. Тогда Волерон, очень сильный сам по себе и поддерживаемый подошедшими, оттолкнул ликтора и скрылся в самую середину толпы, откуда раздавался особенно сильный крик негодующих за него, взывая: «Я протестую и умоляю о защите народ; помогите, граждане, помогите, товарищи! Нечего ждать трибунов, которые сами нуждаются в вашей помощи». Возбужденная толпа готовится точно к сражению; и было очевидно, что наступил решительный момент, что никакое ни общественное, ни частное право не будет ни для кого святым. Выйдя навстречу этой буре, консулы легко убедились в том, что величие без силы недостаточно обезопасено. Ликторы были оскорблены, пучки сломаны, с Форума они были загнаны в курию, не зная, насколько Волерон захочет пользоваться своей победой. Когда шум стих, созван сенат, они жалуются на причиненную им обиду, на насилие со стороны плебеев, на дерзость Волерона. Хотя было высказано много резких мнений, но верх одержали старейшие, решившие, что сенаторам не следует состязаться с неразумными плебеями в раздражении.

(282 г.) **56.** Обратив на Волерона свое расположение, плебеи в ближайшние комиции избирают его народным трибуном на тот год, когда консулами были Л. Пинарий и П. Фурий. Наперекор всеобщему мнению, что он займет свое трибунство преследованием консулов предыдущего года, он, ставя личное оскорбление ниже общего дела, ни единым словом не затронул консулов, а внес к народу предложение, чтобы плебейские чиновники избирались на трибутских комициях. Предложение касалось очень важного предмета, хотя и озаглавливалось именем, на первый взгляд вовсе не страшным: оно совершенно лишало патрициев возможности при помощи голосов своих клиентов выбирать угодных им трибунов¹. Этому весьма приятному для плебеев предложению упорно сопротивлялись патриции, и хотя влиянию консулов и знатнейших лиц не удалось добиться вмешательства кого-нибудь из коллегии трибунов, что представляло единственную возможность противодействия, тем не менее это дело, трудное в силу своего важного значения, вследствие партийной борьбы затянулось на целый год. Плебеи вновь выбирают трибуном Волерона, патриции же, полагая, что дело дойдет до решительного сражения, проводят в консулы Аппия Клавдия, сына Аппия, ненавистного и враждебного плебеям уже со времени борьбы, вехенной его отцом. В товарищи ему дается Т. Квинкий. (283 г.)

С самого начала года речь шла прежде всего о законе. Но как Волерон был автором закона, так товарищ его Леторий был столь же новым, сколько усерд-

¹ Предложение Волерона имело целью учреждение трибутских комиций, в которых бы избирались плебейские магистраты вместо куриатских комиций, где оно, по мнению ученых, происходило до сих пор. При новом порядке в избрании принимали бы участие только те плебеи, которые имеют недвижимую собственность, тогда как до сих пор в куриатских комициях, кроме самих патрициев, голоса подавали и их многочисленные клиенты, действуя, разумеется, не в интересах плебеев, а в интересах своих патронов. Понятно, что патриции самым энергичным образом воспротивились этому предложению. Надо, однако, заметить, что сам Ливий не имеет вполне ясного представления о положении плебеев того времени, а потому в рассказе его встречаются противоречия: так например, сообщаемое в разбираемом месте не вяжется с гл. 23 и другими местами, где говорится о плебеях, как не имеющих никакой собственности и опутанных долговыми обязательствами патрициев.

ным его защитником. Решительным делала его огромная военная слава, так как в то время не было никого, кто бы превосходил его личной храбростью. И между тем как Волерон говорил лишь о законе, воздерживаясь от нападок на консулов, этот, начав с обвинения Аппия и его рода, высокомерного и жестокого против римских плебеев, утверждал, что патриции выбрали его не в консулы, а в палачи, чтобы мучить и терзать плебеев; но грубая речь военного человека не соответствовала его свободолюбивому образу мыслей. И вот, ощущая недостаток в выражениях, он сказал: «Так как я не легко говорю, но твердо держусь того, что сказал, то прошу вас, явитесь завтра сюда. Здесь я или умру на ваших глазах, или проведу закон». На следующий день трибуны занимают освященное место¹; консулы и знать, чтобы помешать закону, остаются в собрании². Леторий приказывает удалить всех, кроме желающих подавать голоса³. Но знатные юноши стояли, нимало не отступая перед курьерами⁴. Тогда Леторий приказывает взять некоторых из них. Консул Аппий отрицает право трибуна против кого-нибудь, кроме плебеев; он ведь чиновник не всего народа, а плебеев; даже сам он⁵ в силу своей высшей власти не может согласно обычаю предков удалять, так как говорится: «Если вам угодно, квориты, уходите». Рассуждая небрежным тоном о законах, он легко мог взволновать Летория. И вот раздраженный трибун посылает к консулу курьера, а консул к трибуну ликтора, крича, что он частное лицо, не имеет высшей власти, что он не чиновник; и трибун подвергся бы оскорблению, если бы все собрание с яростью не поднялось на консула в защиту трибуна и не сбежалась бы со всего города на форум возбужденная толпа. Но Аппий упорно выдерживал эту бурю; и конечно дело дошло бы до кровопролития, но другой консул, Квинкий, поручил консуларам, если нельзя будет иначе, то хоть силой увести товарища с Форума, а сам успокоил просьбами рассвирепевший народ и убедил трибунов распустить собрание; пусть дадут срок успокоиться гневу; время не лишит их принадлежащей им силы, а прибавит в силе рассудительность, и сенат подчинится народу, и консул сенату.

57. С трудом успокоил Квинкий плебеев, еще с гораздо большим трудом патриции — другого консула. Когда наконец собрание плебеев было распущено, консулы созывают сенат. Здесь страх и раздражение поочередно вызывали различные мнения, но с течением времени чем больше умы от увлечения обращались к размышлению, тем больше забывали о борьбе, так что даже выразили благодарность Квинкию за его содействие успокоению раздоров. Аппия просят стремиться только к такому величию власти, какое может быть в государстве, желающем согласия. В то время как трибуны и консулы все рвут к себе, посредине не остается вовсе сил⁶; государство разделено и растерзано; стремятся не столько к целостности его, сколько к обладанию им. Напротив, консул призывал в свидетели богов, что из трусости государство предают и покидают; не сенату недостает консула, а консулу сената; принимаются более тяго-

¹ Кафедру; только с места, освященного авгуриями, можно делать предложения народу.

² В куриатских комициях.

³ Право подавать голос имели все присутствующие, но не все, конечно, хотели пользоваться им; многие являлись, чтобы помешать правильному ходу дела.

⁴ *Viatores* (курьеры) исполняли все распоряжения трибунов.

⁵ Избираемые всем народом (*populus*) должностные лица имели право только *просить* расступиться, а не *приказывать*.

⁶ Существует лишь 2 партии, а между ними нет нейтрального государства, которое могло бы восстановить равновесие.

стные законы, чем были приняты на Священной горе. Тем не менее, побежденный единодушием сенаторов, он смолк.

58. Закон прошел тихо. Тогда трибуны в первый раз были выбраны в трибунских комициях. Пизон свидетельствует, что прибавлено было три трибуна, как будто бы раньше было два. Он приводит и имена трибунов: Гн. Сикций, Л. Нумиторий, М. Дуэллий, Сп. Ицилий, Л. Мецилий.

Во время беспорядков в Риме началась война с вольсками и эквами. Они опустошали поля, чтобы в случае удаления плебеев последним пришлось бежать к ним, но когда восстановлено было согласие, они отодвинули лагерь назад. Ап. Клавдий послан в землю вольсков, а на долю Квинкция достались эквы. Ту же суровость, которую Аппий проявлял дома, проявил он и на войне, но только с большей свободой, потому что она не стесняема была трибунскими оковами. Он ненавидел плебеев ненавистью, превышавшей ту, которую он унаследовал от отца; он считал, что он побежден ими; хотя и избрали как противовес власти трибунов его, единственного консула, но закон прошел, тот закон, который при помощи некоторых крутых мер прежние консулы остановили, хотя сенат и не возлагал на них таких надежд. Раздражение и негодование побуждали его суровый дух терзать войско жестокими распоряжениями. Но ничем нельзя было укротить воинов; столь сильно укрепился в них дух сопротивления! Все делалось медленно, с трудом, небрежно, высокомерно; ни стыд, ни страх не мешали идти тихо всякий раз, как вождь желал ускорить марш; если он являлся поощрять к работе, то все ослабляли прилежание, обнаруженное добровольно; в его присутствии опускали взоры, и если он проходил мимо, то втихомолку посылали ему проклятия; все это порой тревожило и этот дух, которого не могла сломить ненависть плебеев. Испробовав напрасно все крутые меры, он перестал разговаривать с воинами, говоря, что войско подкуплено центурионами, называл их иногда в насмешку народными трибунами и Волеронами.

59. Все это было известно вольскам, и тем сильнее они наступали, надеясь, что римское войско будет так же раздражено против Аппия, как было раздражено против консула Фабия. Впрочем, ненависть против Аппия была гораздо сильнее, чем против Фабия, ибо они не только не желали победить, как воины Фабия, но даже желали быть побежденными. Выведенные в строй, они в позорном бегстве устремились в лагерь и остановились только тогда, когда увидели движение вольсков на укрепления и позорное избивание арьергарда. Тогда они были вынуждены сразиться, так что победоносный уже враг был отброшен от вала; тем не менее ясно было, что римские воины не хотели только отдать свой лагерь, а во всем остальном они рады своему поражению и бесчестию. Когда, несколько не смущенный этим, суровый Аппий хотел еще прибегнуть к строгости и готов был созвать собрание, к нему сбегаются легаты и трибуны, убеждая его ни в каком случае не прибегать к власти, вся сила которой основывается на готовности слушаться. Все воины говорят, что они не пойдут на собрание, повсюду слышны голоса, требующие удаления лагеря из Вольсской области. Победоносный враг недавно был почти в воротах и на валу, и перед глазами всех очевидная, а не призрачная только великая беда. Уступив наконец ввиду того, что выгадывается только отсрочка наказания, он отменяет собрание, приказывает объявить на завтрашний день отправление, а на рассвете сигналом дает знак выступать. Когда вышедшее из лагеря войско развертывало строй, вольски, точно поднятые тем же сигналом, нападают на арьергард. Шум, достигший оттуда до авангарда, произвел такое смятение среди частей и отрядов, что невозможно было ни слышать команды, ни строиться. Все думали только о бегстве. И они неслись врассыпную через кучу трупов и

наваленного на них оружия так, что римляне только тогда остановили бегство, когда враг прекратил преследование. Собрав наконец воинов из рассеявшего их бегства, консул, напрасно посылавший вслед своим приказание вернуться, расположился лагерем на дружественной земле. Созвав собрание, он основательно упрекал войско, предавшее военную дисциплину, ушедшее от своих значков, спрашивая отдельных лиц, где их знамена, где их оружие, а затем, подвергнув наказанию розгами, казнил безоружных воинов, знаменосцев, покинувших знамена, кроме того центурионов и пользовавшихся двойным пайком¹, которые оставили свои ряды; из остального войска взят был по жребию для казни каждый десятий.

60. Напротив того в земле эквов консул и воины соперничали в предупредительности и услугах. Квинкий был более кроток по природе своей, а несчастная суровость товарища еще более склоняла его в пользу своего характера. Не решаясь выступить против вождя и войска, столь согласных между собой, эквы позволяли врагу ходить по их стране, опустошая ее; и ни в одну войну до того не была сгоняема добыча с более обширного пространства. Вся она была предоставлена воинам. Присоединялись и похвалы, которые не менее наград радовали их сердца. Войско вернулось более расположенным к вождю, а через него и к патрициям, помня, что им дан сенатом отец, а другому войску тиран.

Этот год, прошедший при различном военном счастье в жестокой борьбе дома и вне, особенно прославился трибутскими комициями, имевшими больше значения, как победа в затейной борьбе, чем по реальной выгоде, ибо с удалением из собрания патрициев сами комиции не столько усилили плебеев или ослабили патрициев, сколько утратили достоинства.

(284 г.) **61.** Последующий год, год консульства Л. Валерия и Т. Эмилия, был более бурным как вследствие борьбы сословий из-за аграрного закона, так вследствие суда над Ап. Клавдием; этот самый ожесточенный противник закона, поддерживавший дело владельцев общественного поля, точно третий консул, был привлечен к суду М. Дуиллием и Гн. Сикцием. Никогда до того не был привлекаем к народному суду более ненавистный обвиняемый по злобе и против него, и против отца его. Но и патриции едва ли выступали так усердно в защиту кого-нибудь другого: предавался ведь раздраженным плебеям борец за сенат и защитник его достоинства, стоявший против всех мятежей, поднимавшихся и трибунами, и плебеями, хоть и перешедший меру в борьбе. Сам Ап. Клавдий единственный из сенаторов ни во что не ставил и трибунов, и плебеев, и суд над собой. Ни угрозы плебеев, ни мольбы сената ни на минуту не могли его склонить не только переменить одежду и просить, но даже смягчить или убавить хот сколько-нибудь обычную резкость речи, когда пришлось говорить к народу. То же выражение лица, то же презрение во взоре, тот же тон речи, так что большая часть плебеев так же боялась Аппия подсудимого, как боялась его во время его консульства. Он сказал одну только речь в обычном своем обвинительном тоне и до того поразил своей твердостью и трибунов, и плебеев, что они добровольно отсрочили дело, а потом позволили затянуть его. Между тем прошло немного времени, но прежде чем наступил назначенный срок, он заболел и умер. Когда трибуны попытались помешать произнесению над ним похвального слова, то плебеи не пожелали лишить погребение такого великого мужа обычной почести, и, явившись в большом числе на похороны, столь же спокойно выслушали хвалы умершему, как слушали обвинения против живого.

¹ Награда эта давалась за храбрость.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
КНИГА I (753—509 гг. до н. э.).	6
Прибытие Энея в Италию и его деяния 1—2. Царствование в Альбе Аскания, а затем Сильвиев 3. Рождение Ромула и Рема 4. Основание Рима 5—7. Учреждение сената 8. Война с сабинянами 9—12. Деление народа на курии 13. Победа над фиденатами и вейентами 14—15. Апофеоза Ромула 16. Религиозные учреждения Нумы Помпилия 17—21. Тулл Гостилий опустошил Альбанскую область; бой Горациев и Куриациев 22—26. Измена и казнь Меттия Фуфетия 27—28. Разрушение Альбы 29. Победа над сабинянами 30. Смерть Тулла 31. Анк Марций победил латинян и основал Остию 32—33. Прибытие в Рим Лукумона 34. Воцарение Тарквиния Древнего; его победы и сооружения 35—38. Чудо над Сервием Туллем 39. Убиение Тарквиния и воцарение Сервия Туллия 40—41. Победа над вейентами; деление народа на классы; сооружение храма Дианы 42—45. Смерть Сервия Туллия 46—48. Воцарение Тарквиния Гордого; убийство Турна Гердония 49—52. Война с вольсками; разграбление Габий 53—54. Сооружения на Капитолии 55—56. Осада Арден; смерть Лукреции и изгнание царей 57—60.	
КНИГА II (509—468 гг. до н. э.).	51
Мероприятия Брута к обеспечению свободы; увеличение числа сенаторов 1. Удаление в изгнание Тарквиния Коллатина 2. Казнь сторонников Тарквиния и расхищение царского имущества 3—5. Война с вейентами и тарквинийцами; смерть Брута 6. Законы консула Валерия; освящение храма Юпитеру Капитолийскому 7—8. Война с Порсенной; подвиг Горация Коклеса 9—10. Осада Рима этрусками; подвиг Муция 11—12. Мир с Порсенной 13—14. Последняя его попытка вернуть Тарквиния в Рим 15. Война с сабинянами и переселение многих из них в Рим 16. Осада и взятие Пометии 17. Избрание диктатора и битва при Регилльском озере 18—20. Смерть Тарквиния Гордого 21. Колебание вольсков; договор с латинянами 22. Волнения среди плебеев 23—24. Победоносная война с вольсками 25. Отражение сабинян и аврунков 26. Притеснения плебеев; война с эквами, вольсками и сабинянами 27—31. Удаление плебеев на Священную гору; миссия Менения Агриппы 32—33. Подвиг Гн. Марция Кориолана и его изгнание 34—35. Чудесная болезнь и исцеление Латиния 36. Оскорбление вольсков 37—38. Кориолан, вождь их, под стенами Рима 39—40. Аграрный закон Кассия и гибель последнего 41. Аграрные смуты и внешние войны; раздражение плебеев 42—43. Измена трибунов интересов плебеев; борьба с вейями и победа римлян 44—47. Подвиг Фабиев и их гибель 48—50. Отражение вейентов от Рима 51. Суд над Т. Менением и Сп. Сервили-	

ем 52. Война с вейентами и сабинянами; нападение вольсков и эквов на латинян 53. Перемирие с вольсками; суд над Фурием и Манлием; убиение нар. триб. Гн. Генуция 54. Плебеи сопротивляются набору 55. Закон Волерона 56—57. Выбор 5 народных трибунов; вражда плебеев против Аппия и бегство их перед вольсками 58—59. Удачная война Квинкция с эквами 60. Суд над Аппием и смерть его 61. Опустошение полей эквов и сабинян 62. Отражение эквов, вольсков и сабинян; взятие Антия 63—65.

КНИГА III (467—446 гг. до н. э.) 95
 Выведение колонии в Антий 1. Война Фабия с эквами; ценз 2—3. Восстание этетранских вольсков и измена антиатов; неудача Фурия; помощь латинян и герников 4—5. Нападение эквов и вольсков на латинян и герников и движение к Риму 6. Беспомощное положение государства; умилоствление богов 7. Избиение вольсков 8. Попытка ограничить власть консулов 9. Внутренние раздоры 10—14. Занятие Капитолия изгнанниками и рабами; трибунские интриги 15—17. Помощь из Тускула 18. Протест Квинкция против трибунов 19—21. Война с вольсками 22. Захват эквами тускуланского кремля и возвращение его 23. Суд над Вольсцием 24. Восстание эквов 25. Нападение сабинян; Цинциннат избран диктатором 26. Поражение эквов и сабинян 27—29. Новое нападение эквов и сабинян; увеличение числа народных трибунов 30. Внутренние смуты; решено издать законы 31. Выбор децемвиров 32—33. Издание 10 таблиц законов; новый выбор децемвиров 34—35. Террор 36—37. Протест сената 38—39; прения 40—41. Военные неудачи 42. Убиение Сикция 43. Гибель Вергинии 44—48. Восстание в Риме 49—50 и в лагере 50. Выбор военных трибунов 50—51. Переход плебеев с Авентина на Священную гору, смятение сената 52. Переговоры с плебеями 53. Децемвиры слагают власть; возвращение плебеев и избрание нар. трибунов 54. Законы, обеспечивающие свободу 55. Суд над Аппием 56—57 и самоубийство его; суд над Оппием и М. Клавдием 58. Прекращение казней 59. Победа над эквами и вольсками 60—61. Победа над сабинянами; триумф консулов 62—63. Выборы новых магистратов на 306 г. 64. Вражда патрициев и плебеев 65. Нападение эквов и вольсков и победа над ними 66—70. Решение спора между арицийцами и ардеатами 70—71.

КНИГА IV (445—405 гг. до н. э.) 145
 Прения о законе Канулея (о браке между патрициями и плебеями) и его товарищей (о выборе консулов из плебеев) 1—6. Избрание военных трибунов с консульской властью 6. Удаление их; посольство из Ардеи; междуцарствие и выбор консулов 7. Учреждение цензуры 8. Раздоры в Ардее 9. Поражение вольсков 10. Выведение колонии в Ардею 11. Голод в Риме 12. Замысел Сп. Мелля и казнь его 13—14. Недовольство плебеев 15—16. Отпадение и наказание фиденатов 17—20. Чума в Риме и нападение фиденатов 21. Взятие Фиден 22. Волнение в Этрурии; сокращение продолжительности цензуры 23—24. Чума в Риме; нар. трибуны волнуют плебеев 25. Поражение эквов и вольсков 26—29. Засуха и чума; нападение вейентов 30. Поражение воен. триб. под Веями; движение вейентов к Фиденам 31. Поражение их диктатором Мамерком Эмилием, взятие Фиден, триумф 32—34. Безуспешные старания нар. триб. о получении плебеями военного трибуната 35—36. Война с вольсками и неудача Семп-

рония 37—40. Суд над военными трибунами 326 г. 40—41. Суд над Семпронием не состоялся 42. Поражение эквов; споры патрициев и плебеев из-за квестуры 43. Осуждение Семпрония 44. Заговор рабов; восстание Лабик; раздоры военных трибунов; неудачи римлян; победа их и взятие Лабик 45—47. Аграрные споры 48. Война с Болами; споры о выводе туда колонии; умерщвление воен. триб. Постумия 49—50. Казнь виновных; взятие Ферентина 51. Чума и голод 52. Нападение эквов и вольсков; победа консула Валерия и раздражение против него народа 52—53. Выбор плебейских квесторов 54. Смуты из-за выбора воен. триб. вместо консулов 55. Эквы готовятся к войне; споры из-за выбора диктатора; победа римлян 56—57. Потеря Верруго; война с вейентами 58. Взятие у вольсков Анксур 59. Установление жалованья за военную службу 60. Осада Вей; взятие у вольсков Артены 61.

КНИГА V (404—390 гг. до н. э.) 193

Осада Вей 1. Волнения плебеев из-за службы зимой 2—6. Восстановление согласия между сословиями 7. Раздоры военных триб. под Веями 8. Выбор новых магистратов и осложнение войны 9—10. Суд над Сергием и Вергинием 11—12. Выбор плебеев в военные трибуны; моровая язва; затруднения под Веями 13. Возвращение к власти патрициев; знамения; победа над тарквинийцами 14—16. Совет Дельфийского оракула; совещания этрусков; битва римлян с фалисками и капенатами 17—18. Падение Вей 19—23. Капенаты изъявили покорность; толки о переселении в Вей 24. Дар Аполлону Дельфийскому 25. Война с фалисками 26—27. Посольство в Дельфы; поражение фалисков 28. Отнятие у них римской колонии Вителлии; раздоры по вопросу о переселении в Вей 29—30. Поражение эквов; нападение большинийцев и саппинатов; мор 31. Победа над большинийцами и усмирение саппинатов; осуждение Камилла 32. Появление галлов в Италии 33—35. Посольство к ним из Рима 36. Движение галлов на Рим 37—38. Занятие и сожжение Рима 39—42. Неудачный штурм кремля 43. Поражение их под Ардеей и избиение тусков в вейентской земле 44—45. Возвращение Камилла из изгнания и назначение его диктатором 46. Неудачная попытка взять Капитолий 47. Сдача римлян 48; освобождение их Камиллом 49. Исполнение религиозных обетов 50. Отклонение Камиллом переселения в Вей 51—54. Восстановление Рима 55.

КНИГА VI (389—367 гг. до н. э.) 238

Внутренние мероприятия 1. Отпадение союзников; поражение эквов и вольсков 2, этрусков 3. Возвращение бежавших в Вей римлян; поражение эквов и тарквинийцев 4. Аграрный закон; увеличение числа триб 5. Война с антиатами и поражение их 6—8. Возвращение от этрусков Сутрия 9, Нерете 10. Замысел М. Манлия Капитолийского 11. Поражение вольсков и их союзников 12—13. Популярность Манлия 14. Заключение его в тюрьму; триумф Камилла над вольсками 15—16. Освобождение Манлия 17. Новые волнения плебеев, подстрекаемых Манлием 18; суд над ним и казнь его 19—20. Отпадение колоний и союзников 21. Враждебные действия пренестинцев; победа М. Фурия над вольсками 22—24. Покорность тускуланцев 25—26. Неудачная попытка привести в известность долговые обязательства плебеев 27. Вторжение пренестинцев в римские пределы 28. Триумф Цинцинната над ними 29. Война с вольска-

ми и новое восстание пренестинцев 30. Опустошение римлянами земли вольсков 31. Победа римлян под Сатриком 32. Покорность антиатов; сожжение латинянами Сатрика и занятие Тускула; возвращение Тускула римлянами 33. Сила патрициев и денежная зависимость от них плебеев 34. Законопроекты народных трибунов в пользу плебеев и протесты патрициев 35. Борьба изза них и уступки плебеев 36—41. Победа над галлами; избрание плебейского консула и двух патрицианских эдилов 42.

КНИГА VII (366—342 гг. до н. э.) 270

Смерть Фурия 1. Возникновение сценических представлений 2. Избрание диктатора для умиловивления гнева богов 3. Обвинение Манлия и почтительность к нему его сына 4—5. Самопожертвование М. Курция; гибель плебейского консула в земле герников 6. Победа над герниками 7—8. Столкновение с галлами и победа над ними 9—10. Новое поражение галлов и тибуртинцев 11. Отражение тибуртинцев от Рима; нападение тарквинийцев; помощь от латинян и война с галлами 12. Осторожность диктатора Сульпиция; решительное поражение галлов и герников; преступление тарквинийцев 13—15. Поражение привернатов 16. Успех фалисков и поражение их первым плебейским диктатором 17. Возвращение консульства патрициям 18. Поражение тибуртинцев и наказание тарквинийцев; союз с самнитянами и враждебные действия церитов 19; покорность их 20. Облегчение долговых обязательств; перемирие с тарквинийцами; плебейский цензор 21—22. Поражение галлов на латинской территории 23—24. Столкновение галлов с морскими разбойниками; меры римлян против них 25. Поражение галлов и удаление греков 26. Восстановление вольсками Сатрика и разрушение его римлянами; договор с Карфагеном; меры к облегчению долговых обязательств 27. Поражение аврунков; сооружение храма Монете 28. Нападение самнитјd на Кампанию 29. Кампанцы просят помощи Рима 30 — и подчиняются ему 31. Удачная война римлян с самнитянами в Кампании 32—33. Подвиг П. Деция в Самнии 34—36. Битва под Свессулой 37. Влияние этих побед; замысел римских воинов отнять у кампанцев Капую 38. Мера консула Марция и заговор воинов 39. Усмирение их М. Валерием Корвом 40—41. Разногласие писателей, свидетельствующих об этом событии 42.

КНИГА VIII (342—322 гг. до н. э.) 303

Взятие Приверна и поражение вольсков у Сатрика; покорность самнитян 1. Нападение самнитян на сидицинов и сдача последних латинянам; вторжение их в союзе с кампанцами в Самний; самнитяне просят римлян остановить латинян и кампанцев; нерешительность римлян 2. Латиняне готовятся отпасть от Рима; вызов вождей их в Рим 3. Латиняне требуют назначения одного консула из их среды; отказ римлян; выступление против латинян 4—6. Подвиг Манлия и казнь его отцом 7. Устройство римского войска 8. Битва при Везере; самопожертвование Деция 9. Поражение латинян 10. Новое поражение латинян; наказание их и их союзников 11. Восстание антиатов; сосредоточение их у Педа; раздоры в Риме 12. Падение Педа и усмирение Лация 13—14. Война между аврунками и сидицинами; первый претор из плебеев 15. Победа римлян над авзонами; взятие Кал 16. Волнение сидицинов; война самнитян с Алексан-

дром Эпирским 17. Казнь матрон, обвиненных в отравлении граждан 18. Покорность самнитян; победа над фунданцами 19. Взятие Приверна 20. Решение участи привернатов 21. Столкновение с Палеполем 22. Участие самнитян и переговоры с ними римлян 23. Смерть Александра Эпирского 24. Взятие Паллеполя 25—26. Отпадение луканцев от союза с римлянами 27. Отмена рабства за долги 28. Победы римлян над вестинцами 29. Победа Кв. Фабия над самнитянами и гнев диктатора Папирия 30. Участие воинов в судьбе Фабия; приговор диктатора; просьбы народа; помилование Фабия 31—35. Примирение Папирия с войском и победа над самнитянами 36. Восстание самнитян и война с Апулией; примирение с тускуланцами 37. Победа над самнитянами диктатора А. Корнелия Арвины и покорность самнитян 38—40.

КНИГА IX (321—304 гг. до н. э.) 338

Понтий убеждает самнитян начать новую войну против Рима 1. Движение римлян к Луцерии через Кавдий; безвыходное положение их 2. Сопещания самнитян 3. Римляне приняли позорные условия мира; участие Капуи 4—6. Уныние в Риме 7. Сопещания в сенате 8—9. Выдача виновников договора 10. Отказ самнитян принять выданных 11. Взятие самнитянами Фрегелл; движение римлян к Луцерии и в Самний 12. Победа в Самнии 13. Неудачное посредничество тарентинцев 14. Взятие Луцерии 15. Победа над френтанами и взятие Сатрика римлянами; характеристика Папирия 16. Размышления о возможном исходе войны римлян с Александром Мак. 17—19. Распространение римского влияния в Апулии 20. Осада и взятие римлянами Сатикулы 21—22. Поражение самнитян у Лавтул 23. Взятие римлянами Соры 24. Истребление племени авзонов 25. Суровое наказание Луцерии; заговор в Капуе; диктатор Г. Мений и суд над ним 26. Поражение самнитян у Кавдия 27. Взятие Фрегелл и Нолы; выведение колоний в Свессу, Понтию и Интерамну 28. Приготовление к войне с этрусками; цензура Ап. Клавдия; гибель рода Поттицев 29. Восстановление сената в том составе, какой был до цензуры Ап. Клавдия; расширение прав народа; бунт флейтистов 30. Взятие Клувиана и Бовиана; поражение самнитян 31. Битва с этрусками у Сутрия 32. Борьба против единоличной цензуры Ап. Клавдия 33—34. Поражение этрусков у Сутрия 35. Союз с умбр. гор. Камерином 36. Новая победа над этрусками и покорность этр. городов 37. Взятие римлянами Аллиф; экспедиция рим. флота к берегам Кампании; нерешительная битва с самнитянами; выбор диктатора 38. Победа над этрусками у Вадимонского озера 39. Победа над самнитянами; взятие Перузия 40. Успехи римского оружия в Самнии и Этрурии; неудачные замыслы умбров 41. Удачная война с саллентинцами; битва с самнитянами под Аллифами 42. Покорность герников после неудачной войны; успехи римлян в Самнии 43. Победа над самнитянами и взятие Бовиана 44. Покорность самнитян; разрыв с эквами; взятие 31 города 45. Избрание в эдилы плебея Гн. Флавия; образование 4 городских триб 46.

КНИГА X (303—293 гг. до н. э.) 387

Устройство колоний и покоренных городов; экспедиция в Умбрию; победа над эквами 1. Экспедиция Клеонима Лакед. к берегам Италии; победа над ним патавийцев 2. Победа римлян над марсами; неудача в Этрурии 3. Прибытие дик-

татора и взятие этрусского лагеря 4—5. Избрание плебеев в понтифики и авгуры 6—8; подтверждение закона об апелляции к народу; война с эквами; осада Неквина 9. Взятие его; неудачная попытка этрусков поднять галлов против Рима 10. Опустошение Этрурии; вызывающий образ действий самнитян 11. Союз Рима с Луканией; победы под Волатеррами и у Бовиана 12. Этруски и самнитяне готовятся к новой войне; избрание в консулы Кв. Фабия Максима 13. Блестящая победа над самнитянами 14. Победа над апулийцами; опустошение Самния 15. Самнитяне стараются поднять этрусков 16. Разорение самн. городов и обогащение рим. войска добычей 17. Грандиозные приготовления в Этрурии; раздоры рим. консулов; победа римлян 18—19. Удачи самнитян; поражение их и возвращение захваченной ими добычи 20. Рим встревожен настроением Этрурии и соседних племен 21. Выбор консулов для этих войн 22. Спор между патрицианскими и плебейскими женщинами; суд над ростовщиками 23. Спор между консулами, кому где воевать 24. Фабий в Этрурии 25. Неудача Сципиона там же 26. Решительная битва с галлами и самнитянами; самопожертвование П. Деция; победа римлян 27—29. Удачи римлян в Этрурии и Самнии 30. Новое поражение союзников; трудность и продолжительность самнитских войн 31. Новая война в Самнии; нападение самнитян на рим. лагерь 32. Отражение их; прибытие подкреплений из Рима 33. Занятие римлянами покинутых самнитских городов 34. Нерешительная битва консула Атилия с самнитянами в Апулии; взаимная боязнь противников; победа римлян 35—36. Неудачная попытка самнитян занять Интерамну и наказание их 36. Опустошение Этрурии; покорность главных этрусских городов; триумф консула без согласия сената 37. Чрезвычайные приготовления самнитян 38. Консулы опустошают Самний и готовятся к решительной битве 39. Обманное показание пуллария и смерть его 40. Поражение самнитян, занятие их лагеря и Аквилонии 41—42. Взятие римлянами Коминия 43. Консулы награждают воинов и идут разрушать самн. города 44. Восстание фалисков; успехи римлян в Самнии 45. Триумф Папирия; ропот народа на налоги; успехи в Этрурии; триумф Карвилия 46. Внутренние события 47.

КНИГА XXI (219—218 гг. до н. э.) 429

Введение. Гамилькар в Испании. Газдрубал 1—2. Характеристика Ганнибала 3—4. Покорение им олькадов и карпетанов 5. Осада Сагунта 6—9. Неудачное посольство римлян к Ганнибалу и в Карфаген 10—11. Неудачная попытка помирить Сагунт с Ганнибалом 12—13. Падение Сагунта 14—15. Смятение в Риме. 16. Римляне готовятся к войне с Карфагеном. 17—18. Неудачное посольство римлян в Испании и Галлии. 19—20. Передышка испанцам. Подготовка к обороне Африки и Испании. Сон Ганибалла 21—22. Переход Ганнибала через Ибер и Пиренеи, заключение мира с галлами 23—24. Восстание боев и инсубров 25. Ганнибал организует пеореpravу через Родан 26—28. Столкновение отрядов П. Корнелия и Ганнибала 29. Ганнибал поддерживает боевой дух войска и подходит обходным путем к Альпам 30—31. П. Корнелий возвращается в Италию. Попытка галлов задержать Ганнибала оканчивается неудачей 32—33. Опасности в пути 34—37. Ганнибал в Италии 38. Неуверенность галлов 39. П. Корнелий обращается к воинам с речью 40—41. Ганнибал выступает с речью 42—44. Римляне терпят по-

ражение на берегу Тицина 45—46. Переход Ганнибала через Пад и наступает римлян 47. Ганнибал овладевает Кластодием 48. Флот карфагенян у берегов Сицилии 49. Битва у Лилибея. Консул Т. Семпроний в Мессане 50. Семпроний занимает Мелиту. Карфагенский флот нападает на Италию. Семпроний спешит к Требии 51. Замешательство галлов. Разорение Ганнибалов земель галлов. Наступление римской конницы 52. Битва при Требии 53—56. Смятение в Риме, новые выборы. Ганнибал предпринимает новые походы 57. Ганнибал достигнут бурей в Аппенинах 58. Битва при Платенции 59. Сципион празднует победу в Испании над Ганноном 60. Мятеж, организованный Газдубалом, подавлен 61. Чудесные знамения и жертвы богам в Риме 62. Фламиний выдвигается в Этрурию 63.

КНИГА XXII (217—216 гг. до н. э.) 473
 Недовольство галлов Ганнибалом. Римляне выступают против Фламиния. Жертвоприношения богам в Риме 1. Трудности Ганнибала на пути в Арретий 2. Фламиний решает сразиться с Ганнибалом 3. Битва при Тразиментском озере 4—6. Рим в панике 7. Римляне терпят поражение при Умбрии. Квинт Фабий Максим становится диктатором 8. Выступление Ганнибала. Жертвоприношения 9—10. Рим занимает оборону 11. Предусмотрительность Фабия 12. Ганнибал в Кампании 13. Заговор начальника конницы против диктатора 14. Фабий непреклонен. Гибель Манцина. Ганнибалу отрезан обратный путь 15. Счастливое спасение Ганнибала 16—17. Фабий преследует Ганнибала. Фабий отправляется в Рим 18. Победа римлян у берегов Испании и ее последствия 19—20. Восстание испанских племен против Карфагена 21. Публий Сципион направляется к Сагунту 22. Недовольство римских воинов Фабием 23. Столкновение начальника конницы с Ганнибалом 24. Диктатор и начальник конницы уравниваются в своих правах 25—26. Разделение между ними войска 27. Начальник конницы допускает оплошность 28. Фабий его спасает 29. Примирение и объединение войска 30. Возвращение Семпрония после неудачной попытки высадиться в Африке 31. Единодушие консулов. Посольство неаполитанцев в Рим 32. Внутренние и внешние дела римлян 33. Выборы консулов 34—35. Набор новобранцев. Жертвоприношения 36. Посольство от Гиерона 37. Воины принимают присягу. 38. Фабий убеждает Эмилия 39. Ганнибал в критическом положении 40. Успехи римлян и план Ганнибала 41. Предусмотрительность Эмилия Павла и предупреждение безрассудства Варрона 42. Ганнибал на пути в Апулию, встреча войск у Канн 43. Битва при Каннах. Гибель консула Эмилия Павла 44—49. Оставшаяся римская армия отправляется в Канузий 50. Бездействие Ганнибала 51. Ганнибал захватывает меньший римский лагерь. Ганнибал погребает убитых воинов 52. Сципион возглавляет бежавших римлян 53. Соединение остатков каннского войска. Сенат отказывается выкупить пленных 58—61.

КНИГА XXIII (216—215 гг. до н. э.) 515
 Ганнибал занимает Компсы и пытается овладеть Неаполем 1. Пакувий Калавий захватывает власть в Капуе 2—3. Аристократия заискивает перед чернью. 4. Капуя намеревается отложиться от Рима 5—6. Капуя сдается Ганнибалу 7—9. Суд над М. Децием 10. Возвращение в Рим посольства из

Дельф 11. О победах Ганнибала узнают в Карфагене 12—13. Рим начинает вооружаться. Нола готовится сдаться Ганнибалу 14. Взятие Ганнибалом Нущерии. Положение дел в Ноле 15—16. Действия под Казилином 17—18. Зимовка армии Ганнибала в Капуе 19. Посольство петелийцев в Рим 20. Известия из Сицилии и Сардинии 21. Пополнение сената 22—23 Выборы в Риме. Известие о поражении Постумия в Галлии 24. Сенат выделяет войска для ведения войны с Ганнибалом 25. Восстание испанских племен против карфагенян и усмирение их Газдрубалом 26—27. Гамилькон заменяет Газдрубала, римляне пытаются задержать его 28. Победа римлян 29. Успехи карфагенян в Бруттии. Волнения в Сицилии. События в Риме до конца 538 года. 30. Дополнительные выборы 31. Сардиния готова отложиться от Рима 32. Переговоры Филиппа Македонского с Ганнибалом 33—34. Подготовка к обороне Сардинии 35. Осада Ганнибалом Кум. Римский гарнизон отражает атаку 36—37. Предотвращение войны с Филиппом Македонским 38. Посольство Филиппа к Ганнибалу. Римляне завоевывают города Кампании 39. Победа римлян в Сардинии 40—41. Победа римлян на море над карфагенцами. Нападение римлян на самнитов 41—41. Безуспешная попытка Ганнибала склонить Нолу к отложению от Рима 43. Битва под стенами Ноля. Ганнибал удаляется в Апулию. Фабий опустошает Кампанию 44—48. Снабжение испанской армии 48—49. Победа Сципионов и союз испанских племен с римлянами 49.

КНИГА XXIV (215—213 гг. до н. э.) 552

Карфагеняне занимаю Регул 1. Брутты идут на Кротон. Жители уходят в Локры 2—3. Гиероним воцаряется в Саракузах 4—5. Переговоры Гиеронима с Ганнибалом 6. Гибель Гиеронима 7. Выборы в Риме 8—9. Провинции делят между должностными лицами в 540 году. Чудесные знамения и жертвоприношения 10. Набор легионов и снаряжение флота 11. Ганнибал идет на ПUTEОЛЫ 12. Ганнибала приглашают тарентийцы. Неудачное нападение на ПUTEОЛЫ и Нолу 13. Победа Тиберия Гракха у Луцерии 14—15. Победа римлян над Ганнибалом под Нолой 17. Законы об исправлении нравственности граждан, доверие государственному кредиту 18. Взятие римлянами Казилина 19. Успехи римлян в Южной Италии. Ганнибал не смог завладеть Таррентом 20. Волнение в Сиракузах после смерти Гиеронима 21—25. Истребление царского рода 26. Сиракузы настроены против римлян 27. Партия сторонников Рима побеждает 28. Леонитины начинают войну против римлян и отпадают от Сиракуз 29. Взятие Леонтин римлянами, восстание сиракузской армии против римлян 30—31. Волнение в Сиракузах 32. Начала войны с Сиракузами 33. Осада Сиракуз. 34. Прибытие на Сицилию подкрепления из Карфагена и Рима, сицилийские города переходят на сторону Карфагена 35—36. Подавление бунтовщиков в Энне привело к отпадению всех сицилийских городов от Рима 37—39. Неудачная осада Филиппом Македонским Аполлонии 40. События в Испании 41—42. Выборы в Риме и распределение армии на 541 год 43—44. Занятие римлянами Арп 45—47. Нумидийский царь Сифак вступает в союз с Римом 48. Победа Масиниссы над Сифаком 49.

КНИГА XXV (213—212 гг. до н. э.)	586
Ганнибал под Таррентом, присоединению к Риму старых союзников, искоренение иноземных суеверий 1. Выборы в Риме 2. Распределение провинций и армий между должностными лицами в 542 году, суд над Постумием 3—4. Затруднения при наборе, обращение сицилийских воинов к сенату 5—7. Чудесные знамения. Отпадение Тарента к Ганнибалу 7—10. Осада Тарентинской крепости. 11. В Риме устраивают игры в честь Аполлона 12. Капуя в затруднительном положении. Ганнон потерял лагерь 13—14. Отпадение Фурий к Ганнибалу 15. Гибель Гракха 15—17. Опустошение Кампании римлянами 18. Ганнибал под стенами Капуи, гибель пятитысячного римского отряда 19. Римляне готовятся к осаде Капуи 20. Фульвий разбит под Гердонией 21. Осада Капуи римлянами 22. Взятие части Сиракуз 23—24. Взятие Евриала 25. Осада Ахрадины. Чума 26. Карфагенский флот уходит к Таренту 27. Сдача Ахрадины римлянам 28—31. Положение римлян в Испании 32—33. Гибель Публия Сципиона и Гнея 34—36. Остатки римской армии завладевают двумя карфагенскими лагерями 37—39. Марцелл устраивает дела в Сицилии 40—41.	
КНИГА XXVI (211—210 гг. до н. э.)	623
Распределение сенатом войск на 543 г. 1. Ответ сената Л. Марцию; изгнание Гн. Фульвия 2—3. Стычки под Капуей 4. Битва с Ганнибалом под Капуей 5—6. Ганнибал решается идти на Рим 7. Мероприятия к защите Рима 8. Прибытие Фульвия Флакка 9. Паника в Риме 10. Отступление Ганнибала 11. Флакк возвращается к Капуе; отчаяние капуанцев; вестник, отправленный к Ганнибалу, перехвачен: казнь изменников-нумидийцев 12. Совещания в Капуе 13. Самодурейство нескольких изменивших Риму сенаторов; вступление римлян в город 14. Казнь остальных изменников 15. Взятие римлянами Ателлы и Калатии 16. Г. Нерон отправлен в Испанию; хитрость Газдрубала 17. Назначение П. Сципиона главнокомандующим в Испанию и прибытие его туда 18—19. Распоряжения его. Временное появление карфагенского флота у Тарента 20. Торжественный въезд в Рим М. Марцелла; волнения в Сицилии 21. Выбор консулов на 544 г. 22. События в Риме 23. Этолийцы заключают союз с римлянами и начинают войну с Филиппом 24. Мероприятия Филиппа к ограждению своего царства от соседей; вражда этолийцев и акарнанцев 25. Взятие Антикиры Левином и отъезд его в Рим. Жалобы сицилийцев на Марцелла; недовольство в Риме 26. Пожар в Риме и наказание поджигателей; кампанцы едут с консулом Левином в Рим жаловаться на Кв. Флакка 27. Доклад сенату о положении провинций и решения его 28. Консулы меняются доставшими им по жребию провинциями 29. Жалобы сицилийцев и решение по ним сената 30—32. Жалобы кампанцев и решение по ним сената 33—34. Затруднительному положению римского казначейства помогают частные лица 35—36. Настроение в Риме и в Карфагене 37. Беспокорство Ганнибала; взятие римлянами Салапии 38. Поражение римского флота близ Тарента; успехи в Таренте 39. Распоряжения Левина в Сицилии; взятие им Агригента. Умиротворение Сицилии 40. Речь Сципиона к воинам 41. Взятие Нового Карфагена 42—46. Добыча, взятая тут 47. Награды воинам 48. Распоряжения относительно пленных 49—50. Мероприятия Сципиона для дальнейших действий; впечатление, произведенное его победой на испанские племена 51.	

КНИГА XXVII (209—207 гг. до н. э.)	665
Взятие римлянами Марморей и Мел и поражение их при Гердонии 1. Битва при Нумистроне: отступление Ганнибала 2. События в Кампании 3. Сношения с Сифаком; посольство в Александрию. Предзнаменования 4. Прибытие в Рим консула Валерия. Набег римлян на Утику; тревожные известия из Карфагена; отъезд консула в Сицилию; назначение диктатора для выборных комиций 5. Выборы 6. Доклад Лелия в сенат о событиях в Испании. Распределение провинций и армий на 545 г. 7. Замещение жреческих должностей; положение Сицилии 8. Недовольство плебеев; отказ 12 колоний от военной службы; верность остальных колоний; устранение денежных затруднений 9—10. Предзнаменования. Выбор цензоров и главы сената; распоряжения цензоров 11. Отъезд консулов из Рима; поражение Марцелла близ Канузия 12. Речь Марцелла к воинам 13. Поражение Ганнибала 14. Итальяские племена покидают Ганнибала; взятие римлянами Тарента 15—16. Неудавшийся план Ганнибала относительно Фабия 16. Сципион приобретает в Испании новых союзников 17. Поражение Газдрубала 18. Сципион отказывается от предложенного ему испанцами титула царя: освобождает нумидийца Массиву 19. Газдрубал решает идти в Испанию. Нападки в Риме на Марцелла 20. Оправдание его. Выборы в Риме. Волнения в Этрурии 21. Распределение провинций и армий на 546 г. 22. Предзнаменования; чума в Риме 23. Занятие римлянами Арретия 24. Суд над тарентинцами и Ливием. Построение храма Храбрости. Неудачная осада Локр римлянами 25. Гибель Марцелла 26—27. Неудавшаяся попытка Ганнибала хитростью взять Салапию; освобождение Локр от новой осады римлянами 28. Тревога в Риме. Удачный набег римлян на Африку 29. Появление Филиппа в Греции, неудачи этолийцев; переговоры о мире 29—30. Неудачная высадка римлян в Греции. Торжество Филиппа и раздражение против него греков 31. Неудача царя у Элиды; взятие им Пирга; удаление его в Фессалию 32. Отступление царя в Македонию. Выборы консулов на 547 г. 33—34. Заботы о делах в Греции; примирение новых консулов 35. Слухи о движении Газдрубала в Италию. События в Риме 36. Предзнаменования. Праздник в честь Юноны 37. Пополнение армий новыми наборами 38. Переход Газдрубала через Альпы 39. Тревога в Риме; неудачи Ганнибала 40. Поражение его у Гадрумента; отступление в Апулию; консул Нерон преследует его 41—42. Вестники Газдрубала перехвачены римлянами; план Нерона 43. Тревога в Риме 44. Быстрое движение Нерона на соединение с другим консулом 45. Соединение их и решение дать немедленно битву Газдрубалу 46. Попытка Газдрубала избежать битвы 47. Решительное поражение его 48—49. Возвращение Нерона. Радость в Риме. Опечаленный Ганнибал удалился в землю бруттиев 50—51.	
КНИГА XXVIII (207—205 гг. до н. э.)	709
Кильтиберы разбиты Сираном; пунийский вождь уклоняется от битвы 1—2. Взятие Л. Сципионом Оронгиса 3. Удаление римских войск на зимние квартиры. Набег на Африку и победа римского флота над карфагенским 4. Затруднительное положение Филиппа; осада Ореи римлянами и Атталом 5. Взятие Ореи; неудача под Халкидой 6. Филипп спешит на помощь Халкиде, Аттал разграбляет город Опунт. Удаление Аттала и отступление римлян; неудача лакедемонского царя Маханида 7. Успокоение Греции 8. Возвращение в Рим кон-	

сулов и триумф их 9. Выборы должностных лиц на 548 г. и распределение провинций и военных сил 10. Чудесные знамения; возвращение земледельцев на свои поля. Опустошение области Консентии, покорение Лукании 11. Ганнибал бездействует. Карфагеняне производят новый набор в Испании 12. Сципион тоже набирает союзных испанцев; удачная стычка с карфагенянами 13. Решительная победа римлян; переход на их сторону испанцев: бегство Газдрубала 14—15. Преследование беглецов; удаление Газдрубала в Африку; Масинисса переходит на сторону римлян. Окончательное изгнание карфагенян из Испании 16. Радость в Риме. Поездка Сципиона к Сифаку 17—18. Наказание Илитургиса и Кастулона 19—20. Сципион устраивает игры в Новом Карфагене 21. Разгром Астапы. Подчинение всей Испании римлянам. Осада Гад 22—23. Болезнь Сципиона вызывает волнение среди испанцев и в римском лагере под Сукроном 24. Успокоение римских воинов и испанцев 25. Расправа с бунтовщиками из лагеря под Сукроном 26—29. Заговор о передаче Гад римлянам открыт. Столкновение кораблей Лелия с карфагенскими 30. Снятие осады с Гад. Сципион решает наказать взбунтовавшихся испанцев 31—32. Поражение испанцев и взятие их лагеря 33. Испанцы изъявили покорность 34. Договор Сципиона с Масиниссой 35. Неудачная попытка Магона овладеть Новым Карфагеном 36. Удаление Магона от Гад и сдача их римлянам 37. Прибытие Сципиона в Рим. Он выбран в консулы; выбор прочих должностных лиц на 549 г. 38. Прием сенатом сагунтинского посольства 39. Дебаты в сенате по поводу требования Сципиона назначить ему провинцией Африку 40—45. Сципион набирает добровольцев и отправляется в Сицилию; распоряжения относительно прочих должностных лиц; переправа Магона в Италию 45—46.

КНИГА XXIX (205—204 гг. до н. э.) 749
Снаряжение и обучение 300 воинов за счет сицилийцев; распоряжения насчет армии; успокоение Сиракуз и всей Сицилии: испанцы замышляют изгнать римлян 1. Победа римлян над мятежниками 2. Казнь виновников мятежа и успокоение Испании. Высадка Лелия в Африке и паника в Карфагене 3. Меры к защите Карфагена; возвращение Лелия в Сицилию к Сципиону 4. Магон вызывает волнения в С. Италии 5. Возвращение Локр римлянами 6—7. Жестокость Племиния и мятеж воинов против него 8—9. Болезни в лагере консула Лициния. Послы отправлены за Матерью Богов из Рима в Пессинунт 10—11. Выборы на 550 г. 11. Столкновение Филиппа с Семпронием и мир между ними 12. Распределение провинций на 550 г. 13. Встреча Матери Богов в Риме 14. 12 колоний, отказавшихся от службы, выставили требуемое количество войска 15. Возвращение частным лицам занятых у них казной денег. Прибытие локрийских послов 16. Жалоба их в сенате 17—18. Совещание и постановление сената по этому поводу 19—20. Распоряжения командированного сенатом претора в Локрах 21. Свидание его со Сципионом в Сиракузах. Судьба Племиния 22. Сифак породнился с Газдрубалом и уклоняется от заключенного со Сципионом союза 23. Приготовления Сципиона к отплытию в Африку и переправа туда 24—27. Паника в Карфагене 28. Поражение карфагенской конницы. Прибытие Масиниссы к Сципиону 29. Судьба Масиниссы 29—33. Сципион у Утики; новое поражение карфагенян у Салеки 34. Приготовления к осаде Утики и отказ от этого предприятия 35. Действия консулов в Италии 36. Рас-

поражения цензоров в Риме; их соперничество 37. Выборы на 551 г.; события в Риме 38.

КНИГА XXX (203—201 гг. до н. э.) 777

Распределение провинций на 551 г.; известия о знамениях 1—2. Деятельность Сципиона в Африке; переговоры с Сифаком 3. Сожжение карфагенского и нумидийского лагерей 4—6. Настроение в Карфагене; новые вооружения карфагенян 7. Победа Сципиона над ними 8. Паника в Карфагене; Ганнибала вызывают из Италии 9. Удача карфагенян на море у Утики 10. Поражение и пленение Сифака 11. Масинисса занял Цирту и женился на Софонибе, жене Сифака 12. Сифак в лагере Сципиона 13. Масинисса возвращается к Сципиону в лагерь 14. Смерть Софонибы. Сципион награждает Масиниссу 15. Сципион заключает перемирие с карфагенянами 16. Радость в Риме; сенат принимает посольство Масиниссы 17. Победа римлян над Магоном в С. Италии 18. Удаление Магона из Италии; смерть его. Действия консулов 551 г. 19. Удаление Ганнибала из Италии 20. Опасения в Риме. Прием сагунтинских послов 21. Карфагенские послы в сенате 22. Мир не состоялся 23. Попытка консула Гн. Сервилия переправиться в Африку. Следствие над городами, изменившими Риму. Неудачная переправа Гн. Октавия из Сицилии в Африку. Преступление карфагенян 24. Новое коварство их. Перемирие нарушено. Прибытие Ганнибала в Африку 25. Действия Филиппа. События в Риме. Характеристика Кв. Фабия Максима 26. Распределение провинций на 552 г. 27. Беспокойство в Риме и в Карфагене 28. Уверенность Сципиона. Свидание Сципиона с Ганнибалом 29—31. Поражение Ганнибала 32—35. Сципион появляется у Карфагена. Поражение Вермины, сына Сифака. Послы карфагенян в лагере Сципиона 36. Условия, предложенные Сципионом, приняты карфагенянами. События в Риме 37—38. Неудачная переправа консула Клавдия в Африку; выборы на 553 г. 39. Карфагенские послы в Риме. Распределение провинций на 553 г. 40—41. Прием сенатом македонских и карфагенских послов 42. Заключение мира с карфагенянами 43. Уныние карфагенян 44. Возвращение Сципиона в Рим; триумф его 45.

КНИГА XXXI (201—200 гг. до н. э.) 809

Причины Македонской войны 1. Вести из Азии; римское посольство в Египет. Успехи и поражения римлян в земле боев 2. Прибытие римского флота к македонскому берегу 3. Надел ветеранов Сципиона землей. Выборы и праздники в Риме 4. Сенат решил начать войну с Филиппом 5. Народ утвердил это решение 6—7. Объявление войны и распределение армий на 554 г. 8. Посольство от Птоломея; обеты 9. Бунт в Цизальпийской Галлии 10. Римляне отправляют посольство в Африку; послы Вермины в Риме 11. Известие об ограблении сокровищницы Прозерпины в Локрах; чудесные знамения и умиловления их 12. Расчет с кредиторами государства 13. Переправа римлян в Македонию и союз Филиппа с Антиохом Сирийским; причина нападения Филиппа на Афины 14. Союз афинян с Атталом и родосцами 15. Успехи Филиппа 16. Падение Абида; неудачное заступничество римлян 17—18. Действия римских послов в Африке 19. Л. Лентул торжественно вступает в Рим после победы в Испании 20. Победа над галлами под Кремоной 21. Радость в Риме. Римский флот у

Афин 22. Удачное нападение римлян на Халкиду 23. Филипп у Афин дает удачную битву афинянам 24. Отступление Филиппа; неудачная попытка вовлечь в войну ахеян 25. Неудачи Филиппа под Элевзином, Пиреем и Афинами 26. Успехи римлян в Иллирии 27. Приготовления противников к дальнейшей борьбе 28. Они стараются склонить на свою сторону этолийцев 29—31. Решение этолийцев 32. Успехи консула в Иллирии 33. Неудачные битвы Филиппа с консулом Сульпицием 34—38. Отступление Филиппа; победоносный поход римлян до границ Македонии 39—40. Этолийцы становятся на сторону врагов Филиппа 40 и разбиты им в Фессалии 41—42. Дарданы отражены от Македонии; наемники из Этолии отправляются в Египет 42. Соединение римского флота с флотом Аттала. Постановления афинян против Филиппа 43—44. Занятие римлянами Гавриона; дальнейшие действия союзного флота 45. Переговоры с этолийцами; осада и взятие Орея 46. Отплытие флота на зимовку. Положение в Этрурии 47. Триумф претора Л. Фурия 48—49. События в Риме 49—50.

КНИГА XXXII (199—197 гг. до н. э.) 838
Распределение провинций между должностными лицами 555 г. Известия о чудесных знамениях 1. Посольство из Карфагена. Увеличение числа колонистов в Нарнии 2. Бунт воинов в Македонии 3. Неудача Филиппа под Фавмаками 4. Приготовления его к продолжению войны 5. Действия консула Виллия 6. Выбор цензоров. За победу в Испании Ацидину назначена орация. Неудачи в С. Италии. Выбор должностных лиц на 556 г. 7. Распределение провинций и армий; послы царя Аттала в сенате 8. Известия о знамениях; прибытие консулов в Галлию и Македонцы 9. Неудачные переговоры Квинкция с Филиппом; стычки противников 10. Поражение Филиппа римлянами 11—12. Отступление Филиппа; разорение фессалийских городов этолийцами 13. Удачные действия афаманов в Фессалии; соединение римлян с эпиротами и анаманами 14. Действия консула в Фессалии 15. Занятие Эретрии римским флотом и союзниками 16. Взятие Кариста; неудача консула в Фессалии 17. Действия его в Фокиде 18. Переговоры с ахеянами 19—22. Союз их с Атталом и родосцами; отправление послов к римлянам; неудачная осада Коринфа 23. Консул взял Эллатею 24. Аргос и Коринф подчиняются Филиппу 25. Бунт рабов близ Рима 26. Подкрепление римских войск в Греции; выборы должностных лиц на 557 г. 27. Распределение провинций и армий 28. Удачные действия консулов в Галлии 29—31. Бунт в Опунте; переговоры Квинкция с Филиппом 32—36. Послы царя и римских союзников в Риме 37. Филипп передает Аргос Набиду 38. Соглашение Набида с Квинктием; действия Набида в Аргосе 39—40.

КНИГА XXXIII (197—195 гг. до н. э.) 863
Присоединение беотийцев к союзу с Филиппом 1—2. Филипп и Квинктий готовятся к решительному бою 3—5. Встреча под Феррами и движение к Скотуссе 6. Македонцы разбиты римлянами 7—9. Преследование побежденных 10. Филипп просит мира 11. Недовольство римских союзников 12. Условия мира с Филиппом 13. Победа ахеян над македонцами под Коринфом 14—15. Волнения в Акарнании 16. Взятие Левкадии римлянами 17. Попытка родосцев отнять у Филиппа Перею 18. Дарданы усмирены Филиппом. Действия Антиоха

19. Энергичный образ действия родосцев 20. Смерть Аттала. В Дальней Испании начинается бунт 21. Триумфы консулов 22–23. Выборы на 558 г. Послы Филиппа в Риме 24. Распределение провинций и армий. Чудесные знамения 25–26. Добыча вождей, победивших испанцев. Неблагодарность беотийцев 27. Убиение противника римлян Брахилла 28. Преступление беотийцев и наказание их 29. Мир с Филиппом 30. Впечатление, произведенное им на греков 31–32. Решение Квинктия и 10 уполномоченных 33–35. События в Галлии 36–37. Действия царя Антиоха 38. Встреча его с римскими послами 39–40. Неудачная экспедиция Антиоха в Египет и на Кипр 41. События в Риме; выборы на 559 г. 42. Распределение провинций и армий 43. Вести из Испании и Греции 44. Решения, принятые в Риме относительно Антиоха, Набида и Ганнибала 45. Действия Ганнибала в Карфагене и бегство его 46–49.

КНИГА XXXIV (195—193 гг. до н. э.) 890
 Споры из-за Оппиева закона 1–8. Катон отправляется в Испанию и прибывает в Эмпории 9. Возвращение в Рим Гельвия из Дальней Испании 10. Илергеты просят помощи у Катона 11–12. Победа Катона у Эмпорий 13–16. Усмирение Испании 17–21. Умиротворение Италии 22. Объявление войны Набиду 22–24. Мятеж в Аргосе 25. Приготовления римлян и Набида к войне 26–27. Поражение лакедемонян 28. Взятие римлянами Гифеона 29. Переговоры Квинктия с Набидом 30–32. Условия мира 33–35. Набид отказывается от них 36–37. Осада Спарты 38–39 и покорность Набида 40. Освобождение Аргоса 40–41. Выборы на 560 г. 42. Утверждение мира с Набидом. Распределение провинций и армий 13. События в Риме 44–45. Триумф Катона, события в Галлии 46–47. Собрание греков в Коринфе 48–49. Удаление римских гарнизонов из греческих городов 50–51. Возвращение Квинктия в Рим 52. Выведение колоний; события в Риме 53. Выборы на 561 г. 54. Землетрясения. Распределение провинций 55. Волнения в С. Италии и приготовления римлян к борьбе с ними 56. Сенат утверждает распоряжения Квинктия в Греции; спор с послами Антиоха 57–59. Ганнибал у Антиоха 60. Посол от Ганнибала в Карфагене. Спор Масиниссы с карфагенянами 62.

КНИГА XXXV (193—192 гг. до н. э.) 925
 Действия римлян в Испании. Отбытие туда претора Фламиния 2. Действия консулов — Минуция против лигуров 3. Корнелия Мерулы против бойев 4–5. Корнелий вызван в Рим для выборов 6. Дела о долговых обязательствах; действия римлян в Испании 7. Отказ Корнелию в триумфе 8. Бедствия в Риме; вывод колоний 9. Выборы на 562 г. 10. Действия римлян в Лигурии 11. Этолийцы стараются поднять войну против римлян 12. Набид нападает на римских союзников; римское посольство в Азии 13–14. Встреча двух послов с Антиохом 15 и неудачные переговоры с ним 16–17. Антиох решается воевать с римлянами 17–19. Распределение провинций и армий на 562 г. 20. Умиловление богов. Победа над лигурами 21. Меры против Набида; успехи римлян в Испании 22. Волнение в Риме в ожидании войны с Антиохом 23. Выборы на 563 г. 24. Ахеяне вступают в борьбу с Набидом 25–30. Римляне тщетно стараются удержать греков от союза с Антиохом 31–33. Этолийцы овладевают Деметриадой 34. Гибель Набида 35. Изгнание этолийцев из Спарты 36 и

присоединение ее к Ахейскому союзу 37. Этолийцам не удалось захватить Халкиду 37–38, а римлянам вернуть Деметриаду 39. Умиротворение С. Италии. Выведение колонии в Вибон. Бедствия в Риме 40. Распределение провинций и армий на 563 г. События в Риме 41. Приготовления Антиоха и переправа в Европу 42–43. Антиох в собрании этолийцев — 44 — признан главнокомандующим 45. Халкида осталась верна союзу с римлянами 46–47. Безуспешное посольство Антиоха в Ахайю 48–50. Успехи Антиоха на Эвбее 51.

КНИГА XXXVI (191 г. до н. э.) 955

Приготовления к войне с Антиохом 1–4. Антиох старается привлечь греков на свою сторону; посольство эпитротов 5. Беотия присоединяется к Антиоху; соещание в Деметриаде 6. Ганнибал настаивает на необходимости привлечь македонян 7. Мероприятия Антиоха 8. Взятие им Фер и Скотуссы 9. Успехи Антиоха; отступление его от Лариссы 10. Женидьба Антиоха и разнузданность в его войске; события в Акарнании 11–12. Успехи римлян и македонян в Фессалии 13. Филипп овладел Афаманией; успехи римского консула 14. Уныние Антиоха; измена этолийцев 15. Антиох располагается в Фермопилах, а за ним подходит римский консул 16. Сражение в Фермопилах 17–19. Фокида и Беотия покорились римлянам; успехи римлян на море 20. Известие о победе в Греции получено в Риме 21. Взятие римлянами Гераклеи 22–24. Филипп не успел взять Ламии 25. Этолийцы приглашают Антиоха в Грецию 26, просят мира у римлян 27–28. Негодование этолийцев на предлагаемые римлянами условия; надежда на помощь со стороны Антиоха; двусмысленное поведение Филиппа 29. Движение консула к Навпакту 30. Мессена присоединена к Ахейскому союзу: Закинф отдан римлянам 31–32. Взятие Филиппом Деметриады и других городов 33. Навпакт сдался римлянам 34–35. Покорность эпитротов; греческое посольство в Риме 35. События в Риме 36–37. Лигуры и бои разбиты 38. Победитель боев консул П. Корнелий Сципион требует и получает триумф 39–40. Мероприятия Антиоха на случай переправы римлян в Азию 41. Движения римского флота 42. Морская победа их 43–45.

КНИГА XXXVII (190 г. до н. э.) 981

Ответ сената этолийцам; распределение провинций и войск на 564 г. 1–2. Распоряжения в Риме 3. Римляне осадили Ламию — 4 — и взяли ее. Осада Амфиссы — 5 — и падение ее. Переговоры с этолийцами 6–7. Римляне убеждаются в верности Филиппа 7. Распоряжения Антиоха; успехи римлян 8–9. Поражение родосского флота флотом Антиоха 10–11. Безуспешная осада Абида; раздраженные родосцы хотят отомстить за поражение 12, но им помешала буря. Соединение римского и родосского флота; осторожность противников 13. План действий римского и родосского флота 14–15. Действия Г. Ливия в Ликий 16. Действия Эмилия 17. Действия Антиоха против царства Евмена; сосредоточение римских сил 18. Неудачная попытка Антиоха заключить мир 19. Воины Антиоха разбиты ахеннами под Пергамом 20–21. Действия противников в М. Азии и у прилежащих к ней островов 21–22. Флот Антиоха побежден у Сиды 23–24. Антиох тщетно ищет союза с вифинским царем Прусией 25. Осада Нотия 26. Действия претора Эмилия 27–28. Морская победа римлян у Мионнеза 29–30. Отчаяние Антиоха. Осада Фокеи и сдача ее 31–32. Пере-

права римлян в Азию 33. Посольство Антиоха напрасно просит мира 34—35 и не слушает совета П. Сципиона Африканского 36. Движение римского войска в Азии; отступление Антиоха 37. Стычки около Магнезии при Сипиле 38. Приготовления к решительному бою 39—40. Поражение и бегство Антиоха 41—44. Города Азии сдаются римлянам; Антиох согласен на все условия 45. Триумф консула М'. Ацилия; вести из Испании и Галлии 46. Выборы на 565 г. 47. Изгнание этолийского посольства из Рима 48—49. Распределение провинций и армий 50—51. Евмен в сенате 52—53; родосское посольство 54. Антиох дарован мир; устройство Азии 55—56. Распоряжения относительно Испании; выведение колонии в Бононию. Выбор цензоров 57. Триумф Л. Эмилия за победу над флотом Антиоха, и Сципиона за победы над Антиохом 58—59. Действия претора Кв. Фабия на Крите 60.

КНИГА XXXVIII (189—187 гг. до н. э.) 1020
 Афамания отложилась от Филиппа 1. Попытка его вернуть эту область отбита 2. Дальнейшие успехи этолийцев; посольство их в Рим 3. Римляне осадили Амбракию 4; неудачная попытка этолийцев освободить этот город 5—6. Осадные сооружения под Амбракией 7. Этолийцы просят мира — 8 — и получают согласие на то консула 9. Сенат утверждает мирный договор 10—11. Война о галлогреками 12; движение римлян к границам толостобогиев 12—15. Происхождение галлогреков 16. Речь консула к воинам 17. Приготовления галлогреков к обороне 18—19. Поражение толостобогиев при горе Олимпе 20—23. Тектосаги тоже разбиты 24—27. События в Риме; покорность Кефаллени; сопротивление самеев 28; поражение их 29. События в Пелопоннесе 30. Распри Ахейского союза с Лакедемоном 30—34. Распределение провинций и армий на 566 г.; расширение прав кампанцев и жителей некоторых муниципий 35—36. Посольства от народов Азии у проконсула Манлия 37. Мир с Антиохом 38—39. Упорядочение дел в Азии 39. Обратный путь римлян из Азии; столкновение с фракийцами 40—41. Распределение провинций на 567 г. 42. Интриги консула Эмилия против Фульвия 43—44. Проконсул Гн. Манлий просит триумфа за победы в Азии; возражения против этого требования 45—46. Речь Манлия 47—49. Триумф дан ему 50. П. Сципион Африканский привлечен к суду; удаление его из Рима 50—53. Суд над Л. Сципионом 54—55. Разногласие писателей о судьбе П. Сципиона Африканского 56—57. Судьба Л. Сципиона 58—60.

КНИГА XXXIX (187—183 гг. до н. э.) 1064
 Война с лигурами 1. Покорение фриниатских и апуанских лигуров 2. Кеноманы получили назад отнятое у них оружие; латинские переселенцы возвращены из Рима домой 3. Споры в сенате из-за назначения триумфа проконсулу М. Фульвию 4—5; триумф его 5. Выборы на 568 г. Триумф Гн. Манлия Вульсона над галлами 6—7. Бунт в Испании; игры в Риме 7. Распределение провинций на 568 г. Возникновение вакханалий 8. Обнаружение их 9—13. Мероприятия сената и консулов против вакханалий 14—18. Награждение донесших о них 19. События в Лигурии 20. События в Испании 21. Религиозные церемонии в Риме. Переход галлов в Венецию 22. Выборы на 569 г. Причины возникновения войн у римлян с Персеем 23—24. Римские

уполномоченные решают спор Филиппа с фессалийцами, перребами и афанами 25—26, и с Евменом 27—29. Овация Л. Манлия за победы в Испании. Волнение рабов в Апулии 29. Римляне разбиты в Испании и отомстили за свое поражение 30—31. События в Лигурии; выборы на 570 г. 32. Послы Филиппа и Евмена в Риме 33. Суровая расправа Филиппа в Маронее 34. Деметрий, сын Филиппа, отправлен в Рим. Раздоры в Пелопоннесе 35. Римские уполномоченные на собрании Ахейского союза 35—37. Распределение провинций и армий на 570 г. 38. Спор из-за претуры 39. Споры из-за цензорства; характеристика М. Порция Катона 40—41. Следствие об отравителях и вакханалиях 41. Положение в Испании; деятельность цензоров 42—44. Выборы и распределение провинций и армий на 571 г. 45. Похороны верховного понтифика П. Лициния Красса. Жалобы на Филиппа перед сенатом 46. Объяснения Деметрия от имени Филиппа 47. Лакедемонское посольство в Риме 48. Волнения в Пелопоннесе. Гибель Филопемена и наказание Мессены 49—50. Смерть Ганнибала 51. Время смерти Сципиона 52. Подозрения Филиппа против сына Деметрия 53. Жалобы галлов и удаление их из Италии 54—55; основание новых колоний 55. События в Испании и Лигурии; выборы на 572 г.; чудесные знамения 56.

КНИГА XL (182—179 гг. до н. э.). 1099

Распределение провинций и армий на 572 г. 1. Умилостивительные жертвоприношения в Риме. Прибытие посольств из-за моря 2. Тревожные сообщения о Филиппе; его жестокость 3—4. Филипп злоумышляет против римлян и недоволен Деметрием; 5. Интриги Персея против Деметрия 6—15. Покорность лигуров; события в Испании 16. Спор карфагенян с Масиниссой; распоряжения относительно Лигурии 17. Выборы и распределение провинций и армий на 573 г. 18. Умилостивительные жертвоприношения по случаю знамений 19. Посольства с востока в Риме; недоверие Филиппа к Деметрию усиливается 20. Экспедиция Филиппа на г. Гем 21; действия его в Медике 22. Смерть Деметрия 23—24. Коварное нападение лигуров на Л. Эмилия Павла 25; тревога в Риме и распоряжения 26; наказание виновных и изъявление ими покорности 27—28. Выведение колонии Грависки. Открытие двух гробниц 29. Победы римлян в Ближней Испании над кельтиберами 30—33. Выведение колонии Аквилеи; освящение храмов; триумф Л. Эмилия Павла над лигурами и их покорность; успехи римского оружия на Корсике и Сардинии; отношения к карфагенянам 34. Выборы на 574 г. и распределение провинций и армий; вести из Испании 35—36. Смертность в Риме 37. Выселение апуанских лигуров 38. Победа над кельтиберами 39—40. Покорение Лигурии; наказание 2-го легиона 41. Сообщение о враждебных действиях Гентия; выборы жрецов на место умерших 42. Распоряжения для выведения колонии Луны; затруднения Г. Мения; триумф Кв. Фульвия Флакка 43. Выборы на 575 г. и распределение провинций и армий; выполнение обетов 44. Знамения; выбор цензоров 45—46. События в Испании 47—50. Деятельность цензоров 51—52. События в Лигурии; новое появление галлов в Италии 53. Смерть Филиппа и воцарение Персея в Македонии 54—56. События в Македонии 57—58. Триумф над лигурами; выборы на 576 г.; знамения 59.

КНИГА XL I (178—174 гг. до н. э.)	1133
Война против Истрии; успех галлов 1—2; наказание их 3—4. Тревога в Риме и успокоение ее 5. Интриги в Риме против Манлия; возвращение вождя из Испании; известия о мятеже в Сардинии; жалобы ликийцев на родосцев 6. Триумф Гракха и Альбина за победы в Испании. Нападки на консула Манлия 7. Выборы и распределение провинций на 577 г. Сенат принимает посольства из Сардинии, Истрии и от латинян; жалобы последних на перечисление их соотечественников в римские граждане 8. Распределение армий. Чудесные знамена. Возвращение латинян на их родину 9. Удача проконсулов в Истрии; прибытие консула туда и возвращение в Рим 10. Усмирение Истрии 11. Усмирение Сардинии и Лигурии 12. Знамена. Выведение колонии в Луну. Триумф Г. Клавдия за победы в Истрии и Лигурии 13. Восстание лигуров. Выборы на 578 г. Распределение войск между консулами 14. Религиозные сомнения; распределения провинций; отказ двух преторов от провинций 15. Новые религиозные затруднения. Усмирение Лигурии 16. Усмирение Сардинии. Дополнительный выбор консула. Восстание в Лигурии 17 и усмирение его 18—19. Война между бастарнами и дарданами 19. Характеристика Антиоха Епифана 20. Распределение войск. Чума в Италии. Чудесные знамена 21. Римское посольство возвратилось из Африки. Персей покорил долопов и старается помириться с греческими государствами 22. Прения на собрании Ахейского союза по поводу предложений Персея 23—24. Раздоры среди атолийцев и критян; нападения родосцев на ликийцев 25. Усмирение кельтиберов. 26. Деятельность цензоров. Успокоение патавинцев 27. Выборы на 581 г. Триумф Ап. Клавдия за победы в Испании. Праздники в Риме 28.	
КНИГА XL II (173—171 гг. до н. э.)	1152
Распределение армий на 581 г. Требования консула Постумия к пренестинцам 1. Тревожные вести из Македонии и Этолии; умиловительные жертвоприношения 2. Оскорбление храма Юноны Лацинийской римским цензором 3. Распоряжения относительно Ближней Испании и раздела лигурийских и галльских земель 4. Персей склоняет на свою сторону греческие общины; римляне успокаивают раздоры в Этолии и Фессалии 5. Марцелл на собрании Ахейского союза; посольство Антиоха в Риме 6. События на Корсике и в земле лигуров 7. Сенат отменил суровое решение консула относительно лигуров 8; протест консула. Выборы на 582 г. 9. Перепись; освящение храма Фортуны; саранча в Апулии; распределение провинций на 582 г. 10. Евмен свидетельствует перед сенатом, что Персей готов к войне с Римом 11—12 и хозяйничает в Греции 13. Объяснения послов Персея и родосцев 14. Покушение Персея убить Евмена 15—16. Сообщения ездившего в Македонию Г. Валерия 17. Приготовления римлян и Евмена к войне с Персеем. Пополнение войск в Испании 18. Дело о кампанских участках. Посольства Ариарафа и оранийцев в Риме 19. Чудесные знамена 20. Сенат настоял на отъезде консулов в Лигурию. Триумф Цицеря. Следствие о наказании лигуров 21—22. Спор послов карфагенян и Масиниссы перед сенатом 23—24. Окончательный разрыв с Филиппом 25. Иллирийцам приказано не обижать союзников римского народа. Благоприятные известия из Азии 26. Приготовления к войне 27. Выборы на 583 г.; жертвоприношения и обеты. Смерть понтифика Фульвия Флакка 28.	

Настроение царей и народов 29—30. Решено спросить народ о войне с Персеем 30 и распределить армии 31. Распределение провинций на 584 г. Набор 32. Претензия центурионов 32—35. Дополнительный набор 35. Послы Персея в Риме. Переправа римлян в Эпир 36. Римские послы у греческих государств 37—38. Переговоры Марция с Персеем 38—43. Настроение Беотии и Пелопоннеса 42—44. Римское посольство на Родосе 45. Послы Персея на Родосе и в Беотии 46. Мнение сената о действиях римских послов в Македонии 47. Послы Персея в Риме. Отправка флота к берегам Македонии 48. Проводы консула Лициния 49. Персей на совещании решает начать войну с римлянами 50. Вооруженные силы Персея 51. Его речь к воинам 62. Выступление и первые военные действия Персея 53—54. Первые действия консула; прибытие союзников из Греции 55. Движение римского флота; осада Галиарта; прибытие кораблей союзников. Персей опустошает область Фер 56. Стычка отрядов Персея и Евмена 57. Кавалерия Персея разбила римлян 58—59. Отступление римлян в безопасное место за Пеней 60. Персей и его воины возгордились победой 61. Безуспешная попытка Персея заключить мир 62. Взятие Галиарта и занятие Фив 63. Неудачное нападение Персея на римский лагерь. Римляне расположились у Краннона 64. Удачное нападение Персея на римских фуражиров; своевременная помощь консула 65—66. Персей удалился в Пеллу; римляне покорили Перребию и расположились на зимние квартиры 67.

КНИГА XLIII (171—169 гг. до н. э.) 1194

Действия римлян в Иллирике. Самовольное удаление консула Кассия в Македонию 1. Жалобы испанцев в сенате на римских правителей 2. Основание колонии отпущенников. Прибытие в Рим карфагенских послов и Гулуссы 3. Усмирение бунта в Испании. Алчность Лукреция и Гортензия 4. Жалобы на Кассия и ответ сената 5. Посольства в Риме из Греции, Азии и Африки 6. Посольства с Крита и из Халкиды 7. Суд над Лукрецием 8. Положение дел в Лигурии и Иллирике 9. Неудачная попытка Ап. Клавдия взять Ускану 10. Вести в Риме о положении дел в Македонии. Выборы на 585 г. Возвращение уполномоченных из Македонии. 11. Распределение провинций и армий 12. Знамена 13. Выбор цензоров. Набор 14—15. Распределение провинций. Ценз 15. Суровость цензоров по отношению к всадникам: суд над цензорами 16. Римские уполномоченные в Греции 17. Персей взял Ускану и много других городов Иллирика 18—19; посольство от Персея в Гентию 19—20. Действия римлян в Иллирике. Персей направляется в Этолию 21—22; отступление его от Страта к Аперанции и возвращение домой. Неудачи римлян 23.

КНИГА XLIV (169—168 гг. до н. э.) 1207

Прибытие в Грецию должностных лиц 585 г. и решение идти в Македонию 1—2; меры Персея для защиты страны 2. Встреча консульского войска с Персеем 3. Римляне пробивались через горы, занятые македонцами 4—5. Напуганный Персей оставил беззащитными все проходы в Македонию 6. Консул взял несколько македонских городов и остановился у Филы 7—8. Взятие римлянами Гераклея 9. Жестокость Персея. Движение римлян по македонскому берегу 10, Осада Кассандрей 11—12. Попилий безуспешно осаждал Мелибею; не взята и Деметриада; отъезд Евмена 13. Послы из Галлии и Памфилии в Риме;

послы Пруссии и родосцев желают помирить римлян и Персея 14–15. Донесение консула Марция о действиях в Македонии. Деятельность цензоров 16. Выборы на 583 г.; распределение провинций 17. Эмилий требует точных сведений о положении в Македонии. Чудесные знамения 18. Посольство из Египта 19. Донесение римских послов о положении в Македонии 20. Распоряжение сената о войсках 21. Отъезд Эмилия 22. Союз Персея с Гептием; соединенное посольство от них на Родос 23. Послы Персея у Евмена и Антиоха 24. Настроение Евмена; жадность Персея 25–27. Действия македонского флота 28. Столкновение римских и македонских кораблей; ответ родосцев царским послам 29. Действия Гентия; римляне идут против него 30. Скодра взята, Гентий сдался римлянам 31 и послан в Рим. Распоряжения Персея 32. Распоряжения консула Эмилия 33–34. Родосское посольство в римском лагере. План Эмилия: битва с македонскими аванпостами 35. Осторожность Эмилия; лунное затмение 36–37. Речь консула перед битвой 38–39. Завязывается битва 40. Победа римлян 41–42. Бегство Персея 43. Удаление фракийцев из Амфиполя 44. Македония покоряется римлянам. Персей бежал и из Амфиполя 45. Римляне у Пеллы 46.

КНИГА XLV (168—167 гг. до н. э.) 1239
 Впечатление, произведенное в Риме известием о победе 1–3. Персей просит у Эмилия мира 4. Евандр убит Персеем на Самофракии 5. Персей сдался римлянам 6; прибытие его в лагерь консула Эмилия 7–8. Краткая история Македонии 9. Римские послы посетили Родос 10. События в Египте 11; власть возвращена Птоломею 12. Послы Антиоха и Птоломея в Риме; споры колонистов. Посольство Евмена и Масиниссы 13–14. Деятельность цензоров 15. Распределение провинций и армий на 587 г. Чудесные знамения 16. Назначение уполномоченных в Македонию и Иллирик 17; инструкция им 18. Агтал в Риме 19–20. Суровый прием родосцев 20. — Вопрос, воевать ли с ними 21. Речь главы родосского посольства 22–24. Решение сената и настроение родосцев 25. Умиротворение Иллирика и Эпира 26. Путешествие Эмилия по Греции 27–28. Организация Македонии 29–30. Суд над этолийцами и акарнанцами 31. Приверженцы Персея отосланы в Рим. Великие игры 32. Македонская добыча; разграбление иллирийских городов 33–34. Недовольство воинов. Война галлов с Евменом 34. Вопрос о триумфе Эмилия 35–39. Триумф 40. Речь Эмилия Павла 41. Триумф Октавия; фракийское посольство в Риме 42. Триумф над иллирийцами 43. Выборы на 588 г. Пруссия в Риме 44.